

ISSN 2658-6541

ИСТОРИЯ И АРХИВЫ

Научный журнал

Основан в 2006 г.

HISTORY AND ARCHIVES

Academic Journal

Founded in 2006

1 • 2022

“History and Archives”

Academic Journal

There are 4 issues of the journal a year

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Academic journal “History and Archives” is included in the Russian Science Citation Index; in the Higher Attestation Commission list of leading scientific magazines and other editions for publishing PhD research findings

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.6.1 Russian History

5.6.2 World History

5.6.5 Historiography, Source Studies and Methods of History Research

5.6.8 Document Research, Records Management, Archives Administration

Aims and domain

The “History and Archives” is a peer-reviewed academic journal, the aim of which is to publish the results of the research based on the archival documents – the research evaluating the events, phenomena and processes of national and world history. The task of the journal is the analysis of urgent issues of source studies, historiography, archival science, records management, and also of the archival component of exploration in the field of history and documentary heritage within the system of cultural values.

The mission of the journal is to facilitate the development of inter-disciplinary research that generalizes the contemporary experience of the use of historical sources kept in archives and in the manuscript departments of museums and libraries. The journal publishes the materials pertinent to the analysis of the changes in archives activities when new information technologies are implemented, the materials connected with the study of the problems of historical archival science, the materials related to the multilateral cooperation and harmonious combination of the results of the work of historians and archivists for the benefit of information maintenance of historical science. The journal is targeted at the publication of scientific reviews, research papers and articles related to the study of the whole complex of theoretical, scientific and practical issues that pertain to the development of the humanitarian strategy of the educational function of archives and to the cooperation of historians within the “archives–researcher” system.

The journal accepts for publication original articles, comprehensive research papers by Russian and overseas authors, reports that have never been published before.

“History and Archives” is registered by the Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and Mass Media 03.08.2018, reg. no. PI FS77-73410

Editorial staff office: 6, Miususkaya Sq., Moscow, 125047

tel: 8-495-250-68-68

e-mail: ioad@yandex.ru

© History and Archives, 2022

«История и архивы»
Научный журнал
Выходит 4 номера печатной версии журнала в год
Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Научный журнал «История и архивы» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень ВАК – ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Российской Федерации решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Научные рецензируемые публикации соответствуют отраслям науки:

5.6.1 Отечественная история

5.6.2 Всеобщая история

5.6.5 Историография, источниковедение и методы исторического исследования

5.6.8 Документалистика, документоведение, архивоведение

Цели и область

«История и архивы» – рецензируемый научный журнал, цель которого заключается в публикации основанных на архивных документах научных исследований, анализирующих события, явления и процессы отечественной и мировой истории. Задачей журнала является анализ актуальных проблем источниковедения, историографии, архивоведения и документоведения, а также архивной составляющей исследовательской работы в области истории и документального наследия в системе культурных ценностей.

Миссия журнала – содействовать развитию междисциплинарных исследований, обобщающих современный опыт использования хранящихся в архивах, рукописных отделах музеев и библиотек исторических источников. На страницах журнала публикуются материалы, связанные с анализом изменений деятельности архивов в условиях внедрения новых информационных технологий, исследованием научных проблем исторического архивоведения, многосторонним взаимодействием и гармоническим сочетанием результатов работы историков и архивистов в интересах информационного обеспечения исторической науки. Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем развития гуманитарной стратегии коммуникативной функции архивов и взаимодействия историков и архивистов в рамках системы «архив–исследователь».

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 03.08.2018 г., регистрационный номер ПИ № ФС77-73410

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6

Тел: 8-495-250-68-68

электронный адрес: ioad@yandex.ru

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

A.B. Bezborodov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

T.I. Khorkhordina, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

E.V. Barysheva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M. Bubnicek, Dr. of Sci. (History), professor, École Nationale des Chartes (Sorbonne), Paris, France

V.N. Vladimirov, Dr. of Sci. (History), professor, Altay State University, Barnaul, Russian Federation

E.I. Gololobov, Dr. of Sci. (History), professor, Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russian Federation

V.I. Durnovtsev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.A. Dvoenosova, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Ermolaeva, Dr. of Sci. (History), professor, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin – the branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Saratov, Russian Federation

S.V. Karpenko, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.P. Kozlov, Dr. of Sci. (History), RAN correspondent member, professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.N. Lanskoj, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.V. Larin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

P.N. Lebedev, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

E. Marguin-Hamon, Dr. of Sci. (Philology), École Nationale des Chartes (Sorbonne), Paris, France

O.V. Pavlenko, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

S. Petkova, Dr. of Sci. (History), professor, “St. Kliment Ohridski” at the University of Sofia, Sofia, Bulgaria

M.V. Rostislavleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

- A.S. Senin*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- M.F. Shumeiko*, Cand. of Sci. (History), professor, Belarusian State University (BSU), Minsk, Republic of Belarus
- A.K. Sorokin*, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State Archive of Social and Political History, Moscow, Russian Federation
- P.P. Shkarenkov*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- T. Shirai*, Dr. of Sci. (History), professor, University of Tsukuba, Japan
- F.G. Taratorkin*, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- Yu. Tonai*, Ph.D., associate professor, Hokkaido University, Sapporo, Japan
- V.I. Zhuravleva*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editors:

- T.I. Khorkhordina*, Dr. of Sci. (History), professor (RSUH)
- L.A. Khalilova*, Cand. of Sci. (Philology), professor (RSUH)

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

А.Б. Безбородов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Т.И. Хорхордина, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Е.В. Барышева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М. Бюбеничек, доктор исторических наук, профессор, Национальная школа хартий (Сорбонна), Париж, Франция

В.Н. Владимиров, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

Е.И. Гололобов, доктор исторических наук, профессор, Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Российская Федерация

Г.А. Двоеносова, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Дурновцев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Ермолаева, доктор исторических наук, профессор, Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов, Российская Федерация

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

С.В. Карпенко, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.П. Козлов, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Г.Н. Ланской, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.В. Ларин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

П.Н. Лебедев, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
(ответственный секретарь)

Э. Марген-Амон, доктор филологии, Национальная школа хартий (Сорбонна), Париж, Франция

О.В. Павленко, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

С. Петкова, доктор исторических наук, профессор, Софийский университет им. св. Климента Охридского, София, Болгария

Н.В. Ростиславлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.С. Сенин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.К. Сорокин, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Москва, Российская Федерация

Т. Сираи, доктор исторических наук, профессор, Университет Цукуба, Япония

Ф.Г. Тараторкин, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ю. Тонаи, Ph.D., доцент, Университет Хоккайдо, Саппоро, Япония

П.П. Шкаренков, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.Ф. Шумейко, кандидат исторических наук, профессор, Белорусский государственный университет (БГУ), Минск, Республика Беларусь

Ответственные редакторы:

Хорхордина Т.И., доктор исторических наук, профессор (РГГУ)

Халилова Л.А., кандидат филологических наук, профессор (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Отечественная история

С.Ю. Кондратенко
Оборона Тулы как фактор победы в Московской битве 12

Е.П. Шалацкая, А.А. Курапов
Организация борьбы с эпидемией холеры
в г. Астрахани и Астраханской области в 1970 г. 26

Всеобщая история

А.А. Мойса, Н.В. Ростиславлева
Вклад Л. Кранаха Старшего
в распространение реформационных идей Мартина Лютера
(первая половина XVI в.) 44

История культуры в документальном наследии

Я.В. Юркина
Литературно-общественная позиция
советского немецкого писателя Андреаса Закса
в вопросах религии и церкви (1930–1960-е гг.) 56

Персональная история

А.Т. Галимзянова
Воспоминания Хайри Гимади 74

Архивоведение и документоведение: история, теория, практика

М.Ф. Шумейко
I Всероссийская конференция архивных деятелей 1921 г.
и I Всебелорусская конференция архивных работников 1924 г.
как пример российско-белорусского архивного сотрудничества 92

В фондах отечественных и зарубежных архивов

В.В. Никонов
Изъятие ценностей из храмов Московской губернии
в 1922 г. в архивных документах ЦГАМО и ЦГА г. Москвы 105

<i>А.А. Кузнецова, О.Г. Санин</i>	
Документальное наследие Н.П. Ламановой в рукописном отделе ГЦТМ им. А.А. Бахрушина	118

In memoriam

Памяти Шарля Кечкемети. <i>Т.И. Хорхордина</i>	141
--	-----

«В профессии архивиста нужно всегда идти вперед вместе со своим временем и приобретать новые знания...»: интервью с Шарлем Кечкемети (2019 г.). <i>Запись интервью и перевод на русский язык</i> <i>В.Б. Томас-Прозоровой</i>	145
---	-----

CONTENTS

Russian History

S. Kondratenko
The defense of Tula as a factor of the victory in the battle of Moscow ... 12

E. Shalatskaya, A. Kurapov
Organization of the fight against the cholera epidemic
in the city of Astrakhan and the Astrakhan region in 1970 26

World History

A. Moisa, N. Rostislavleva
Contribution of Lucas Cranach the Elder to the spread
of Martin Luther's reformation ideas (the first half of 16th century) 44

History of culture in documentary heritage

Ya. Yurkina
The literary and social position
of the Soviet-German writer Andreas Saks
on matters of church and religion (1930s – 1960s) 56

Personal histories

A. Galimzyanova
Memories of Khairi Gimadi 74

Archives Administration and Records Management: History, Theory, Procedures

---

M. Shumeiko
The First All-Russian Conference of Archival Activists of 1921
and the First All-Belorussian Conference of Archival Workers
of 1924 as an example of the Russian-Belorussian archival
cooperation 92

In the funds of Russian and foreign archives

V. Nikonov
The seizure of valuables from the temples of the Moscow province
in 1922 in the archival documents of the CSAMR
and CSA of Moscow 105

A. Kuznetsova, O. Sanin

The documentary heritage of N.P. Lamanova
in the A.A. Bakhrushin State Central Theatre Museum 118

In memoriam

Dedicated to the memory of Charles Kecskeméti.

T. Khorkhordina 141

“In the profession of an archivist one should always move
forward keeping up with the times and acquire new knowledge...”
Interview with Charles Kecskeméti (2019).

Interviewer and translator – V. Thomas-Prozorova 145

Отечественная история

УДК 94(470.312)

DOI: 10.28995/2658-6541-2022-1-12-25

Оборона Тулы как фактор победы в Московской битве

Сергей Ю. Кондратенко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Konrad_85@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются боевые действия на тульском направлении в октябре–ноябре 1941 г. в общем контексте Московской битвы.

Планируя операцию по захвату Москвы, немецкое командование главную роль в наступлении отводило танковым армиям, которые должны были, прорвав оборону советских войск на стратегических флангах, окружить советскую столицу. На южном, тульском, направлении наступала 2-я танковая армия, которая на своем пути рассчитывала с ходу занять важный промышленный центр – Тулу.

Прорвав оборону советской 50-й армии, противник в конце октября вышел к Туле. Все попытки взять город штурмом потерпели неудачу, и враг принял решение изменить план действий, который был окончательно сорван контрударом войск Брянского фронта.

Во второй половине ноября 1941 г. немецкое командование предприняло последнюю попытку взять Москву. Общей замысел операции остался прежним – окружение города танковыми армиями.

2-я танковая армия противника смогла добиться некоторого тактического успеха на тульском направлении, но все попытки развить его в оперативный были купированы советскими войсками.

Тем самым успешная оборона Тулы стала одним из факторов срыва немецкого плана захвата Москвы и подготовила условия для перехода Красной армии в контрнаступление.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Московская битва, оборона Тулы, 2-я танковая армия, 50-я армия

Для цитирования: Кондратенко С.Ю. Оборона Тулы как фактор победы в Московской битве // История и архивы. 2022. № 1. С. 12–25. DOI: 10.28995/2658-6541-2022-1-12-25

The defense of Tula as a factor of the victory in the battle of Moscow

Sergei Yu. Kondratenko

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, Konrad_85@mail.ru*

Abstract. The article considers the hostilities in the Tula direction in October – November 1941 in the general context of the Moscow battle.

Planning an operation to seize Moscow, the German command assigned the main role in the offensive to tank armies, which were supposed to break through the defenses of the Soviet troops on the strategic flanks, to encircle the Soviet capital. In the southern Tula direction the 2nd Panzer Army advanced, striving to occupy an important industrial center – Tula at a go.

Having broken through the defenses of the Soviet 50th Army, the enemy reached Tula at the end of October. All attempts to take the city by storm have failed, and the enemy decided to change the plan of action, which was finally thwarted by a counterattack by the troops of the Bryansk Front.

In the second half of November 1941, the German command made a last attempt to take Moscow. The general concept of the operation remained the same – the encirclement of the city by tank armies.

The 2nd Panzer Army was used to some tactical success in the Tula direction, but all attempts to develop it into an operational one were stopped by the Soviet troops.

Thus, the successful defense of Tula became one of the factors in the disruption of the German plan to capture Moscow and prepared the conditions for the Red Army to launch a counteroffensive.

Keywords: The Great Patriotic War, The battle of Moscow, defense of Tula, The 2nd Panzer Army, 50th Army

For citation: Kondratenko, S.Yu. (2022), “The defense of Tula as a factor of the victory in the battle of Moscow”, *History and Archives*, no. 1, pp. 12–25, DOI: 10.28995/2658-6541-2022-1-12-25

В отечественной историографии оборонительный период Московской битвы делится на ряд армейских оборонительных операций, каждая из которых внесла свой вклад в оборону столицы: Вяземская операция, Можайско-Малоярославецкая операция, Клинско-Солнечногорская операция и др. Особенностью восприятия оборонительного периода Московской битвы в российском обществе является сужение пространства сражения до боевых действий непосредственно на подступах к столице. Это характерно и для ноябрьского наступления Вермахта на Москву, которое часто

ассоциируется с боевыми действиями на клинско-солнечногорском направлении. Тем самым от Московской битвы отсекается целый пласт событий, которые не только являются ее неотъемлемой частью, но и внесли весомый вклад в победу советских войск под Москвой. «Жертвами» этого восприятия стали операции на стратегических флангах Московской битвы – боевые действия на калининском и тульском направлениях.

В статье мы проанализируем роль и значение Тульской оборонительной операции в Московской битве, сделав особый акцент на ноябрьском наступлении Вермахта, которое хорошо иллюстрирует обстановку на советско-германском фронте накануне контрнаступления Красной армии под Москвой.

30 сентября 1941 г. немецкая группа армий «Центр» начала наступление на Москву, которое имело кодовое наименование «Тайфун». Немецким войскам, ударной силой которых были три танковые группы, удалось прорвать оборону советских войск и окружить основные силы трех фронтов, оборонявшихся на дальних подступах к Москве, – Западного, Резервного и Брянского. Решив, что путь к советской столице открыт, немецкое командование стало корректировать планы наступления. 14 октября 1941 г. был подписан приказ о продолжении операции по захвату Москвы. Противник планировал окружить советскую столицу силами 4-й полевой, 4-й и 2-й танковых армий. Действовавшая на южном фланге «Тайфуна» 2-я танковая армия генерал-полковника Г. Гудериана должна была «выйти в район юго-восточнее Москвы с таким расчетом, чтобы она, прикрываясь с востока, охватила Москву с юго-востока, а в дальнейшем также и с востока. Имеющие большое значение для снабжения Москвы промышленные районы Сталиногорска, Тулы и Каширы должны быть захвачены как можно быстрее и прочно прикрыты»¹.

К концу октября соединения двух моторизованных корпусов – XXIV и XXXXVII – 2-й танковой армии, сосредоточились на границе Орловской и Тульской областей. 24 октября 1941 г. боевые группы немецких танковых дивизий перешли в наступление на позиции 50-й армии (командующий – генерал-майор А.Н. Ермаков), оборонявшейся на тульском направлении. Прорвав оборону советских войск, немецкие войска устремились к Туле и 29 октября вышли к предместьям города. Противник планировал быстро взять город и продвигаться дальше, к переправам через Оку у Каширы, но стойкая оборона гарнизона города и частей 50-й армии разрушила вражеские планы. Неудачная попытка сходу взять город привела

---

¹ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15 (4–1). М.: Терра, 1997. С. 24.

к изменению планов противника – немецкое командование отказалось от идеи лобового штурма Тулы и стало готовить операцию по охвату города с востока [Кондратенко 2021, с. 62].

Г. Гудериан принял решение, подтянув к Туле резервы, прорвать оборону советских войск на дедиловском направлении, восточнее Тулы, и глубоким прорывом танковых боевых групп охватить город с востока и северо-востока, соединившись с дивизиями XXXXIII армейского корпуса, завершив окружение города.

В это же время штаб Брянского фронта подготовил контрудар с целью разгрома тульской группировки противника. Утром 7 ноября 1941 г. войска 50-й и 3-й армий (командующий – генерал-майор Я.Г. Крейзер) перешли в наступление. Действовавшие на тульском направлении дивизии 50-й армии смогли лишь потеснить противника под Тулой, куда удачнее действовала 3-я армия. Войска армии Я.Г. Крейзера атаковали врага в районе Теплого, тем самым угрожая флангу и тылу 2-й танковой армии. Г. Гудериан был вынужден перебросить на данное направление войска, которые предназначались для наступления восточнее Тулы. Свежие силы смогли переломить ситуацию в пользу немцев, и советские войска были вынуждены отступить. Несмотря на неудачу, контрудар войск Брянского фронта сорвал готовившееся штабом 2-й танковой армии наступление по охвату Тулы с востока и северо-востока [Кондратенко 2021, с. 84].

В ходе боевых действий на тульском направлении в конце октября – начале ноября 1941 г. советские войска упорной обороной и контрдействиями остановили наступление 2-й танковой армии, выиграв необходимое время для укрепления обороны и подтягивания резервов. Обе стороны готовились к новому этапу борьбы на южном стратегическом фланге Московской битвы.

13 ноября 1941 г. в Орше состоялась встреча начальника штаба ОКХ генерал-фельдмаршала Франца Гальдера с командующими армиями группы армий «Центр», на котором был объявлен приказ фюрера о продолжении наступления на Москву. Общая идея операции осталась прежней – окружение советской столицы ударами танковых армий на стратегических флангах с последующим выходом на линию Рязань–Владимир–Калязин.

Г. Гудериан был разочарован итогами совещания в Орше и искренне не понимал, как войска вверенной ему армии смогут справиться с поставленной задачей: «Этот приказ ставил перед 2-й танковой армией задачу овладеть городом Горьким (бывшим Нижним Новгородом), находившимся в 600 км от Орла. Либенштейн немедленно заявил, что 2-я танковая армия при настоящей обстановке способна лишь дойти до Венева. Теперь же не май месяц, и мы не во Франции! Я полностью разделял мнение своего начальника штаба и немедленно доложил в письменной

форме командующему группой армий о том, что танковая армия не в состоянии выполнить этот приказ»².

В соответствии с новым планом 2-я танковая армия, сковав советские войска под Тулой, должна была прорваться танковыми дивизиями восточнее города и перерезать шоссе Тула–Венев, после чего основные силы разворачивались в северо-западном направлении и прорывались на шоссе Тула–Серпухов, где устанавливали связь с XXXXIII армейским корпусом. Часть сил XXXXVII моторизованного корпуса должна была захватить переправы через Оку у Каширы и тем самым воспрепятствовать подходу советских резервов от Москвы.

Наступающим немецким войскам противостояли следующие части и соединения 50-й армии. На правом фланге армии, на стыке с 49-й армией, занимал позиции 288-й стрелковый полк 238-й дивизии. Далее следовали позиции 258-й стрелковой дивизии, закрепившейся на рубеже Пронино–Кетри. 290-я стрелковая дивизия занимала оборону на р. Упа на участке Некрасово–Плеханово. 217-я и 154-я стрелковые дивизии держали оборону на участке Верхнее Криволучье–Верхние Присады–Глухие Поляны, прикрывая Тулу с южного направления. На левом фланге армии располагались 413-я и 299-я стрелковые дивизии с приданной 32-й танковой бригадой, оборонявшие восточный берег р. Упа, р. Шиворонь на участке Нижние Присады–Епишево, имея два батальона в районе Болоховки. Стык с 3-й армией Юго-Западного фронта обеспечивался 41-й кавалерийской дивизией.

Наиболее уязвимым местом в обороне 50-й армии являлся ее левый фланг, где на участке Дедилово–Узловая и далее образовался разрыв в 40–50 км, который предполагалось заполнить 239-й стрелковой дивизией. Первые эшелоны дивизии стали выгружаться на станции Узловая 17 ноября. Сразу после выгрузки первые два стрелковых батальона заняли оборону в районе Торбеевки и Смоудино, в 15 км юго-восточнее и юго-западнее Узловой.

Планируя решающее наступление на Москву, противник фактически продолжил операцию по окружению города, в котором важная роль отводилась 2-й танковой армии. Она должна была не только охватить советскую столицу с юга и востока, но и продвигаться как можно дальше на восток.

Перед началом наступления противнику удалось нащупать слабое место в обороне 50-й армии, где он и планировал добиться решительного успеха на первом этапе операции – прорвать позиции советских войск, окружить Тулу, захватить переправы на Оке у Каширы, заняв плацдарм для дальнейшего наступления на Москву.

---

² *Гудериан Г.* Воспоминания солдата. Смоленск: Русич, 2004. С. 335.

Утром 18 ноября 1941 г. после сильной артиллерийской подготовки и ударов бомбардировочной авиации противник перешел в наступление, нанося главный удар 3-й и 4-й танковыми дивизиями на Болохово и Дедилово.

Создав подавляющее численное превосходство на направлении главного удара, противник прорвал боевые порядки 413-й и 299-й стрелковых дивизий, захватил ряд населенных пунктов в 10–14 км юго-восточнее Тулы и оттеснил советские войска на рубеж Болохово–Пятницкое.

Одновременно с танкистами XXIV моторизованного корпуса перешли в наступление и пехотинцы LIII армейского корпуса. Ранним утром 18 ноября 112-я и 167-я пехотные дивизии атаковали левый фланг и центр обороны 239-й стрелковой дивизии со стороны Богородицка в направлении Узловой и Сталиногорска. Все атаки противника были отбиты с существенными потерями для него. Рассчитывать на успех в захвате узловско-сталиногорской агломерации немецкое командование могло лишь в случае успешных действий 4-й танковой дивизии, которая после прорыва у Дедилова охватила правый фланг 239-й стрелковой дивизии.

Узнав о начале немецкого наступления, командование 50-й армии принимает экстренные меры по стабилизации обстановки – в контрудар были брошены скудные армейские резервы. В соответствии с Боевым приказом № 18 армия, «прочно удерживая фронт Есипово–Тула–Нижние Присады, с утра 19 ноября переходит в наступление в направлении Дедилово для уничтожения прорвавшегося противника и восстановления своего положения»³.

Однако немцы, владея инициативой, опередили советские войска и утром 19 ноября возобновили наступление. В полосе обороны 413-й стрелковой дивизии развернулись упорные бои. Дивизия предприняла ряд контратак севернее Болохово. Отдельные населенные пункты по нескольку раз переходили из рук в руки.

На следующий день противник продолжал развивать наступление в направлении Сталиногорска и Венева, полуокружил в районе Болохово 413-ю стрелковую дивизию и вышел на фланги 239-й стрелковой дивизии. После тяжелого боя, который не раз переходил в рукопашную, немецкие войска заняли Болохово.

Бои за город обошлись противнику очень дорого. 2-й батальон 3-го стрелкового полка потерял 9 человек убитыми и 37 ранеными,

---

³ ЦАМО РФ. Ф. 405. Оп. 9769. Д. 10. Л. 18.

а 1-й батальон 394-го стрелкового полка за два дня боев потерял 63 человека убитыми и 125 ранеными⁴.

К исходу 20 ноября передовые части врага достигли района 6 км северо-западнее Сталиногорска и попытались с ходу выйти к Веневу. В создавшейся обстановке командующий армией принимает решение организовать оборону по северному берегу р. Шат и далее Ключевка, Сталиногорск, Донской, Дубово, Карачево (12 км восточнее Донского).

Как мы помним, прорыв немецких войск в полосе обороны 50-й армии мог иметь далекоидущие последствия и завершиться охватом Москвы с юга, поэтому командующий Западным фронтом генерал армии Г.К. Жуков принял решение усилить армию резервами. В ее состав была передана формирувавшаяся в Кашире 173-я стрелковая дивизия.

На подступах к Узловой 4-й танковая дивизия отражала атаки частей 108-й танковой и 239-й стрелковой дивизий. Днем 21 ноября к противнику подошло подкрепление: 12 танков 39-го танкового полка и 8 танков 6-го танкового полка, и он стремительной атакой отбросил стрелков 239-й дивизии и на их плечах ворвался в город. Весь день и ночь в Узловой шли уличные бои. Противнику удалось закрепиться и удержать город. После тяжелого боя части 239-й стрелковой дивизии отступили на рубеж Сталиногорск-1–Смородино (3 км южнее Донского).

В этот же день на крайнем левом фланге 239-й стрелковой дивизии было установлено выдвижение передовых частей 29-й и 10-й моторизованных дивизий. Первое соединение имело своей целью совершение броска через р. Дон между Епифанью и селом Люторичи на деревню Савино и далее на Серебряные Пруды и Зарайск, второму ставилась задача выйти на Михайлов и далее на Рязань [Богомолов 2018, с. 29].

22 ноября 1941 г. командование 50-й армией принял генерал-лейтенант И.В. Болдин. Г.К. Жуков, направляя Ивана Васильевича в 50-ю армию, дал ему следующий приказ: «Ни в коем случае не допустить проникновения противника в район Венева, для чего спешно подтянуть следующую в ваше распоряжение походом 173-ю стрелковую дивизию, подбросив ее на автомашинах. Этой дивизией с противотанковыми средствами занять подступы к г. Венев с юга, юго-запада и юго-востока. Подвижной группой разбить мотомехчасти противника...» [Муриев 1966, с. 113–114].

---

⁴ Armored Bears. Vol. 1: The German 3rd Panzer Division in World War II / Veterans of the 3rd Panzer Division. Mechanicsburg: Stackpole Books, 2012. P. 402.

Оценив обстановку, И.В. Болдин приказывает провести частные контрудары на наиболее угрожаемых участках фронта. Прежде всего, требовалось отбить у противника важную железнодорожную станцию Узловая. 239-я стрелковая дивизия должна была перейти в наступление на Узловую и Дедилово и к исходу дня 23 ноября овладеть этими населенными пунктами.

Части дивизии смогли начать атаку лишь в 16.00 и имели незначительное продвижение, которое было остановлено упорной обороной противника. На следующий день стрелки контратакой были отброшены на исходные позиции. 239-я стрелковая дивизия за время боев с 17 по 23 ноября понесла серьезные потери: убитыми 230 человек, ранеными 614 человек и пропавшими без вести – 582 человека⁵.

Утром 24 ноября после сильной артиллерийской подготовки и ударов бомбардировочной авиации части 17-й танковой дивизии противника перешли в наступление на Венев. После тяжелого боя противник смог захватить город.

Боевые группы 3-й танковой дивизии продолжали охватывать Тулу с востока. К исходу дня противник занял Алешково, создав угрозу левому флангу и тылам 299-й стрелковой дивизии, которая занимала оборону на этом участке фронта.

Правый фланг ударной группировки 2-й танковой армии прикрывали дивизии XXXXVII моторизованного корпуса. 23 ноября 10-я моторизованная дивизия захватила Горлово в Рязанской области, а 29-я моторизованная дивизия, овладев станцией Епифань, стремительно продвигалась на север, глубоко охватывая с левого фланга сталиногорскую группировку советских войск.

Потрепанные, ослабленные и утомленные дивизии 2-й танковой армии растягивались в тонкую линию боевых групп, отдельных отрядов, опорных пунктов, упрямо двигаясь к главной цели кампании – Москве. На этом пути они встречали усиливавшееся с каждым днем сопротивление советских войск, часто наносивших контрудары, которые вскоре стали приводить к возникновению локальных кризисов, угрожавших обвалить весь фронт танковой армии.

Осознавая это, Г. Гудериан предпринял попытку изменить задачи, которые были поставлены перед его армией, обратившись с этим вопросом к Ф. фон Боку. Двум военачальникам удалось добиться от Главнокомандующего сухопутными войсками генерал-фельдмаршала Вальтера фон Браухича постановки перед

---

⁵ *Лепехин А.Н.* Великая Отечественная война на территории Тульской области: Сб. док. Ч. 2. Тула, 2014. С. 106.

2-й танковой армией «не слишком далекой цели», а именно выхода на линию Михайлов–Зарайск и полное разрушение железнодорожной линии Рязань–Коломна.

После падения Венева 50-я армия получила долгожданное подкрепление – армии передавался 2-й кавалерийский корпус (26 ноября 1941 г. приказом НКО № 342 был преобразован в 1-й гвардейский кавалерийский корпус).

Обстановка на фронте продолжала ухудшаться. Прорыв танковых соединений противника на веновском направлении рассек 50-ю армию на две части. Соединения армии отходили на новые рубежи с целью закрепиться и привести себя в порядок.

Продолжались тяжелые бои в районе Сталиногорска. Днем 24 ноября к противнику подошли подкрепления, которые переломили ситуацию в его пользу, и к исходу дня 239-я стрелковая дивизия оказалась в окружении, а противник занял Сталиногорск.

Командир дивизии полковник Г.О. Мартиросян принял решение пробиться в восточном направлении через Спасское на Пронск. В авангарде действовал 817-й стрелковый полк. Выполняя поставленную комдивом задачу, полк, подойдя к Спасской, обнаружил, что деревня занята противником – 2-м батальоном 71-го пехотного полка 29-й моторизованной дивизии. В результате внезапных и стремительных действий авангард в течение трех часов полностью разгромил вражеские войска.

По немецким данным, 29-я моторизованная дивизия в этом бою потеряла 181 человека, из них 73 убитыми, 89 ранеными и 19 пропавшими без вести [Богомолов 2018, с. 69].

27 ноября части 239-й дивизии вышли из окружения и по приказанию командующего фронтом были направлены в район Зарайска для прикрытия направления на Коломну и Рязань.

К вечеру 25 ноября дня вражеский отряд занял Пятницу, в 12 км южнее Каширы. Армия Г. Гудериана растянулась на фронте более чем на 300 км – от Алексина до Тулы, от Тулы до Каширы, Серебряных Прудов, Михайлова, Пронска, Скопина.

Фронт и коммуникации немецких войск удлиннились до предела. Катастрофически не хватало топлива, которое приходилось доставлять машинами на расстояние до 150 км от железной дороги. Да и фронтом эту цепочку отдельных опорных пунктов назвать было сложно.

2-я танковая армия так и не смогла решить главную задачу ноябрьского наступления – окружить Тулу и захватить переправы через р. Оку. Немецкие войска были до предела измотаны и нуждались в пополнении и отдыхе.

Чтобы остановить продвижение врага, командование Западного фронта приняло решение нанести контрудар южнее Каширы.

Утром 27 ноября советские войска перешли в наступление на позиции немецкой 17-й танковой дивизии. Два дня шли тяжелые бои, противник оказывал ожесточенное сопротивление и часто переходил в контратаки, но смелый фланговый маневр танкистов 9-й танковой бригады привел к успеху – опасаясь окружения и полного разгрома, немецкие части начали отходить к Мордвесу.

25 ноября 1941 г. командование группы армий «Центр» приказало Г. Гудериану сосредоточиться на захвате Тулы, без которого не могло быть и речи об успешном наступлении на Москву. Для выполнения этой задачи командующий 2-й танковой армией решил нанести удар по сходящимся направлениям двумя корпусами: XXXXIII армейский корпус – из района Каргашино в направлении Суходол–Малахово и далее на юго-восток; XXIV моторизованный корпус – с рубежа Быковка–Бельково в направлении Дорофеевка–Ревякино–Малахово.

Время для нового наступления на Тулу было выбрано неудачно: советские войска за счет переброски соединений с одного оперативного направления на другое или с помощью резервов все чаще создавали на линии соприкосновения войск локальные кризисы, купировать которые немецкому командованию с каждым разом становилось все сложнее.

27 ноября противник перешел в наступление на суходольском направлении, нанося главный удар на стыке 49-й и 50-й армий с задачей перерезать московское шоссе севернее Тулы. К вечеру он потеснил части 258-й стрелковой дивизии и начал, хотя и медленно, продвигаться на северо-восток.

Одновременно с дивизиями XXXXIII армейского корпуса части 3-й танковой дивизии повернули на запад от Мордвеса в направлении Лаптево, чтобы обойти 413-ю стрелковую дивизию, оборонявшую восточные подступы к Туле.

В течение 28 и 29 ноября 31-я и 131-я пехотные дивизии противника продолжали наступать, овладев Алексином, Буныревом, выйдя на рубеж Карташово–Ботня–Савино.

Угроза полного окружения Тулы заставила советское командование предпринять решительные меры и организовать ряд контрударов на данном направлении. С утра 30 ноября 999-й стрелковый полк 258-й дивизии со средствами усиления атаковал фланг противника, наступавшего на позиции 49-й армии.

Контрудар тщательно планировался штабом 258-й стрелковой дивизии, благодаря чему была достигнута тактическая внезапность. К 14.30 противник отошел на запад, а советские войска заняли рубеж Грибово–Гурово–Маньшино–Никулино, где приступили к закреплению занятых позиций. За день потери дивизии составили 6 человек убитыми и 45 ранеными. Потери противника были

оценены в 100 человек убитыми и ранеными, 2 миномета и 9 пулеметов. В качестве трофеев были захвачены одно 37-миллиметровое орудие ПТО, 3 миномета и 2 пулемета⁶. В последующие дни советские войска продолжали теснить противника, окончательно остановив наступление XXXXIII армейского корпуса.

В первых числах декабря 1941 г. немецкое командование приняло последнюю попытку взять Тулу – ударом с востока и юго-востока XXIV моторизованного корпуса.

Утром 2 декабря XXIV моторизованный корпус (на 30 ноября 3-я танковая дивизия имела 28 исправных танков, 4-я танковая – 34, 17-я танковая – 10⁷) атаковал позиции 413-й стрелковой дивизии.

4-я танковая дивизия прорвала оборону 1315-го стрелкового полка в районе Дедиловские выселки и через Волынцево устремилась к Руднево. Вечером боевая группа полковника Г. Эбербаха захватила Руднево и у станции Ревякино подорвала в двух местах железнодорожную ветку Серпухов–Тула.

Боевые группы 3-й танковой дивизии наступали по расходящимся направлениям: одна – в северо-восточном направлении и к вечеру заняла Торхово, перерезав Веневское шоссе в 12 км северо-восточнее Тулы; вторая – в юго-западном направлении.

Правый фланг и тылы немецкой группировки, наступавшей на Тулу, прикрывали части 17-й танковой дивизии, которые вели бой в районе Павловское (17 км южнее Каширы) со 112-й танковой дивизией. С наступлением темноты немцы отошли на рубеж обороны Мордвес–Гритчино–Мокрый Корь.

Главным итогом первого дня немецкого наступления стало то, что враг смог перерезать железнодорожную магистраль Тула–Москва. Судьба города зависела от устойчивости войск, непосредственно оборонявших Тулу, и активных действий соединений, находившихся на внешнем фронте.

Для уничтожения рудневско-торховской группировки противника И.В. Болдин решил нанести ряд контрударов, задействовав, в том числе, и свежую 340-ю стрелковую дивизию, которая должна была нанести удар по флангу противника в направлении Руднево–Торхово.

Утром 3 декабря 413-я, 217-я стрелковые, 112-я танковая и 31-я кавалерийская дивизии нанесли контрудар по соединениям XXIV моторизованного корпуса, но все их атаки были отбиты.

Перегруппировав силы, на следующий день, 4 декабря, немецкие войска попытались продолжить наступление. Боевые группы

⁶ ЦАМО РФ. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 3. Л. 55.

⁷ Armored Bears. Vol. 1: The German 3rd Panzer Division in World war II. P. 406.

3-й танковой дивизии при поддержке пехотного полка «Великая Германия» овладели несколькими населенными пунктами и к концу дня заняли рубеж Колодезное–Оленино–Мещерское. На следующий день 413-я стрелковая дивизия нанесла контрудар, разгромив в Колодезной боевую группу пехотного полка «Великая Германия» и потеснив противника.

На других участках фронта немецкие войска были вынуждены перейти к обороне, отражая многочисленные атаки советских войск: 340-я стрелковая дивизия теснила боевую группу 4-й танковой дивизии, 17-я танковая дивизия под натиском советской 112-й танковой дивизии и кавалеристов 1-го гвардейского кавкорпуса медленно отходила к Веневу.

На следующий день кавалеристы П.А. Белова ворвались в Мордвес. Немцы поспешно отходили в сторону Венева, где планировали закрепиться и остановить успешное продвижение советской кавалерии.

В итоге соединения XXIV моторизованного корпуса были остановлены упорной обороной и контрударами советских войск на флангах. Корпус был вынужден перейти к обороне в невыгодных для себя условиях.

Вечером 5 декабря, проанализировав обстановку, Г. Гудериан принял решение остановить операцию: «24-й ТК и 296-я пд завтра утром не атакуют, выдвинутые к шоссе Серпухов–Тула, части 4-й тд отводятся назад. Остальные корпуса ТА переходят к обороне. Танковая армия, начиная с завтра, оттягивается на рубежи Дон–Шат–Упа (иск. Тула) восточнее Алексина»⁸.

Утром 6 декабря 1941 г. в войска 2-й танковой армии был разослан приказ по армии № 24 о занятии «зимних позиций». В приказе был обозначен новый рубеж обороны – «район станции Птань – плацдарм Епифань – по течению Дона – по реке Шат от Иван-Озеро до ее впадения в Упу – река Упа, кольцевой канал у Тулы до изгиба/луки Упы восточнее Изволь – позиции, ранее занимаемые 43-м АК до впадения реки Вашаны в Оку севернее Алексина»⁹. Отход на новые позиции осуществлялся последовательно в строго установленном порядке. В приказе особо отмечалась необходимость сохранения материальной части, при этом трофейную и неисправную технику рекомендовалось уничтожить, предварительно убрав с нее опознавательные знаки частей и соединений. Во время отступления приказывалось руководствоваться тактикой «выжженной земли», уничтожая населенные пункты и транспортные магистрали, которыми могли воспользоваться части Красной армии, при

⁸ NARA. T. 313. R. 93. F. 7335308.

⁹ Ibid. F. 7335315.

этом мирное население предписывалось высылать в направлении наступающих советских войск¹⁰.

6 декабря 1941 г. немецкие войска, преследуемые войсками 50-й армии, начали отход на новые позиции.

Последняя попытка немецких войск прорваться к Москве на южном стратегическом направлении Московской битвы закончилась провалом. Ослабленные в предыдущих боях дивизии 2-й танковой армии, добившись тактического успеха, не смогли развить его в оперативный. Советское командование, маневрируя резервами, не только остановило продвижение врага, но и нанесло ему ряд чувствительных ударов, которые могли привести к развалу и крушению фронта армии Г. Гудериана.

Успешные боевые действия 50-й армии на тульском направлении стали важным фактором победы в Московской битве. Планируя захват Москвы, противник главную роль в операции отводил действовавшим на стратегических флангах танковым армиям. На правом фланге группы армий «Центр» наступала 2-я танковая армия, которая должна была охватить Москву с юга, юго-востока и востока. Оборонительные действия советских войск на тульской земле привели к рывку этого замысла и создали необходимые условия для перехода в контрнаступление.

Литература

- Богомолов 2018 – *Богомолов В.А.* Оборона и освобождение Сталиногорска в 1941 году: военно-исторический очерк. Тула: Свамиа, 2018. 144 с.
Кондратенко 2021 – *Кондратенко С.Ю.* Битва за Тулу: «Остановить Гудериана!». М.: Эксмо: Яуза, 2021. 136 с.
Муриев 1966 – *Муриев Д.З.* Провал операции «Тайфун». М.: Воениздат, 1966. 272 с.

References

- Bogomolov, V.A. (2018), *Oborona i osvobozhdenie Stalinogorska v 1941 godu: voenno-istoricheskii ocherk* [Defense and liberation of Stalinogorsk in 1941. War-historical essay], Svamia, Tula, Russia.
Kondratenko, S.Yu. (2021), *Bitva za Tulu: "Ostanovit' Guderiana!"* [The battle of Tula. "Stop Guderian!"], Eksmo, Yauza, Moscow, Russia.
Muriev, D.Z. (1966), *Proval operatsii "Taifun"* [Failure of the operation "Typhoon"], Voenizdat, Moscow, Russia.

---

¹⁰ NARA. T. 313. R. 93. F. 7335315 – 7335317.

Информация об авторе

Сергей Ю. Кондратенко, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, 125047; ORCID ID: 0000-0001-8228-7444; Konrad_85@mail.ru

Information about the author

Sergei Yu. Kondratenko, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; ORCID ID: 0000-0001-8228-7444; Konrad_85@mail.ru

Организация борьбы с эпидемией холеры в г. Астрахани и Астраханской области в 1970 г.

Екатерина П. Шалацкая

*Государственный архив Астраханской области,
Астрахань, Россия, astrahangasd@yandex.ru*

Андрей А. Курапов

*Астраханский государственный объединенный
историко-архитектурный музей-заповедник,
Астрахань, Россия, astmusei@yandex.ru*

Аннотация. В статье впервые рассматриваются усилия комитетов КПСС и государственных учреждений Астраханской области по организации борьбы с эпидемией холеры в июле–сентябре 1970 г. Источниками для написания статьи послужили ранее неизвестные документы, хранящиеся в Государственном архиве Астраханской области. Основное внимание уделяется деятельности чрезвычайных противоэпидемических комиссий как временных органов власти, наделенных чрезвычайными полномочиями, и осуществлению карантина. Быстро созданная система чрезвычайных противоэпидемических комиссий, от областного уровня до уровня сельского Совета, стала эффективно работающим механизмом, который успешно решал все финансовые, материальные, организационные, медицинские и прочие вопросы борьбы с холерой и проведения в жизнь карантинного режима. Ход и результаты борьбы с эпидемией продемонстрировали как высокий уровень развития советской медицины и бесплатного здравоохранения, так и способность партийно-государственного аппарата в чрезвычайных ситуациях быстро мобилизоваться, создать временные чрезвычайные органы власти и обеспечить выполнение их решений. Широкое использование практически всех сотрудников областных учреждений Министерства внутренних дел и частей внутренних войск СССР, решительная борьба с нарушениями карантина позволили локализовать вспышку холеры и быстро ликвидировать ее. Особое значение для победы над холерой имела разъяснительная работа среди населения, которую проводил хорошо отлаженный в советское время партийно-государственный аппарат пропаганды и агитации.

Ключевые слова: чрезвычайная комиссия, Министерство внутренних дел, автомобильный транспорт, общественное питание, эпидемия, холера, карантин, Астраханская область

Для цитирования: Шалацкая Е.П., Курапов А.А. Организация борьбы с эпидемией холеры в г. Астрахани и Астраханской области в 1970 г. // История и архивы. 2022. № 1. С. 26–43. DOI: 10.28995/2658-6541-2022-1-26-43

Organization of the fight against the cholera epidemic in the city of Astrakhan and the Astrakhan region in 1970

Ekaterina P. Shalatskaya,

*State Archive of the Astrakhan Region, Astrakhan, Russia,
astrahangasd@yandex.ru*

Andrey A. Kurapov

*Astrakhan State United Historical and Architectural Museum-Reserve,
Astrakhan, Russia, astmusei@yandex.ru*

Abstract. The article is the first attempt to consider the efforts of the CPSU committees and state institutions of Astrakhan region to organize the fight against cholera epidemic in July – September 1970. It is based on previously unknown documents from the State archives of Astrakhan region. The authors focus on the activities of emergency counter-epidemic commissions as provisional administrative bodies with emergency powers and on the implementation of quarantine measures. The quickly established system of emergency counter-epidemic commissions starting from the regional level to the village council was an efficient mechanism to successfully tackle all financial, logistic, administrative, medical and other issues concerning the fight against the cholera epidemic and the implementation of quarantine procedures. The progress and results of the fight against the epidemic revealed a high level of Soviet medicine and free healthcare system as well as the ability of government and party authorities to quickly mobilize, set up provisional emergency bodies and facilitate the implementation of their resolutions. The involvement of practically all the staff of regional institutions of the Ministry of Internal Affairs and units of the USSR Internal Troops and the resolute combat against quarantine violations resulted in the localization of the cholera outbreak and its fast elimination. A special role in overcoming the cholera epidemic was played by explanatory work among the population, which was carried out by the well-established in Soviet times the party and state apparatus of propaganda and agitation.

Keywords: Emergency commission, Ministry of Internal Affairs, road transport, public catering, epidemic, cholera, quarantine, Astrakhan region

For citation: Shalatskaya, E.P. and Kurapov, A.A. (2022), "Organization of the fight against the cholera epidemic in the city of Astrakhan and the Astrakhan region in 1970", *History and Archives*, no. 1, pp. 26–43, DOI: 10.28995/2658-6541-2022-1-26-43

Введение

Так случилось по разным причинам, что об эпидемиях в нашей стране больше работ написали и опубликовали медики, чем историки [Смирнова, Ерегина 2021]. И если специалисты-эпидемиологи уже немало сделали для исследования, в частности, вспышки холеры на Нижней Волге в 1970 г. [Попов 2011; Харченко, Кимирилова, Буркин 2019], то историкам еще предстоит изучить многие, сугубо исторические, аспекты этой темы. На наш взгляд, обобщение опыта борьбы с эпидемией холеры с точки зрения развития медицинской науки, медицинской практики и системы здравоохранения очень важно, особенно в нынешних условиях пандемии, дополнить изучением опыта аппарата Советского государства по разработке и проведению различного рода организационных мер, которые способствовали успеху советской медицины в борьбе с холерой.

В предлагаемой статье впервые рассматриваются усилия партийных органов и государственных учреждений Астраханской области по организации борьбы с холерой, создание и деятельность чрезвычайных противоэпидемических органов, организация карантина в городе Астрахани и Астраханской области, работа автомобильного транспорта в июле–сентябре 1970 г. Источниками для написания статьи послужили документы Государственного архива Астраханской области, впервые вводимые авторами в научный оборот.

Создание чрезвычайных противоэпидемических комиссий

Первые случаи заболевания холерой и смертельные исходы были зафиксированы в середине июля 1970 г. в Багуми. Первый случай выявления холеры, зафиксированный в Астрахани, произошел 27 июля, затем, в течение последующих трех дней, были выявлены первые заболевшие в Икрянинском районе Астраханской области. И далее, в последних числах июля и первых числах августа, события в Поволжье стали стремительно развиваться в худшую сторону:

первые случаи заболевания холерой были выявлены в Волгограде и Саратове. Как предположили эпидемиологи, штаммы холерного вибриона попали на советскую территорию из Ирана [Попов 2011, с. 36, 37].

Вспышка холеры в конце июля 1970 г. в г. Астрахани и Астраханской области создала очень опасную и напряженную эпидемиологическую ситуацию. В сжатые сроки партийные органы и государственные учреждения подготовили ряд распорядительных документов, мобилизующих власти и население на борьбу с эпидемией. Партийными и советскими органами, медицинскими учреждениями были приняты срочные меры по осуществлению необходимых карантинных мероприятий и ликвидации эпидемии.

30 июля 1970 г. в связи со вспышкой холеры в сопредельных странах Афганистане, Пакистане, Иране, Ираке, а также в Объединенной Арабской Республике, Индии и в целях ликвидации случаев заболевания холерой в Батуми, Астрахани и Нахичеванской АССР и предупреждения распространения холеры Распоряжением № 1564-рс Совета Министров СССР была создана Всесоюзная чрезвычайная противоэпидемическая комиссия (ВЧПК) по борьбе с холерой в составе председателя, министра здравоохранения СССР Б.В. Петровского, заместителей председателя, заместителей министров здравоохранения СССР Б.П. Данилова, П.Н. Бургасова, А.И. Бурназяна, А.Ф. Серенко и еще 12 членов в составе комиссии¹. В пункте 4 вышеуказанного Распоряжения было предписано Чрезвычайной противоэпидемической комиссии СССР совместно с Чрезвычайной противоэпидемической комиссией РСФСР и Чрезвычайной противоэпидемической комиссией Астраханской области рассмотреть карантинные мероприятия по г. Астрахани.

В связи с выявлением случаев заболевания холерой среди населения г. Астрахани и с. Икряное Астраханской области на бюро Астраханского обкома КПСС и исполкома Астраханского областного Совета депутатов трудящихся за № 62/436 от 29 июля 1970 г. была создана Астраханская областная чрезвычайная противоэпидемическая комиссия (ЧПК) в составе председателя исполкома областного Совета депутатов трудящихся И.Г. Дуденкова, секретаря обкома КПСС П.А. Ольшевского и других членов комиссии². Она сразу же постановила закрыть территорию с. Икряное с 22 часов 28 июля 1970 г. на карантин с вооруженной охраной по внешней границе села, запретить до особого разрешения население г. Астрахани, с. Икряное выезды за пределы области и города

---

¹ Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. П-325. Оп. 61. Д. 6. Л. 129, 130.

² Там же. Д. 21. Л. 84, 85.

всеми видами транспорта. Кроме того, постановление предусматривало: организовать выполнение мероприятий по санитарной очистке территории г. Астрахани и с. Икряное, борьбе с мухами, охране источников водоснабжения, обеззараживанию питьевой воды повышенными дозами хлора; обеспечить необходимый санитарный режим работы пищевых предприятий, сети общественного питания и торговли; запретить заход и остановку всех видов водного транспорта в с. Икряное и с 6 часов 29 июля 1970 г. пассажирских рейсовых автобусов в с. Икряное.

Согласно решению Областной ЧПК начальнику областного Управления снабжения и сбыта М.И. Луначарскому надлежало выделить для развертывания холерного госпиталя в г. Астрахани 500 кроватей (раскладушек), 500 подушек, 1000 простыней, 500 матрацев, 700 наволочек, 700 полотенец, 500 байковых одеял, 40 штук бочек железных по 200 литров, 20 штук бочек металлических по 10 литров, 50 штук тазов эмалированных и 100 комплектов мужской, 100 женской и 50 детской больничной одежды, 400 простыней, 400 простыней, 400 полотенец, 200 одеял, 100 кроватей для дополнительно развертываемой коечной сети³.

Астраханским областным аптечным управлением, также согласно решению Областной ЧПК, для проведения противоэпидемических мероприятий за период с 28 июля по 10 августа 1970 г. в область дополнительно были завезены медикаменты, предметы ухода за больными, дезинфицирующие средства на сумму 446,6 тыс. руб.⁴

Секретари райкомов партии и председатели райисполкомов должны были организовать усиленное медицинское наблюдение за населением районов в целях раннего выявления больных холерой; организовать широкую санитарно-просветительскую пропаганду среди населения по вопросам профилактики острых кишечных инфекций; обеспечить санитарно-гигиенические мероприятия по очистке населенных мест, охране источников водоснабжения; ограничить движение студентов, прибывших в районы на сельскохозяйственные работы, а также контакт их с местным населением.

Непосредственно в городе работала Городская чрезвычайная комиссия в составе председателя исполкома городского Совета депутатов трудящихся Д.А. Сидорова, секретаря горкома партии М.Ф. Коробова и членов комиссии, которая была создана совместным постановлением бюро Астраханского горкома КПСС и исполкома городского Совета депутатов трудящихся 30 июля 1970 г.⁵

³ ГААО. Ф. П-325. Оп. 61. Д.6. Л. 86, 87.

⁴ Там же. Ф. Р-2233. Оп. 15. Д. 233. Л. 54.

⁵ Там же. Ф. П-9. Оп. 11. Д. 9. Л. 170.

В районах Астраханской области также были созданы противоэпидемические комиссии. На примере Камызякского района можно проследить ход их создания. 31 июля 1970 г. в Камызякском районе, а именно в с. Камызяк (Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 2 февраля 1973 г. с. Камызяк было преобразовано в город районного подчинения) и Жан-Аул, были зафиксированы первые случаи холеры. В этот же день решением бюро Камызякского райкома партии и райисполкома была создана Камызякская районная чрезвычайная противоэпидемическая комиссия. Также был сформирован и сразу начал работать оперативный штаб, который состоял из ответственных работников, отделов райисполкома, организаций и предприятий в количестве 56 человек во главе с начальником районного штаба Гражданской обороны (ГО). По мере нарастания заболевания в области до 5 августа 1970 г. были созданы комиссии при всех сельских и поселковых Советах.

Решением Камызякской районной ЧПК и приказом начальника ГО Камызякского района все службы Гражданской обороны были переведены на казарменное положение, в полной готовности пребывали 11 санитарных дружин в количестве 232 человека и три команды обеззараживания в количестве 188 человек. Каждая задействованная санитарная дружина непосредственно находилась в полной готовности на предприятиях, колхозах и совхозах. Далее они сразу же по мере возникновения необходимости направлялись непосредственно на ликвидацию очагов заражения.

Понимая крайнюю сложность эпидемиологической ситуации, Камызякская районная ЧПК 4 августа 1970 г. создала штаб медицинской службы во главе с главным врачом центральной районной больницы В.И. Подосинниковым. Учитывая создавшуюся обстановку, Камызякская районная ЧПК 1 августа приняла также меры по ограничению движения транспорта и людей в районе, установив посты милиции и дружинников в количестве 96 человек, ввела карантин в студенческих строительных и сельскохозяйственных отрядах, направив туда представителей райкома партии и райисполкома, а затем и офицеров запаса.

Создание и работа наблюдательных пунктов

Решением исполнительного комитета Астраханского городского Совета депутатов трудящихся № 302 от 12 августа 1970 г. в г. Астрахани было открыто 11 наблюдательных пунктов (наблюдателей):

- школа-интернат № 6 железной дороги на 500 мест, главный врач К.М. Моспак;

- помещение речного вокзала на 120 мест, главный врач В.Т. Абанкина;
- служба Гражданского воздушного флота на 75 мест, главный врач Н.З. Терегулова;
- вспомогательная школа-интернат на 100 мест, главный врач В.И. Коновалова;
- школа № 2 на 300 мест, главный врач В.Г. Прошин;
- школа № 14 на 300 мест, главный врач М.А. Расин;
- Технологический техникум на 300 мест, главный врач С.Г. Машкова;
- общежитие Медицинского института на 250 мест, главный врач К.Д. Кузьменко;
- школа № 1 на 300 мест, главный врач Л.М. Линькова;
- школа № 54 на 200 мест, главный врач П.Н. Каминский;
- турбаза на 250 мест, главный врач Ф.Ф. Галиева.

По состоянию на 17 часов 14 августа 1970 г. было развернуто еще девять обсерваторов, в которых помещены 2292 человека⁶. В ближайшие сутки планировалось развернуть еще два обсерватора на 450 человек. Исполком городского Совета депутатов трудящихся изыскивал помещения для открытия дополнительных обсерваторов.

В дни эпидемии огромные задачи были возложены на торговлю и общественное питание. В организации торговли принимали участие семь кооперативов и объединенное предприятие общественного питания. Продовольственные товары с баз поставщиков в г. Астрахани по специальным пропускам доставлялись в райцентры. Кооперативы в первые дни эпидемии организовывали торговлю из расчета имеющегося запаса на своих базах. В этих условиях требовалась четкая и напряженная работа сотрудников предприятий торговли по обслуживанию населения и граждан, находившихся в больницах, госпиталях, обсерваторах и круглосуточных детских яслях, а также их медицинского персонала. При обслуживании питания граждан, находившихся в обсерваторе, работники пищеблока переводились на казарменное положение, т. е. без права выхода с предприятия по окончании работы обсерватора.

Для доставки продукции общественного питания выделялся специальный транспорт, который освобождался от других видов работ и имел строго целевое назначение, а также специальный, обслуживающий его персонал.

Трест столовых, контора кафе и ресторанов обеспечивали пункты трехразовым питанием из расчета 1 руб. 09 коп. на человека⁷.

⁶ ГААО. Ф. Р-2233. Оп. 15. Д. 233. Л. 96.

⁷ Там же. Л. 146.

В организации питания граждан, находившихся в больницах и обсерваторах, были, однако, немалые сложности и недоработки.

Так, в обсерваторе школы-интерната № 6 находились в среднем 600 человек, которые обслуживались питанием столовой № 1 Отдел рабочего снабжения (ОРС) Приволжской железной дороги. На день проверки, проведенной Отделом общественного питания Областного управления торговли, 20 августа 1970 г., в кладовой и на кухне не было молока цельного, крупы гречневой, перловой, мяса-говядины (была только баранина), макарон, лапши и других макаронных изделий (имелась только вермишель), сухофруктов и свежих фруктов для приготовления компота, сыров твердых и плавленых, колбасных изделий для приготовления завтрака, ужина. На кухне имелась капуста недоброкачественная, с загнившими верхними листьями⁸.

Пища готовилась однообразная. За 18 дней с 3 по 20 августа на завтрак была каша пшенная 3 раза, каша рисовая и манная – 9 раз, колбаса – 3 раза, сыр – 2 раза, макароны – 1 раз. На обед борщ готовился – 1 раз, остальные 17 дней – супы из гороха, вермишели и риса. На второе – в основном рагу из баранины – 8 раз, гуляш, котлеты, биточки, колбаса жареная – 10 раз. Гарниры ко вторым блюдам готовились из макарон – 7 дней, рис, гречневая крупа – 10 дней и 1 день – капуста тушеная. На третье блюдо 13 дней был чай, 3 дня кисель и 2 дня – компот. На ужин готовились каша манная, рисовая, пшенная – 11 дней, каша гречневая – 1 день, колбаса жареная – 3 дня, макароны отварные – 2 дня, суп молочный – 1 раз. На второе 5 дней – чай, компот или кисель – 6 дней, какао или кофе – 7 дней⁹.

После проведенной проверки были приняты меры к наведению чистоты на кухне и в кладовых столовой, обеспечению оконных рам сетками, улучшению снабжения столовой продуктами и приготовлению более разнообразной и питательной пищи.

23 августа 1970 г. Отделом общественного питания Областного управления торговли совместно с инспектором областного Комитета народного контроля были проведены рейды по всем обсерваторам Астрахани. В результате проверки было установлено, что в обсерваторе, находившемся в школе № 11, во втором блюде был обнаружен таракан. При проверке домашней кухни было выявлено антисанитарное состояние: полы и столы грязные, плохо помытая посуда, одежда на поварах грязная¹⁰. При проверке питания в обсерваторе в школе № 15, обслуживавшегося столовой № 34,

⁸ Там же. Л. 145.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 155.

было завезено вместо четырех термосов щей только два, недозавезено 20 литров чая и 50 булочек¹¹.

В ходе проверки самыми благополучными по организации питания оказались обсерваторы, которые находились в зданиях школ № 1, 22, 54, Педагогического института и Речного вокзала.

Введение карантина и участие органов внутренних дел и внутренних войск МВД СССР в его обеспечении

При введении карантина астраханские власти столкнулись с ожидаемой трудностью: большим числом граждан, приехавших в область для летней сельскохозяйственной работы или на летний отдых.

На 14 августа 1970 г. в г. Астрахани находились 548 человек в отпуске, в командировке – 15 и проездом – 115 человек военнослужащих¹².

Летом 1970 г. в Астраханской области традиционно работали студенческие отряды из Москвы, Ленинграда, Саранска, Куйбышева, Калуги, Чебоксар, Уфы в количестве 13 955 человек. Студенты и учащиеся средних учебных заведений и профтехобразования г. Астрахани в сентябре 1970 г. в количестве 10 190 человек тоже привлекались на уборку урожая в Астраханской области.

В соответствии с решением Астраханского обкома КПСС и Астраханского облисполкома с 12 по 13 августа 1970 г. для поддержания дисциплины и санитарного состояния в 82 студенческих отрядах, находившихся в районах Астраханской области, военкоматы направили 162 офицера запаса.

Срочные телеграммы в огромном количестве поступали в адрес Астраханского облисполкома и председателя Областной ЧПК И.Г. Дуденкова. Практически всех граждан, которые находились в Астраханской области в конце июля 1970 г., холера застала врасплох.

Так, в телеграмме из г. Ахтубинск говорилось: «Несмотря на ваши указания, водный транспорт и автобусы продолжают прибывать с пассажирами в город Ахтубинск. Просим немедленно прекратить отправку пассажиров из Волгограда и области всеми видами транспорта». В другой телеграмме оттуда же сообщалось: «По предварительной регистрации волгоградцев зарегистрировано 150 человек, регистрация продолжается. О наличии людей поставлены в известность председатель облисполкома Бородин, прошу

¹¹ ГААО. Ф. Р-2233. Оп. 15. Д. 233. Л. 156.

¹² Там же. Л. 101.

разрешения на отправку людей. Председатель чрезвычайной комиссии Марков»¹³. И в следующей телеграмме из Ахтубинска обращались с просьбой: «ЧПК Владимирского района просит разрешить выезд иногородних лиц, находящихся в районе к месту их района... по неполной регистрации таких лиц насчитывается 821 человек. Председатель чрезвычайной комиссии Е. Марков, главврач района Л. Машкина»¹⁴.

В телефонограмме из пос. Володаровка в Астраханский облисполком, председателю Областной ЧПК И.Г. Дуденкову сообщали: «Володарский ЧПК просит Вас выслать пассажирский катер для отправки 112 человек жителей Астрахани, осмотренных медкомиссией и годных к отправке из сел Цветное, Б-Могой, Володаровка». В другой говорилось: «Звонили из разъезда Ильменский гр. Машков, что 70 астраханцев едут из Минеральных вод. В 4 часа ночи вагон отцепили. У людей нет продуктов. Просим принять меры»¹⁵.

Люди из разных концов СССР разыскивали своих родных и близких. Так, родители Мерзон и депутат Калининского райсовета Безумов из г. Москвы также обратились Дуденкову: «Юля с восьмилетней дочкой Олей в походе на байдарке по р. Ахтубе. Последнее письмо отправлено ими 29 июля из с. Даниловка. Других сведений не имеем. Возможный путь их следования до с. Селитренного для пересадки в пароход... Умоляем поручить местным органам разыскать семью. Очень надеемся на вашу отзывчивость, гуманность и будем бесконечно благодарны за ответ о месте пребывания»¹⁶.

Обстановку в области и ситуацию с карантином ярко освещает рапорт заместителя начальника штаба УВД Астраханского облисполкома подполковника Н. Русанова от 13 сентября 1970 г. Согласно рапорту 12 сентября 1970 г. из совхоза Черноземельский Калмыцкой АССР поступила телеграмма о том, что 9 сентября 1970 г. из с. Николаевка Наримановского района Астраханской области на двух автомашинах прибыли 19 человек на свадьбу. Указанные лица 10 сентября 1970 г. в сопровождении работников милиции Калмыцкой АССР были сопровождены до территории Лиманского района Астраханской области. Заместитель председателя облисполкома П.С. Живкова предложила провести проверку с целью выяснения обстоятельства выезда за пределы области 19 человек, не прошедших обсервацию. Медпункт с. Николаевка выдал выезжавшим на свадьбу справку по форме № 30, что у последних заболеваний не имеется. 10 сентября 1970 г. в совхоз «Черноземельский»

¹³ Там же. Л. 43, 44, 45.

¹⁴ Там же. Л. 102.

¹⁵ Там же. Л. 94, 95.

¹⁶ Там же. Л. 128, 129.

прибыли работники милиции и врачи, которые выдворили приезжих в сопровождении работника милиции до границы Лиманского района на железнодорожную линию¹⁷.

Во время эпидемии холеры в г. Астрахани и Астраханской области части внутренних войск МВД СССР были привлечены к обеспечению карантинных мероприятий, для чего была создана войсковая оперативная группа в составе нескольких частей. На границе Астраханской и Волгоградской областей, на Кизлярском и Калмыцком направлениях были установлены до 230 постов, действовали 17 моторизованных патрулей. В распоряжении командиров частей для разведки и маневра силами патрульной службы имелись вертолеты. В Астраханской области были введены единые пропуска.

С момента прибытия в назначенные пункты и до отправки в пункты постоянной дислокации службы МВД СССР и части внутренних войск непрерывно находились в очагах заболеваний холерой среди местного населения города и области. Части войсковой оперативной группы несли службу по выполнению задач, поставленных Всесоюзной ЧПК, осуществляли изоляцию пораженных холерой районов и населенных пунктов, охрану госпиталей и больниц с больными холерой, провизорными больными и контактными лицами, обсерваторов, пунктов водозабора, железнодорожных станций и составов, а также оказывали помощь в принудительной госпитализации отдельных лиц. Практически весь личный состав частей внутренних войск МВД СССР, составлявших войсковую оперативную группу, постоянно находился в обстановке, не исключавшей заражения.

Отдельные недисциплинированные граждане, не понимавшие масштабов нависшей угрозы, пытались перейти границу Астраханской области незаконным путем пешком, на автомашинах, мотоциклах, велосипедах, товарных поездах и т. д. На 6.00 19 августа 1970 г., спустя десять дней после введения карантинной службы, органами МВД и подразделениями внутренних войск были задержаны свыше 2000 человек, из них свыше 70% (1400 человек) направлялись в волжском и кизлярском направлениях¹⁸.

Основная тяжесть ложилась на районные отделы внутренних дел. К примеру, весь личный состав милиции Камызякского района был переведен на 12-часовой рабочий день, выходные дни были отменены. Работа проводилась круглосуточно в две смены. Отдел практически прекратил работу, и все милицейские силы от рядовых милиционеров до оперативного состава были задействованы на постах Камызякского района. На посты назначались по 2–3 чело-

¹⁷ ГААО. Ф. Р-2233. Оп. 15. Д. 233. Л. 240, 241.

¹⁸ Там же. Л. 115.

века, один работник милиции и остальные – дружинники. Кроме того, выставлялись контрольные пункты и посты на мостах, водных переправах, развилках дорог и в других местах возможного движения транспорта и людей. На воде было организовано патрулирование на катерах и лодках с моторами. Вся ответственность за несение патрульно-постовой службы в населенных пунктах и других местах возлагалась на участковых инспекторов, каждый из которых на своем участке являлся членом ЧПК сельских и поселковых Советов. Привлекали к карантинной охране и общественность.

В Камызякском районе через местное радиовещание и районную газету было передано обращение Астраханского облздравотдела к населению района. С 4 августа были организованы подворные обходы силами депутатов, сандружинников и актива. С 1 августа по 5 августа 1970 г. в с. Травино, Самосделка, пос. Кировское, Камызяка, Волго-Каспийский были развернуты помещения для приема больных на 1025 мест, которые были полностью обеспечены хозяйственным инвентарем и транспортом. Кроме того, с 6 по 8 августа, были развернуты военный госпиталь на 300 мест в здании общежития Сельскохозяйственного техникума и госпиталь «контактных» на 400 мест на базе общежития СПТУ.

Участковыми инспекторами осуществлялись выезды в помощь медицинским работникам в те места, где несознательные граждане препятствовали проведению медико-санитарных и карантинных мероприятий. При их активном участии проводились выселение из квартир тех, кто контактировал с заболевшими, дезинфекция квартир, направление явно больных и возможно уже заразившихся («подозрительных») в больницы и т. д.

Важную роль в соблюдении карантина в Камызякском районе сыграло принятое Астраханским облисполкомом решение от 10 августа 1970 г. «Об административной ответственности за нарушение обязательных правил по борьбе с эпидемией острых желудочно-кишечных заболеваний», которое определило меры по поддержанию карантинного режима и улучшению санитарного состояния в населенных пунктах.

16 августа 1970 г. Астраханским облисполкомом в дополнение к предыдущему было принято решение, которым повсеместно запрещались купание, любительская ловля рыбы и катание на всех видах личных лодок. Все водоемы были взяты под охрану специальными патрулями. Весь личный водный транспорт (мотолодки и другой), который имелся в Камызякском районе в пределах 4900 единиц, был поставлен на круглосуточно охраняемые стоянки.

Постоянно проводился подворный обход участковыми инспекторами совместно с санитарной службой района. Ежедневно

за нарушение санитарных правил составлялись административные протоколы. За период карантина работниками милиции Камызякского района было составлено 320 административных протоколов, в том числе: за антисанитарию – 201, за купание в реке – 21, за ловлю рыбы – 68, за катание на лодках – 20, на водителей за провоз людей без пропусков – 10¹⁹.

Во время карантина остро встал вопрос об усилении борьбы с пьянством и хулиганством. Пить стали многие в профилактических целях и в выходные дни. На почве пьянства стало расти хулиганство. За время карантина в Камызякском районе были привлечены к ответственности за мелкое хулиганство 73 человека, за появление в нетрезвом виде в общественных местах – 43 человека²⁰.

За нарушение карантинного режима на нарушителей было составлено 320 административных протоколов, которые были рассмотрены на административных комиссиях при сельских и поселковых Советах.

В Камызякском районе в период карантина находилось более 2 тыс. граждан из разных городов страны. 9 августа районная ЧПК приняла решение о трудоустройстве иногородних граждан. Руководителям предприятий, организаций, колхозам и совхозам района было дано указание принимать иногородних на работу и предоставлять место для жилья в имеющихся общежитиях. Со снятием карантина было дано указание беспрепятственно увольнять с работы и производить денежные расчеты²¹.

Наконец, в короткий срок было подготовлено здание банно-прачечного комбината для лаборатории Иркутского противочумного института, сотрудники которого проводили бактериологические обследования Камызякского, Икрянинского и Володарского районов Астраханской области.

Работа автомобильного транспорта

Вспышка эпидемии холеры вызвала необходимость коренным образом перестроить работу автомобильного транспорта.

Перед автотранспортными предприятиями области была поставлена задача, помимо обеспечения подвижным составом промышленных, строительных, торговых и других предприятий и организаций, осуществления перевозки сельхозпродуктов, перевозки населения пассажирским автотранспортом, значительное количество

¹⁹ ГААО. Ф. Р-2233. Оп. 15. Д. 234. Л. 14.

²⁰ Там же. Л. 14.

²¹ Там же. Л. 30.

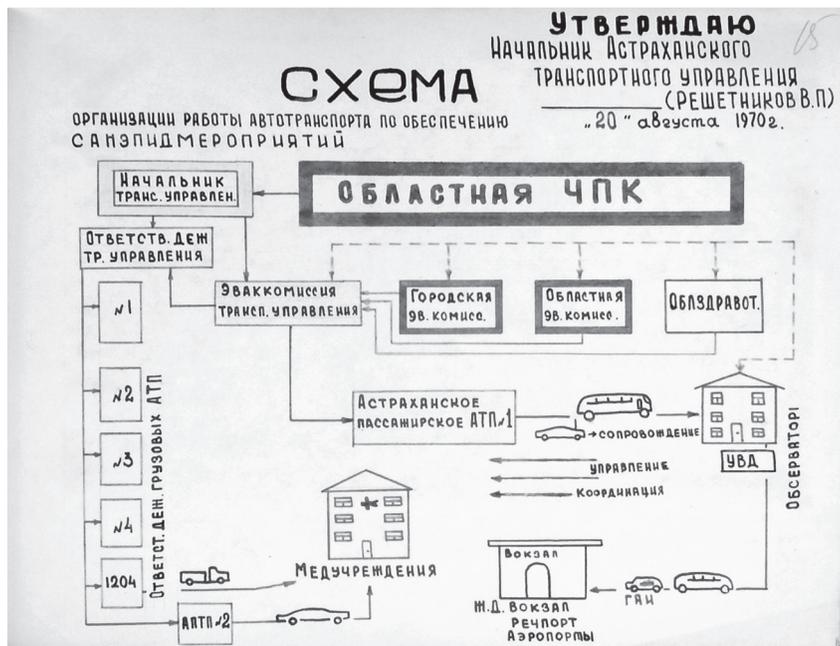

Схема организации работы автотранспорта
по обеспечению санэпидмероприятий в г. Астрахани
(ГААО. Р-2233. ОП. 15. Д. 231. Л. 15. А)

автотранспорта выделить для обслуживания органов здравоохранения, карантинной и патрульной служб, причем не просто выделить, но и организовать его четкую работу.

В первые дни после введения карантинного режима в распоряжение органов здравоохранения ежедневно выделялось до 250–300 автомобилей, из них до 100 легковых автомобилей-такси. Легковой транспорт сыграл очень важную роль в период борьбы с холерой. Так, Астраханское пассажирское автотранспортное предприятие № 2 за июль–сентябрь 1970 г. выделило в распоряжение органов здравоохранения 3540 легковых автомобилей-такси.

Особенно усложнились задачи, стоявшие перед автотранспортом, а следовательно, и работа по их осуществлению в период эвакуации граждан из обсерваторов на железнодорожный и речной вокзалы и в аэропорт для последующего выезда по месту постоянного проживания.

С целью обеспечения четкости в работе автотранспорта при перевозке граждан из обсерваторов при областном Транспортном управлении была создана Эвакуационная комиссия под председа-

тельством начальника Отдела эксплуатации пассажирского автотранспорта М.Я. Царика²².

Работа эвакуационной комиссии осуществлялась по специально разработанной схеме, которой предусматривалась координация действий между облздравотделом, областной и городской эвакуационными комиссиями, штабом УВД и ГАИ, автотранспортными предприятиями и обсерваторами. Для обеспечения четкости и организованности в работе автотранспорта при эвакуации граждан из обсерваторов города и области был разработан и практически осуществлялся технологический процесс, который состоял из следующих последовательных этапов: салоны подаваемых к обсерваторам автобусов тщательно обрабатывались дезинфицирующим раствором на специально отведенной предприятием площадке; производилось опломбирование дверей салона автобусов (с целью предотвращения возможных случаев нарушения инструкции по карантинному режиму в пути следования) в присутствии лица, ответственного за подготовку автобусов в санитарном отношении; диспетчер ходового парка пассажирского автотранспортного предприятия вручал водителю путевой лист и специальный наряд, в котором указывался маршрут следования (один автобус иногда заходил в 7–8 обсерваторов), количество пассажиров, которых необходимо взять в каждом обсерваторе (в зависимости от дальнейшего пути следования); сопровождение автобусов от гаража до обсерватора в целях обеспечения безопасности движения, своевременной подачи автобусов и исключения случаев возможного нарушения карантинных требований в пути следования. Сопровождение осуществлялось на радиофицированных автомобилях, что обеспечивало возможность изменять при необходимости маршрут или целиком задание для автобусов в пути их следования, что значительно повышало оперативность в работе транспорта.

Особая сложность данной работы заключалась в том, что необходимо было накануне обобщить получаемые от созданных областной и городской эвакуационных комиссий заявки на вывоз граждан из обсерваторов на последующий день; уточнить места расположения обсерваторов и составить рациональные маршруты движения автобусов; в зависимости от времени отправления поездов, судов и самолетов, а также мест расположения обсерваторов и количества отъезжающих определить время подачи и количество автобусов на каждый маршрут (в отдельные дни вывозились до 3500 человек, для этого требовалось до 100 автобусов); определить, с каких городских маршрутов и сколько необходимо снять автобусов (с учетом минимального ущерба для перевозки пассажиров),

---

²² ГААО. Ф. Р-2233. Оп. 15. Д. 231. Л. 3.

а также время их снятия (с учетом затрат времени на санобработку и пути следования) и передать команду на линейные диспетчерские пункты; согласовать со штабом Астраханского областного УВД вопросы, касавшиеся выделения нарядов для обеспечения карантинного режима при посадке в автобусы и для сопровождения в пути следования с целью обеспечения мер безопасности движения.

За период эвакуации из обсерваторов автотранспортом были перевезены 49 300 человек, задействованы 1355 автобусов²³.

С работой автотранспорта были непосредственно связаны уборка урожая, хранение сельскохозяйственных продуктов, для чего требовались многочисленные автоперевозки.

Санитарно-профилактические меры проводились с сельскохозяйственными продуктами на заготовительных пунктах Астраханской области. Рабочие грузили арбузы в машины, вагоны, контейнеры в брезентовых рукавицах, которые периодически смачивали раствором хлорамина. Все автомашины и контейнеры для сельхозпродуктов дезинфицировались 1%-ным раствором хлорной извести. Инспекторы Государственной инспекции по закупкам и качеству сельскохозяйственных продуктов по Астраханской области после проведения всех санитарно-профилактических мер делали в сертификатах такую, например, запись: «Арбузы доброкачественные и подлежат реализации на общих основаниях».

Заключение

Весь комплекс предпринятых в Астраханской области противоэпидемических мер быстро дал положительный результат: вспышка эпидемии холеры была ликвидирована. 23 сентября 1970 г. в 10.00 карантин и оцепление подразделениями внутренних войск с г. Астрахани и районов Астраханской области были сняты.

Борьба со вспышкой холеры в Астрахани продемонстрировала как высокий уровень развития советского здравоохранения, так и способность партийно-государственного аппарата в чрезвычайных ситуациях быстро мобилизоваться, создать временные органы, наделенные чрезвычайными полномочиями, и обеспечить выполнение их решений.

Быстро созданная система чрезвычайных противоэпидемических комиссий, от областного уровня до уровня поселкового Совета, превратилась в эффективно работающий механизм, решавший все финансовые, материальные, организационные, медицинские и прочие вопросы борьбы с холерой и проведения в жизнь карантинного

---

²³ Там же. Л. 5.

режима. Оперативно ликвидировались недостатки и недоработки, обнаружившиеся в ходе борьбы с эпидемией. Широкое использование практически всех сотрудников областных органов внутренних дел и частей внутренних войск СССР, решительная борьба с нарушениями карантина позволили локализовать вспышку и быстро подавить ее.

Особое значение для победы над холерой имела разъяснительная работа среди населения, которую проводил хорошо отлаженный в советское время партийно-государственный аппарат пропаганды и агитации.

Литература

- Попов 2011 – *Попов В.Ф.* Эпидемия холеры в СССР в 1970 г. // Биопрепараты: Профилактика, диагностика, лечение. 2011. № 2 (42). С. 36–38.
- Смирнова, Ерегина 2021 – *Смирнова Е.М., Ерегина Н.Т.* «Карантины чуть не взбунтовали 16 губерний»: Власть, врачи и общественность России в борьбе с эпидемиями холеры (XIX – начало XX в.) // Новый исторический вестник. 2021. № 2 (68). С. 33–48.
- Харченко, Кимирилова, Буркин 2019 – *Харченко Г.А., Кимирилова О.Г., Буркин В.С.* Эпидемиология и клиника холеры 1970 года в Астраханской области // Детские инфекции. 2019. Т. 18. № 1 (66). С. 51–55.

References

- Kharchenko, G.A., Kimirilova, O.G. and Burkin, V.S. (2019), “Epidemiology and clinic of cholera 1970 in the Astrakhan region”, *Detskie infektsii*, vol. 18, no. 1, pp. 51–55.
- Popov, V.F. (2011), “Cholera outbreak in the USSR in 1970”, *Biopreparaty. Profilaktika, Diagnostika, Lechenie*, vol. 42, no. 2, pp. 36–38.
- Smirnova, E.M. and Eregina, N.T. (2021), “‘Quarantines nearly incited revolt in 16 provinces’. Government, physicians, and the Russian public in the fight against cholera epidemics (19th – early 20th centuries)”, *Novyi istoricheskii vestnik*, vol. 68, no. 2, pp. 33–48.

Информация об авторах

Екатерина П. Шалацкая, Государственный архив Астраханской области, Астрахань, Россия; 414006, Россия, Астрахань, ул. Ак. Королева, д. 39а; ORCID ID: 0000-0001-8876-8994 astrahangasd@yandex.ru

Андрей А. Курапов, доктор исторических наук, Астраханский государственный объединенный историко-архитектурный музей-заповедник, Астрахань, Россия; 414000, Россия, Астрахань, ул. Советская, д. 15; ORCID ID: 0000-0002-0521-2710 astmusei@yandex.ru

Information about the authors

Ekaterina P. Shalatskaya, State Archive of the Astrakhan Region, Astrakhan, Russia; bld. 39a, Ak. Koroleva St., Astrakhan, 414006, Russia; ORCID ID: 0000-0001-8876-8994 astrahangasd@yandex.ru

Andrey A. Kurapov, Dr. of Sci. (History), Astrakhan State United Historical and Architectural Museum-Reserve, Astrakhan, Russia; bld. 15, Sovetskaya St., Astrakhan, 414000, Russia; ORCID ID: 0000-0002-0521-2710 astmusei@yandex.ru

Всеобщая история

УДК 274.5+75.046

DOI: 10.28995/2658-6541-2022-1-44-55

Вклад Л. Кранаха Старшего в распространение реформационных идей Мартина Лютера (первая половина XVI в.)

Анна А. Мойса

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, mojsa.an@yandex.ru*

Наталья В. Ростиславлева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ranw@mail.ru*

Аннотация. В статье на примере картины «Христос и прелюбодейка» («Christus und die Ehebrecherin») рассматривается роль творчества немецкого художника Лукаса Кранаха Старшего и его мастерской в распространении и популяризации идей Реформации. Выбор конкретного произведения искусства обусловлен частым обращением живописца к данному библейскому сюжету и многочисленными вариациями, дошедшими до наших дней. Авторы ставят перед собой задачу не только сравнить односюжетные картины разных периодов творчества Кранаха, но и, руководствуясь иконологическим методом, раскрыть контекст и основные мотивы, влиявшие на трансформацию его работ. Для характеристики одного из важнейших факторов – духовного контекста раннего Нового времени – приводятся цитаты из лютеранской интерпретации библейского сюжета о прелюбодейке, который являлся основой проповеди Мартина Лютера, прочитанной в 1531 г. Не упускаются из виду и сторонние источники вдохновения художника, относящиеся к дореформационному периоду или просто никак не связанные с реформационным движением. Таким образом, авторы стремятся определить особенности работ Кранаха и найти пересечение между устоявшимися канонами изобразительной традиции и визуализацией нового протестантского принципа *sola gratia* («только Благодать»).

Ключевые слова: Германия, раннее Новое время, Реформация, Лукас Кранах Старший, изобразительное искусство, Мартин Лютер, протестантизм

Для цитирования: Мойса А.А., Ростиславлева Н.В. Вклад Л. Кранаха Старшего в распространение реформационных идей Мартина Лютера (первая половина XVI в.) // История и архивы. 2022. № 1. С. 44–55. DOI: 10.28995/2658-6541-2022-1-44-55

Contribution of Lucas Cranach the Elder to the spread of Martin Luther's reformation ideas (the first half of the 16th century)

Anna A. Moisa

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
moisa.an@yandex.ru*

Natal'ya V. Rostislavleva

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, ranw@mail.ru*

Abstract. By the example of the “Christ and the woman taken in adultery” (“Christus und die Ehebrecherin”) painting, the article considers the role of German painter Lucas Cranach the Elder and his workshop in spreading the Reformation ideas. The choice of that specific artwork stems from the painter's frequent usage of that biblical plot and from many variations which have survived to the present day. The authors intend not only to compare the different periods of Cranach's creative activity but also to reveal, with the help of the iconological method, the context and the main motives which influenced the transformation of his works. To characterize one of the most important factors – the religious context of the early Modern times – the authors refers to the quotations from the Lutheran interpretation of the biblical story about an adulteress, based on Martin Luther's sermon of 1531. They also do not overlook the third-party sources of inspiration, that belong to the pre-Reformation period or have no connection with the Reformation at all. Therefore, the article tries to define the peculiarities of Cranach's works of art and to find the intersection point between the well-established canons of art tradition and the visualization of the new protestant principle of the “sola gratia” (“only grace”).

Keywords: Germany, early Modern times, Reformation, Lucas Cranach the Elder, visual arts, Martin Luther, Protestantism

For citation: Moisa, A.A. and Rostislavleva, N.V.(2022), “Contribution of Lucas Cranach the Elder to the spread of Martin Luther's reformation ideas (the first half of the 16th century)”, *History and Archives*, no. 1, pp. 44–55, DOI: 10.28995/2658-6541-2022-1-44-55

Введение

«Кто из вас без греха – пусть первым бросит в нее камень».

Библейская притча об Иисусе и прелюбодейке, изложенная в Евангелии от Иоанна (Ин. 8:2–11), не раз обращала на себя внимание известных живописцев. Отчаявшаяся грешница, лукавая толпа фарисеев и спокойный величественный Христос, дарующий прощение, – три ярких, контрастных элемента, интерпретация которых с окончанием Средневековья начала обретать все новые и новые краски. Однако работы далеко не каждого художника позволяли проследить эту едва заметную трансформацию сюжета: у истории существовали свои устойчивые каноны и только неоднократное обращение к ней могло пролить свет как на индивидуальный авторский взгляд, так и на обновленные запросы раннего Нового времени.

Этим и отличается творчество немецкого живописца Лукаса Кранаха Старшего, наглядно иллюстрирующее духовное переосмысление, охватившее немецкие земли на заре XVI в. Начиная с 1509 г. мастерская художника в течение нескольких десятков лет трудилась над различными вариациями на тему библейской притчи. При этом к середине 1530-х гг. картина «Христос и прелюбодейка» (в нашем переводе более известная как «Христос и грешница») не только претерпела значительные изменения по сравнению с изначальным замыслом Кранаха, но и обзавелась многочисленными копиями, не оставляющими сомнений: визуализация евангельского сюжета стала изящным инструментом для популяризации определенных идей.

Но влияла ли непосредственно Реформация на творчество художника? Или же маятник переосмысления в искусстве был запущен раньше, а протестантизм лишь стал его новым обрамлением? Чтобы уловить суть этих изменений, нельзя ограничиться только сравнением и подробным описанием визуальных источников. Для эффективного анализа необходимо обратиться к принципам иконологии. В рамках данного подхода, зародившегося в Варбургской школе в первой половине XX в., особое внимание уделяется контексту: для исследователя важно изучить не только мировоззрение художника, но и духовное, культурное и социальное окружение, сформировавшее его. Чтобы достигнуть этой цели, приводится анализ ключевых текстов, которые помогают раскрыть глубину художественных изображений [Торопыгина 2015, с. 7–8].

А. Варбург (1866–1929) и его последователи (Э. Панофски, Э. Винд, М. Баксендолл, Т. Митчел, Э. Гомбрих) считали, что

визуальные образы впитывают, «синтезируют» эпоху¹. А. Варбург, например, особое внимание уделял символике жестов, доказывая, что пластика и жестикация на картинах не просто являются удачными композиционными решениями, а представляют собой устойчивые «формулы», которые несут в себе четкий посыл из прошлого, вызывая у зрителя определенные эмоции [Торопыгина 2015, с. 117].

Подобные особенности иконологического подхода продуктивны и для анализа творчества Л. Кранаха. Советский историк А.Н. Немилев отмечает, что картины художника выполняли как эстетическую, так и объяснительную функцию: подготовленный зритель должен был увидеть за красками нравоучительный рассказ [Немилев 1973, с. 24]. По мнению многих исследователей, такая проповедь без слов стала настоящим подспорьем для распространения нового реформационного учения [Немилев 1973, с. 15]. Неудивительно, что к удачным примерам реализации протестантских постулатов неоднократно относили и «Христа и прелюбодейку»².

Поиск пересечений между творчеством Кранаха и проповедями Лютера представляется продуктивным не только в связи с их тесной дружбой. Стоит отметить, что в своем учении глава Реформации вообще отводил довольно значимую роль произведениям искусства. Он осуждал бильдштюрмерское движение, охватившее Германию в 1520-е гг., настаивая на том, что картины в храмах нельзя уничтожать под предлогом борьбы с идолопоклонничеством. По его мнению, изображения, напротив, помогали мирянам лучше понять библейские сюжеты. Яркие образы сильнее впечатляли, запоминались ими, подталкивали к самостоятельному осмыслению Писания, отучая от слепого следования за церковными авторитетами. Таким образом, правильное использование картин приносило лишь пользу, распространяя протестантский принцип *sola scriptura* [Мойса, Ростиславлева 2021, с. 263–264].

Однако существовали и иные протестантские постулаты, которые глава Реформации хотел бы утвердить. Один из них – тезис о Божьей благодати (*sola gratia*) – стал основной темой проповеди Лютера, прочитанной в Виттенберге в сентябре 1531 г. Посвящена она была 8-й главе Евангелия от Иоанна, истории о Христе и прелюбодейке.

---

¹ Мигунов С.А., Хренов Н.А. Эстетика и теория искусства XX века: Хрестоматия. М., 2008. С. 665.

² Lucas Cranach der Ältere: Der Künstler und seine Zeit / Veröffentlichung der Deutschen Akademie der Künste. Berlin, 1953. S. 75.

Лютеранская интерпретация

Необходимо сразу отметить, что проповедь не дошла до наших дней в своем первоначальном виде. В Веймарском критическом собрании сочинений Лютера³, по которому и приводится цитирование, опубликованы две версии: одна из них излагает текст рукописи 1550 г. (в котором куда более заметна разговорная риторика), другая же опирается на печатный вариант, опубликованный И. Аурифабером в 1565 г.⁴ Так или иначе, оба источника увидели свет уже после смерти Лютера и своим существованием были обязаны труду его близких учеников, которые пытались увековечить память любимого учителя. Что им и удалось, так как текст привлекает не только сильными образами, но и острым словом, столь свойственным главе Реформации.

Итак, Лютер не скрывает основной посыл своей проповеди. Согласно ему, Царство Христа создано вовсе не для того, чтобы карать грешников. Напротив, оно существует, чтобы даровать им прощение. Образ грешницы, совершившей недопустимую измену, за которую по Закону Моисея следовало забить камнями насмерть, как нельзя лучше подходил для развития данной мысли.

Стоит подчеркнуть, что супружеская измена считалась тяжким, «смертельным», грехом и в протестантском вероучении. Согласно Лютеру, подобное прегрешение являлось одним из весомейших поводов для развода. Объяснял это богослов тем, что расторжение «богоугодного брака» всегда одобрялось в случае смерти одного из супругов. Изменивший же партнер, обрекаемый Законом Моисея, должен был считаться мертвым для своей второй половины, тем самым позволяя невинному вновь обрести свое счастье в новом союзе⁵.

Таким образом, даже в проповеди о прощении Мартин Лютер вовсе не отрицает тяжести греха прелюбодейки, подчеркивая, что она «смертельно виновата». Однако порицание обрушивается вовсе не на нее, а на книжников и фарисеев. Лютер плавно подводит к тому, что на их фоне прелюбодейка кажется чуть ли не святой⁶. Ведь в царство Христа все приходят грешниками: неважно,

---

³ D. Martin Luthers Werke: Kritische Gesamtausgabe. Bd. 33. Weimar, 1907. S. 495–510.

⁴ Ibid. S. 3.

⁵ *Luther M.* Ein Sermon vom ehelichen Stand [Электронный ресурс]. URL: http://www.glaubensstimme.de/doku.php?id=autoren:l:luther:e:ein_sermon_vom_ehelichen_stand (дата обращения 21.06.2021).

⁶ D. Martin Luthers Werke... Bd. 33. S. 502.

насколько тяжок был грех, важно – осознал ли его человек, чтобы услышать прощение⁷.

Книжники же возомнили, что вправе вершить чужие судьбы и толковать Божественное правосудие. Обвиняя свою жертву, они совсем потеряли чувство собственного греха. «Они хотели быть чистыми и святыми»⁸, но слова Иисуса так их напугали, что «они совсем забыли об этой женщине и подумали, что их грехи написаны у них на лбу»⁹. Богослов подчеркивает, что само бегство играет против них: они не готовы покаяться, признать свои ошибки. Лютер не может удержаться от язвительного сравнения, повествуя об их жалком отступлении: «они мчались из храма, как собака несется с кухни, ошпарив морду»¹⁰.

Однако, чтобы подчеркнуть разницу между осознавшим свою вину и закрывшим на нее глаза, оратор не мог ограничиться лишь красочным описанием библейской притчи. Ведь в оригинале грешница выступала, скорее, пассивным инструментом в руках лукавых спорщиков. У Лютера же обвиненная является пусть не самым активным, но все же участником разыгравшегося действия. Именно в ее душевное состояние он предлагает погрузиться слушателям, чтобы понять тяжесть совершенного греха.

Риторика Лютера направлена на то, чтобы вызвать соперничество к женщине: «Несчастливая блудница в беде, случилась с ней не шутка... приговор оглашен, ее должны забить камнями насмерть»¹¹. Яркими красками богослов пытается передать ее внутренние чувства: «Это вам не песенка к танцам. От страха ее сердце, должно быть, вскипело и поджарилось, и ничего она больше не видит, ибо горькая смерть застилает ей взор»¹². Отчаяние грешницы обостряется по мере развития сюжета, Лютер приписывает ей вполне реалистичные мысли: «В сердце она уже была мертва... возможно, у нее оставалась надежда и она искала успокоение в мужчине, который чертил что-то на земле»¹³. Нагнетание не спадает, пока не оглашается спасительный ответ: «Но какое огромное утешение слышит она от него, когда он говорит: Кто из вас без греха – пусть первым бросит в нее камень»¹⁴.

---

⁷ Ibid. S. 501.

⁸ Ibid. S. 508.

⁹ Ibid. S. 502.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid. S. 505.

¹² Ibid. S. 505–506.

¹³ Ibid. S. 506.

¹⁴ Ibid.

Важно отметить, что в определенный момент грешница перестает бояться земных судей, с ужасом осознавая, что после смерти ее ждут куда более тягостные муки: «Эта прелюбодейка стоит во вратах Ада и уже заглядывает внутрь»¹⁵. Именно в этот момент Христос вырывает ее из этого страшного видения, спрашивая, где теперь ее обвинители. «Раз они бежали, значит, они куда больше во грехах, чем ты».

Итак, Лютер показывает, что Божья благодать в царстве Христовом дается каждому. Даже «прелюбодейка, полная грехов», может надеяться, что «ее грехи будут отпущены и прощены», неважно, заслужила ли она того или нет. Что касается дел земных, то священникам богослов рекомендовал быть милостивыми к согрешившим и наставлять их на путь истинный. Ведь «все мы легко падаем и кто вообще без греха»¹⁶, поэтому и прелюбодейкам, осознавшим свою вину, нельзя отказывать в христианской любви и прощении.

Визуализация в работах Л. Кранаха

Итак, проповедь Лютера была прочитана в самом начале 1530-х гг. Однако могла ли она оказать столь существенное влияние на творчество художника, вдохновлявшегося сюжетом о грешнице еще с 1509 г.?

Необходимо учитывать, что библейская притча не только иллюстрировала лютеранский принцип, но и отвечала гуманистическим идеям о великодушии и милосердии, царившим в искусстве Западной Европы эпохи Ренессанса¹⁷. Обращаясь к работам Кранаха, нужно помнить как о его тесном взаимодействии с гуманистами Виттенберга, так и о почтительном отношении к итальянской живописи, средства выражения которой он пытался адаптировать на немецкой почве. Не чужд позднему Кранаху был и маньеризм, для которого было характерно принятие слабостей и пороков человеческой природы [Немилов 1973, с. 20].

Можно ли тогда утверждать, что творческий взгляд Кранаха лишь удачно вписался в развитие протестантской идеологии? Чтобы ответить на этот вопрос и понять, где заканчивается Лукас Кранах и начинается Мартин Лютер, мы выделим три периода, обусловленных стилистической трансформацией картины. Таким образом, в качестве примеров мы рассмотрим

¹⁵ D. Martin Luthers Werke... Bd. 33. S. 508.

¹⁶ Ibid. Bd. 30. Weimar, 1910. S. 242.

¹⁷ Кранахи: между Ренессансом и маньеризмом: каталог выставки. СПб., 2016. С. 39.

самый первый рисунок пером 1509 г., несколько вариаций, датированных 1512–1520 гг., и наконец, творчество, которое пришлось на 1530-е гг.

Итак, первое, что привлекает внимание в самых ранних эскизах Кранаха, – вертикальный формат изображения. По примеру своих предшественников художник изображает действующих лиц внизу полотна, освобождая верх холста для сводов храма. Композиции присуща строгая геометричность, подчеркиваемая толпой, равномерно окружившей Христа и грешницу с обеих сторон. Наряд женщины соответствует не библейскому времени, а эпохе художника и представляет собой платье знатной дамы. Не ускользает от внимания и момент притчи, который запечатлел живописец: склонившись к земле, Христос чертит заветные слова. В его позе можно заметить отголоски живописной традиции XV в., для которой начертание слов служило эстетической кульминацией сюжета. Тем не менее даже в первых зарисовках, казалось бы, продолжавших традиционный мотив визуализации библейской истории, можно легко заметить оригинальные черты, которые в дальнейшем и станут визитной карточкой мастерской Кранаха.

Чтобы не быть голословными, сравним рисунок пером Кранаха с картиной «Христос и прелюбодейка» (1481 г.) австрийского живописца Михаэля Пахера, представителя поздней готики. Несмотря на присутствие общих моментов, упомянутых выше, разница в акцентах сразу бросается в глаза. Центр полотна Кранаха – Христос, держащий прелюбодейку за руку, этот жест является ключевым пунктом в композиции. В то время как на картине Пахера Христос и пойманная женщина четко разделены перспективой: плиты пола и купол разбивают полотно на две равные части. Контраст подчеркивается и светотенью: своды купола освещены со стороны Иисуса, сторона грешников же утопает в тени. Хотя сострадательный взгляд Христа и направлен на прелюбодейку, даже визуально он не может быть на ее стороне.

Итак, уже в самую первую интерпретацию притчи Кранах вносит необычную для традиции деталь: Христос не просто расположен рядом с грешницей, он берет ее за руку. Этот элемент сохранится и на картинах, написанных в 1512–1520 гг. (точную датировку полотен не всегда можно определить), несмотря на все изменения, сделанные художником.

Во-первых, Кранах почти полностью отрекается от вертикального формата, куда реже мелькают и очертания храма. Живописца теперь занимает не столько сцена, сколько действующие на ней лица: в горизонтальном формате он максимально приближается к ним, отказываясь от изображения в полный рост. Таким образом, пропадает и пространство полукольца, которое окружало Христа на

первом эскизе. Изображаемые фигуры теперь стоят почти вплотную, что добавляет сцене напряженности.

Во-вторых, подобная композиция обусловлена и сменой момента, который иллюстрировал художник. Если на рисунке пером книжники и фарисеи уже бежали, роняя камни, то тут они еще полны решимости, крепко сжимая булыжники. За спиной прелюбодейки виднеются лица обеспокоенных апостолов. Христос больше не чертит на земле: благословляющим жестом он отделяет грешницу от толпы недоброжелателей, не отпуская ее руки. На фоне некоторых полотен появляется и цитата из Писания на латыни: “qui sine peccato est vestrum / in eam primv lapidem mittat”¹⁸.

В этот же период Кранах активно практикует распространение копий своих творений. Примечательна судьба одной из них. Картина «Христос и грешница», находящаяся на данный момент во Франконской галерее в Кронахе, отличается от своих «сестер» тем, что руки прелюбодейки и Христа на ней не соединены. Лишь рукав немного закрывает кисть женщины. Подобная неестественность неслучайна: в 1633 г. картина попала в коллекцию баварского курфюрста Максимилиана I, одного из лидеров Контрреформации. Для католического двора изображение Божественного Сына, сжимающего руку прелюбодейки, было недопустимо, потому курфюрст повелел своим живописцам убрать провокационный жест, внося свои коррективы в произведение Кранаха¹⁹.

Тем интереснее, что столь необычная для католиков визуальная близость Христа и грешницы совсем не смущала протестантов. После небольшого перерыва, обусловленного иными заказами и бильдштюрмерским движением, в 1532 г. Лукас Кранах вновь воплощает любимый сюжет, который после проповеди Лютера становится весьма актуальным.

О связи проповеди и картины в первую очередь свидетельствует надпись, которая теперь приведена на немецком языке, в соответствии с лютеранским переводом Библии: “WER VNDER EVCH AN SVND IST / DER WERFFE DEN ERSTEN STEIN AVEF SI”²⁰. Начиная с 1530-х гг. Кранах использует только этот вариант для подписи своих полотен, что косвенно подтверждает их направленность на протестантскую аудиторию.

Хотя композиция картины не так сильно изменилась по сравнению с вариациями прошлого десятилетия, художник расставляет

¹⁸ «Кто из вас без греха – пусть первым бросит в нее камень».

¹⁹ *Weniger M.* Christus und die Ehebrecherin, Kronach // *Wege zu Cranach. Cranach des Monats*. URL: <https://wege-zu-cranach.de/cranach-des-monats/kronach-christus-und-die-ehebrecherin.html> (дата обращения 21.06.2021).

²⁰ «Кто из вас без греха – пусть первым бросит в нее камень».

более выразительные акценты на представленных фигурах. Взор грешницы теперь совсем опущен, она поникла и не смеет поднять глаз от стыда. Утратила она и свое роскошное дворянское платье, теперь на ней скромный бюргерский наряд, верхняя часть которого сильно обнажена: женщина была взята врасплох. Противостояние фарисеев и Иисуса становится более очевидным: голова Христа теперь повернута к ним, а взгляд скользит по малопривлекательным лицам. Рука одного из обвинителей сжимает не только камень, но и меч, усиливающий эффект угрозы. Подобные небольшие изменения во многом пересекаются с интерпретацией Лютера: грешница, которая уже ничего не видит перед глазами; фарисеи и книжники, на лбах которых Христос может прочесть грехи, и т. д.

Последующие вариации, вышедшие из мастерской Кранаха, окончательно закрепили данный мотив. Примечательно, что на некоторых полотнах тактильный контакт Христа и грешницы выражен еще ярче: рука Иисуса не просто держит запястье, иногда даже их ладони соприкасаются. Откровеннее становится и изображение прелюбодейки: Кранах то и дело несколько обнажает ее грудь. И хотя подобные детали во многом обусловлены эстетическим вкусом живописца, можно предположить, почему они, будучи отвергнутыми католиками, прижились в протестантской символической.

Итак, в предыдущем параграфе уже отмечалась важность принципа *sola gratia* в протестантской проповеди. «И я тебя не осуждаю», – говорит Иисус блуднице и прощает ей грехи. Он готов принять в своем Царстве любых грешников («святые туда не попадают»). На полотнах Кранаха павшая женщина, чья греховность подчеркивается соскальзывающей одеждой, изображена в стыдливом раскаянии. Однако Христос не брезгает протянуть ей руку и отгородить от угрожающей ей толпы, «покрыть ее грехи». Ведь в протестантском учении прощение не нужно заслужить, Божественная благодать даруется всем через Христа.

И наконец необходимо подчеркнуть, что прикосновение к Христу, красной нитью прошедшее через все полотна Кранаха, не только визуальное сокращало дистанцию между человеком и Богом, но и являлось символом спасения души. К примеру, этот мотив можно наблюдать в серии гравюр «Малые страсти» А. Дюрера: на картине «Сошествие в ад» Христос простирает руку, чтобы вытащить грешника из адского пекла. Безусловно, Кранах был знаком с этой изобразительной традицией и сам вдохновлялся ею [Немилов 1973, с. 15]: в его собственной версии «Сошествия» повторен тот же жест. Мартин Лютер же окончательно закрепил данную интерпретацию в протестантизме: в своем катехизисе 1529 г. он красочно расписывал «Сошествие в ад» и объяснял, что человек, взятый Христом под защиту, непременно будет спасен.

Заключение

Таким образом, рассмотрев трансформацию картины «Христос и прелюбодейка» в творчестве Кранаха, можно сделать следующие выводы. Лукас Кранах был человеком своей эпохи, его вдохновляли как работы предшественников, так и стиль итальянских мастеров. Близки ему были и гуманистические идеи, позволявшие по-новому интерпретировать устоявшиеся каноны. Реформация, которую художник активно поддерживал, дала ему новый повод вернуться к любимейшему сюжету и применить свое мастерство, чтобы распространить идеи Лютера, визуализировать яркое слово на холсте. Так проповедь о Божественной благодати обрела свой собственный выразительный облик, глядя на который, верующий с трепетом осознавал: что бы он ни совершил, Христос никогда не отречется и все равно протянет длань, даруя милость заплутавшей душе.

Литература

- Мойса, Ростиславлева 2021 – *Мойса А.А., Ростиславлева Н.В.* Лютер и Кранах: изобразительное искусство в рамках немецкой Реформации // Преподаватель – XXI век. 2021. № 1. С. 257–269.
- Немилов 1973 – *Немилов А.Н.* Лукас Кранах Старший. М.: Изобразительное искусство, 1973. 120 с.
- Торопыгина 2015 – *Торопыгина М.Ю.* Иконология. Начало: Проблема символа у Аби Варбурга и в иконологии его круга. М.: Прогресс-Традиция, 2015. 368 с.

References

- Moisa, A.A. and Rostislavleva, N.V. (2021), “Luther and Cranach. The visual arts in frames of the German Reformation”, *Prepodavatel’ – XXI vek*, no. 1, pp. 257–269.
- Nemilov, A.N. (1973), *Lukas Kranakh Starshii* [Lucas Cranach the Elder], *Izobrazitel’noe iskusstvo*, Moscow, Russia.
- Toropygina, M.Yu. (2015), *Ikologiya. Nachalo. Problema simvola u Abi Varburga i v ikonologii ego kruga* [Iconology. Beginning. The symbol issue by Aby Warburg and his circle’s iconology], *Progress-Traditsiya*, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Анна А. Мойса, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; ORCID ID: 0000-0002-7034-7507; mojsa.an@yandex.ru

Наталья В. Ростиславлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; ORCID ID: 0000-0001-7784-8390; ranw@mail.ru

Information about the authors

Anna A. Moisa, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia; ORCID ID: 0000-0002-7034-7507; mojsa.an@yandex.ru

Natal'ya V. Rostislavleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia; ORCID ID: 0000-0001-7784-8390; ranw@mail.ru

История культуры в документальном наследии

УДК 82-97

DOI: 10.28995/2658-6541-2022-1-56-73

Литературно-общественная позиция советского немецкого писателя Андреаса Закса в вопросах религии и церкви (1930–1960-е гг.)

Яна В. Юркина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, yanayurkina.97@mail.ru*

Аннотация. Советский немецкий писатель Андреас Закс (1903–1983) известен как активный участник антирелигиозной пропаганды в Республике немцев Поволжья в 1930-е гг., а также автор произведений, в которых высмеиваются религиозные предрассудки людей и пороки священнослужителей. В рамках биографического подхода в интеллектуальной истории в статье реконструируется литературно-общественная позиция писателя по вопросам религии и церкви. В качестве источников использованы его антирелигиозные юмористические рассказы, а также неопубликованные рецензии на произведения начинающих астраханских литераторов, в которых он высказывает свои взгляды на церковь, священнослужителей и религиозность. По нашему мнению, в своих антирелигиозных произведениях Андреас Закс не выходил за рамки тактичного, деликатного осмеяния религиозных предрассудков, присущих конкретным людям, прежде всего старшего возраста, крещенным до Октябрьской революции 1917 г. Богоборчество и оскорбление религиозных чувств верующих для его произведений не характерны. Вероятно, это явилось отражением «культурного сопротивления» советских немцев антирелигиозным и антицерковным кампаниям коммунистической власти, закрытию церквей и репрессиям против священнослужителей в 1930-е гг., а также понимания писателем религиозности человека как «сложного жизненного вопроса», осознания больших трудностей «идейной борьбы» с религией и церковью.

Ключевые слова: поволжские немцы, религия, религиозность, церковь, культурная революция, «оттепель», писатель, литературная деятельность, интеллектуальная биография, Андреас Закс

© Юркина Я.В., 2022

Для цитирования: Юркина Я.В. Литературно-общественная позиция советского немецкого писателя Андреаса Закса в вопросах религии и церкви (1930–1960-е гг.) // История и архивы. 2022. № 1. С. 56–73. DOI: 10.28995/2658-6541-2022-1-56-73

The literary and social position of the Soviet-German writer Andreas Saks on matters of church and religion (1930s – 1960s)

Yana V. Yurkina

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
yanayurkina.97@mail.ru*

Abstract. The Soviet-German writer Andreas Saks (1903–1983) is known as an atheist, an activist of anti-religious propaganda in the 1930s carried out in the Republic of the Volga Germans, and as an author satirizing the religious superstitions of people and the vices of clerics. Applying the biographical approach of intellectual history the author of the article reconstructs A. Sack's literary and social position on matters of church and religion. As sources for that the author uses Sack's anti-religious humorous stories as well as his unpublished reviews of the works by Astrakhan novice writers where he expresses his views on the church, clerics and religiosity. There is a conclusion in the article that in those anti-religious works Andreas Saks remained tactful and delicate as he derided the religious superstitions of individual people, mostly, from an older generation who were baptized before the October revolution of 1917. Theomachism and the insulting the people's religious feelings are not found in his works. It may reflect the Soviet Germans' "cultural resistance" to the anti-religious and anti-clerical campaigns waged by the communist authorities, to the closures of churches and repressions against the clerics in the 1930s. On the other hand, that reflects the writer's understanding of man's religiosity as "a complex existential issue" and his realization of big difficulties in "an ideological fight" against church and religion.

Keywords: Volga Germans, religion, religiosity, church, cultural revolution, "thaw", writer, literary activity, intellectual biography, Andreas Saks

For citation: Yurkina, Ya.V. (2022), "The literary and social position of the Soviet-German writer Andreas Saks on matters of church and religion (1930s – 1960s)", *History and Archives*, no. 1, pp. 56–73, DOI: 10.28995/2658-6541-2022-1-56-73

Введение

Литературно-общественная позиция писателя в вопросах религии и церкви является, вероятно, одной из самых сложных для изучения биографами и специалистами по истории литературы и истории культуры. Тем более если исследователь стремится выявить взаимосвязи между представлениями писателя о религии и церкви, его восприятием политических и социальных реалий, а также выражением этих представлений в его творчестве и литературной деятельности [Сухов 2001; Гачева 2011; Дергачева 2021]. Особую сложность представляет изучение взглядов советского писателя на религию и церковь, когда носитель этих взглядов жил и творил в историко-культурном контексте советской эпохи, в условиях воинствующего атеизма как направления государственной политики.

В настоящей статье предпринята попытка изучения литературно-общественной позиции советского немецкого писателя Андреаса Закса (Andreas Saks, 1903–1983) в вопросах религии и церкви в 1930–1960-е гг.

Андреас Закс внес большой вклад в развитие культуры Республики немцев Поволжья как работник школьного образования, сотрудник периодической печати и заведующий литературной частью Немецкого государственного театра в Энгельсе. В те же годы, до принудительного переселения в Сибирь в 1941 г., он много сделал для создания и становления Союза советских писателей республики. Наконец, в середине и в конце 1960-х гг. он внес немалый вклад в укрепление и развитие Астраханской областной писательской организации, созданной в 1963 г.

Андреас Закс был при жизни и остается до настоящего времени одним из самых известных среди российских немцев прозаиком (в частности шванкистом – автором шванков) и драматургом. Его жизнь и литературная деятельность как представителя социальной группы профессиональных советских писателей (членов Союза писателей СССР) проходили в течение нескольких исторических периодов – сталинского авторитаризма в предвоенные, военные и послевоенные годы, десталинизации и «оттепели» при Н.С. Хрущеве, ресталинизации и «наступлении морозов» при Л.И. Брежнев.

Понятие «литературно-общественная позиция писателя» включает в себя систему его взглядов на общественные проблемы, на место и роль литературы и писателя в жизни общества, а также основанное на этой системе взглядов осознанное участие писателя в общественной жизни, его многообразную литературную деятельность, участие в работе писательского общества или, применительно к советской эпохе, в писательской организации.

Реконструкция литературно-общественной позиции писателя Андреаса Закса в вопросах религии и церкви, изучение его литературной деятельности, в которой эта позиция проявляла себя и реализовывалась, представляется наиболее перспективной в рамках исследовательского подхода, который Л.П. Репина назвала «биографическим подходом в интеллектуальной истории» [Репина 2011, с. 295, 303].

Провести реконструкцию в рамках такого подхода позволяют использованные источники – документы Астраханской писательской организации и антирелигиозные шванки Андреаса Закса. Из документов писательской организации особое значение имеют написанные им во второй половине 1960-х гг. «внутренние рецензии» на произведения начинающих астраханских литераторов, в которых в той или иной степени затрагивается «тема религии и церкви».

«Внутренние» рецензии предназначались не для публикации в газетах и журналах, а для выявления степени литературной одаренности начинающего автора, для вынесения писательской организацией коллективного решения рекомендовать рукопись к изданию или не рекомендовать, а также для консультирования начинающего литератора, оказания ему помощи в развитии его творческих способностей [Юркина 2019, с. 321–326]. «Внутренние» рецензии, по своей сути, являются разновидностью «персональных текстов» [Юркина 2021а, с. 75–77], в которых, по определению Л.П. Репиной, запечатлены «самосознание и индивидуальный жизненный опыт» автора текста [Репина 2011, с. 294, 301].

Представление Андреасом Заксом себя как борца против религии и церкви

Спустя пять с небольшим лет после переезда писателя в Астрахань, в 1969 г., была опубликована первая статья, посвященная биографии, литературной деятельности и творчеству Андреаса Закса [Травушкина 1969]. Она была включена в 4-й выпуск продолжающегося издания «Литературное краеведение: Материалы к спецкурсу», которое выпускалось в те годы Астраханским педагогическим институтом.

Самое примечательное в этой статье заключается в том, что в качестве главного источника для ее написания автор Э.О. Травушкина, также происходившая из поволжских немцев и преподававшая в Астраханском пединституте немецкий язык, использовала рассказы самого Андреаса Закса о себе и своем творчестве, его устные воспоминания о самых значимых в его жизни событиях.

В результате получилось, что самые ценные сведения о литературной деятельности Андреаса Закса, которыми Э.О. Травушкина наполнила текст статьи, взяты из, если можно так сказать, «первоисточника» [Карпенко, Юркина 2019, с. 128, 129].

Именно в этой статье Андреас Закс – несомненно, с его ведома и одобрения, а то и по его просьбе, – назван «воинствующим атеистом». И далее – также несомненно, что со слов самого Андреаса Закса, – говорится: «Постоянной темой является для него разоблачение религии и церкви; кроме этого, он ведет антирелигиозную пропаганду, выступая с лекциями и беседами» [Травушкина 1969, с. 27].

С этими утверждениями прямо связан содержащийся в статье фрагмент характеристики «старинного и самобытного» жанра шванка, причем также несомненно, что вся эта характеристика дана со слов Андреаса Закса как опытного и известного шванкиста: «Шванк – это небольшой веселый рассказ о забавном происшествии, смешной затее. В шванке высмеиваются слабости и проступки людей. В центре его находится либо действие, которое в силу комизма ситуации кончается неожиданно, либо характерный тип – скряга, лентяй, злая жена, ревнивец-муж, блудливый и жадный поп, глуповатый крестьянин и т. д.» [Травушкина 1969, с. 25]. В одном из последующих фрагментов статьи Андреас Закс характеризуется как «мастер разоблачения», который «в своих шванках остро бичует всякого рода пороки и недостатки: лень, пустозвонство, сварливость, скупость, пьянство, суеверие» [Травушкина 1969, с. 26].

Эти два фрагмента, связав их друг с другом, а также с «воинствующим атеизмом» Андреаса Закса, можно понять так, что «блудливый и жадный поп» – «характерный тип», который постоянно встречается в его шванках и которого он «мастерски разоблачает». Видимо, именно такое впечатление, такое понимание пытались навязать читателям статьи Э.О. Травушкина и сам Андреас Закс. И далее для усиления именно такого впечатления и такого понимания в статье говорится: «В наши дни, когда ведется усиленная борьба против пережитков в сознании людей, шванк, как мы видим, может быть острым оружием в преодолении отжившего, в выработке коммунистического сознания» [Травушкина 1969, с. 27].

Этот «тезис» статьи об Андреасе Заксе и его творчестве шванкиста точно соответствовал идеологическим установкам КПСС 1960-х гг. Хотя Н.С. Хрущев был отправлен в отставку и его «наступательная» антирелигиозная политика [Зинчук 2019] была внешне смягчена, в целом она продолжалась и при Л.И. Брежнев, поскольку религия, с точки зрения коммунистических идеологов, являлась «пережитком прошлого», которому нет места в коммунистическом обществе.

*Антирелигиозные шванки Андреаса Закса 1930-х гг.
и отражение в них отношения автора
к религии и церкви*

Из антирелигиозных шванков Андреаса Закса пока удалось выявить только восемь, которые он написал с 1933 по 1940 г. Они были опубликованы в советских немецких газетах.

В те предвоенные годы писатель находился в родной ему культурно-языковой среде немцев Поволжья. Героями его шванков становились поволжские немцы, преимущественно крестьяне, реже горожане. Он описывал их жизнь, труд, отдых, быт, мироощущение и нравы. В текстах содержатся лингвокультурные концепты, которые отразили концептосферу культуры автора как советского немецкого писателя, жившего и творившего во время быстрого экономического, социального и культурного развития Республики немцев Поволжья. И тогда же большевистская власть республики активно боролась с религией и церковью.

Рассмотрим для примера три из восьми шванков.

Шванк «Правильный выход» был написан Андреасом Заксом в 1936 г.

В нем описывается случайная встреча на сельской улице десятилетнего мальчика по имени Лоренц, который с большим трудом вел на коротком поводке резвого теленка, с идущим навстречу сельским священником – лютеранским патером (от немецкого слова “Pater”). По «старой привычке» в селе его называли «господин патер». Мальчик остановился и произнес обычное приветствие «Слава Иисусу Христу!». На это последовало укоризненное замечание патера, что надо «шапку снимать», «произнося имя Христово». Мальчик выразил полную готовность так и поступить, но только при условии, если «господин патер» подержит веревку: «...а не то этот чертенок сбежит»¹.

Концепт «священник» выражается в коротком тексте шванка еще тремя синонимическими единицами – «сельский священник», «господин патер» и «духовный наставник». В их содержании заключена духовная власть священнослужителя над сельскими жителями, а также связанная с этой властью возможность пополнять церковную казну за их счет. Однако, как уточнено автором, «господином патером» крестьяне села называли его «по старой привычке». И это надо понимать так, что он в значительной мере лишился своего авторитета, уменьшилась его духовная власть, уменьшились его возможности влиять на жизнь крестьян,

---

¹ Закс А. Божья помощь // Закс А. Невероятно правдивые истории: Рассказы, юморески, шванки. Кишинев, 1978. С. 141–143.

а также в прежнем размере пополнять церковную казну за счет крестьян.

Так в шванке «Правильный выход» Андреас Закс стремился создать у своих немецких читателей впечатление, что в советское время благодаря антирелигиозной и антицерковной политике партии большевиков в жизни крестьян Республики немцев Поволжья произошли серьезные изменения к лучшему. А именно: их духовная и материальная жизнь в значительной мере вышла из-под руководства и контроля церковников, в значительной мере утративших авторитет у сельского населения, среди которого сохранилось лишь внешнее почтение к ним. При этом, однако, в тексте нет никакого осмеяния «господина патера», никакого намека на его «блудливость и жадность», никакого «разоблачения религии и церкви».

Шванк «Божья помощь» был написан в 1938 г.

В нем рассказывается, как крестьянин Сандер вез кирпичи из соседнего села. На крутом подъеме перед въездом в родное село уставшая лошадь по кличке Гнедко остановилась. И хотя Сандер дал ей передохнуть, худая и слабая лошадь никак не могла тронуть с места телегу с таким тяжелым грузом. Поблизости не было никого из односельчан, кого бы он мог позвать на помощь. Тогда он подошел к вкопанному возле дороги большому деревянному кресту, «на котором было прикреплено фаянсовое распятие», и обратился к Богу с мольбой о помощи. Он просил Бога дать силы его лошади, чтобы она пошла в гору, как по ровному месту.

Содержащийся в тексте шванка концепт «религия» автор конкретизирует и передает целым рядом языковых единиц, включенных как в авторский текст, так и в прямую речь Сандера: «Бог», «Господь», «крест», «распятие», «образ», «молиться», «милосердие Божие», «молиться с усердием», «перекрестившись, он стал молиться», «Пожалей нас, о Господи!», «Будь славен во веки веков! Аминь» и другие. А взаимозависимость концептов «религия» и «крестьянин» раскрывается в отношении немецкого крестьянина к Богу, в проявлениях его религиозности.

Первая мольба крестьянина описана так: он снял фуражку, опустил перед крестом на колени, перекрестился и «стал молиться, да с таким усердием, на какое способен только крестьянин, когда он в беде». Но молитва не помогла: Гнедко дернулся, но тут же снова встал.

Во второй раз крестьянин «стал молиться с еще большим рвением». Но и вторая молитва не помогла.

Молиться в третий раз крестьянин не стал: у него «в груди закипела злость», «от кротости его и следа не осталось». И он пригрозил Богу: «...коли не поможешь, как прошу тебя, не висеть здесь боле образу твоему!..» Но и угроза не помогла.

Тогда Сандер «запустил камень в распятие». Оно «со звоном раскололось», «испуганная» лошадь рванула вперед и преодолела подъем².

Так религиозность Сандера раскрыта и преподнесена Андреасом Заксом немецким читателям как внешняя, неглубокая и неискренняя. Молитвенное усердие попавшего в затруднительную ситуацию крестьянина быстро сменилось ропотом на Бога и богопротивным действием, как только крестьянин решил, что «Бог не хочет явить нам свое милосердие». Если в этом шванке что-то и «разоблачается», то только не религия и церковь, а невежество, грубость и чисто внешняя религиозность немецкого крестьянина, не очень, кстати, состоятельного, поскольку лошадь описана автором как «худая, слабая животина».

Шванк «Кошка его съела (Рассказ тетушки Марты)» был написан Андреасом Заксом в 1938 г.

В нем описан случай с белым голубем, произошедший в церкви немецкого села. Патер велел шульмейстеру (пономарю) накануне обедни принести в церковь белого голубя в клетке, во время обедни держать за пазухой и выпустить после его слов «Сойди на нас, Дух Святой!». И голубь должен был, по замыслу патера, «пролететь через всю церковь над головами прихожан». Однако этого не произошло по вполне деревенской причине: голубь был съеден церковной кошкой, забравшейся ночью в плохо закрытую клетку³.

Повествование ведется от лица тетушки Марты – женщины пожилой и, судя по ее рассказу, очень набожной. Этот литературный прием позволил Андреасу Заксу широко использовать лингвокультурные концепты «религия», «церковь», «священник» и «прихожане». Содержание тесно взаимосвязанных между собой концептов «религия» и «церковь» раскрывается в тексте целым рядом языковых единиц: «Бог», «Спаситель», «вера», «пономарь» («Schulmeister»), «дьявол», «сатана», «месса», «проповедь», «небеса», «церковный староста», «Святая Троица», «Святой Дух».

Содержание концепта «священник», представленного в тексте словом «патер», раскрывает служителя церкви языковыми единицами, имеющими исключительно положительную коннотацию. Он, по характеристике тетушки Марты, – «наш добрый патер», «почтенный патер», который очень добросовестно относится к своей «службе Богу». Более того, он подходит к своему делу творчески:

---

² Закс А. Божья помощь // Закс А. Невероятно правдивые истории... С. 141–143.

³ Закс А. Кошка его съела (Рассказ тетушки Марты) // Там же. С. 143–145.

«частенько устраивает для прихожан всякие богоугодные представления». Он умеет произносить «прекрасные проповеди», служит мессу в «приподнятом настроении». Тем самым он неустанно стремится «укрепить веру в Спасителя» в своих прихожанах. При чтении шванка все или почти все хвалебное и восторженное, что говорит тетушка Марта о патере, воспринимается читателем как положительная оценка со стороны самого автора. Соответственно, так же воспринимается и исключительно положительное содержание концепта «священник».

Содержание концепта «прихожане» раскрыто очень мало, однако в это содержание включен очень важный момент: прихожан на мессе присутствует много, и они занимают все скамьи, причем среди них немало таких же набожных, как тетушка Марта.

Шванк заканчивается тем, что в ответ на призыв патера «Сойди на нас, Дух Святой!» громко раздаются слова бывшего церковного старосты: «Кошка съела Святого Духа». Таким образом, комичность ситуации и последних произнесенных слов совершенно не превращает в объект насмешки ни патера, ни его «творческий» подход к богослужению, ни мессу, ни церковь, ни прихожан. И в этом шванке трудно найти «разоблачение религии и церкви».

Таким образом, антирелигиозные шванки, написанные Андреасом Заксом в 1930-е гг., действительно, в строгом соответствии с законами жанра являются «веселыми рассказами о забавном происшествии». Раскрывая в них «антирелигиозную тему», автор ограничивается иронией и доброй насмешкой. В его шванках совершенно отсутствует едкое и злое осмеяние, тем более – злопыхательство, издевательство. Если речь идет об отрицательных явлениях, о «пережитках прошлого», то все они представлены как отрицательные стороны человеческой природы, как недостатки и слабости конкретных людей. Во всем этом вряд ли можно усмотреть «разоблачение религии и церкви», характерное для «воинствующих безбожников» 1920–1930-х гг.

По всей вероятности, Андреас Закс, даже если он был убежденным атеистом, как писатель хорошо чувствовал и ясно понимал, что грубые и злые насмешки над верой, религиозностью, священнослужителями и церковью оттолкнут от него читателей. Более того, в текстах шванков можно уловить если не приятие, то какое-то тактичное отношение образованного человека, истинного интеллигента к религиозности как к очень важной составной части традиционной немецкой культуры.

Объяснение этому, видимо, следует искать в религиозной ситуации, сложившейся в то время в Республике немцев Поволжья. По мнению А.А. Германа, самого плодотворного и авторитетного историка поволжских немцев, начатый республике в 1929 г., одновре-

менно с коллективизацией, «поход на религию и церковь», во время которого церкви закрывались, а священнослужители подвергались издевательствам и репрессиям, вызвал массовые выступления протеста. В итоге религиозно-церковная жизнь лютеран, католиков и православных, тем более сектантов, приняла «полулегальный характер», но все же сохранилась. Особенно это было свойственно сельской местности. Национальная культура немцев стойко и гибко сопротивлялась грубому нажиму большевистских антирелигиозных кампаний [Герман 2004, с. 199, 200, 304–306].

*Первое издание
антирелигиозных шванков Андреаса Закса
на русском языке*

Начало литературной деятельности Андреаса Закса в составе Астраханской писательской организации совпало с началом ее подготовки к 50-летию Советской власти. Дважды в сентябре и один раз в октябре 1965 г. астраханские писатели на собраниях обсуждали и отбирали свои произведения, в которых в той или иной мере отражены революционные события: их намечали издать в юбилейном 1967 г. Поначалу никакой книги Андреаса Закса в списке намеченных к изданию не значилось⁴.

Однако позже в этот список был включен сборник его антирелигиозных шванков. Видимо, он сам предложил издать свои шванки, а писатели эту идею поддержали, поскольку борьба с религией и церковью считалась частью борьбы партии за социализм и коммунизм. В написанных в январе и мае 1966 г. справках Отдела пропаганды и агитации Астраханского обкома КПСС среди книг, готовящихся астраханскими писателями к изданию в юбилейном году, назван «сборник юмористических антирелигиозных рассказов» Андреаса Закса⁵.

Он отобрал для сборника десять шванков: семь, написанных в 1930-е гг. в Республике немцев Поволжья, один, написанный в Красноярском крае в 1960 г., и два, написанные в Астрахани в 1965 и 1967 гг. Все они уже были напечатаны в советских немецких газетах, и теперь он сам переводил их на русский язык.

Два шванка их трех, написанных им в 1960-е гг., – «Козни сатаны» и «Бабушка и внучки» – отличаются от шванков 1930-х гг. высмеиванием пожилых людей, искренне верующих, которые

⁴ Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 11. Л. 81–82.

⁵ Там же. Ф. П-325. Оп. 53. Д. 61. Л. 45; Д. 64. Л. 30, 31.

в «космическую эру» пытаются передать свою религиозность молодым поколениям – детям и внукам. А те, в свою очередь, вследствие советского воспитания и образования ее не приемлют. Но авторское высмеивание осталось прежним – тактичным, без злости и издевки, – в нем даже появилось сочувствие к предрассудкам пожилых и много переживших людей. Читателям исподволь внушается представление, что религиозность – это «пережиток прошлого», который еще сохраняется только среди пожилых людей, крещенных в младенчестве, а современные дети и молодежь в религиозной вере уже не нуждаются, поскольку они образованные, самостоятельные, сами строят свою жизнь.

Лишь в шванке «Епитимья» о патере, который «неравнодушен был к молодым, красивым прихожанкам», а действие происходит в предвоенной Республике немцев Поволжья, насмешка над священнослужителем становится более острой, едкой⁶. Этот шванк – пример того, как Андреас Закс в своем творчестве постоянно возвращался в историко-культурную среду поволжской немецкой цивилизации, «унесенной ветром» сталинских репрессий.

Сборник, названный «Козни сатаны», вышел в самом конце 1967 г. в виде малоформатной 37-страничной брошюры в мягкой обложке [Юркина 2021b, с. 34].

В кратком предисловии, рассказывающем об Андреасе Заксе, сообщается: «В газетах публиковались его короткие юмористические рассказы (шванки). Многие из них носят антирелигиозный характер, как и предлагаемые рассказы настоящего сборника»⁷. Андреас Закс был представлен русскоязычному советскому читателю как автор шванков, который много пишет на антирелигиозную тему. Это представление можно понять так, что антирелигиозная тема является одной из главных в его творчестве. В действительности же, судя по большому сборнику его переведенных на русский язык произведений, изданному в 1978 г. в Кишиневе, 13 включенных в него антирелигиозных шванков составляют менее одной пятой части написанных им юмористических рассказов⁸.

В статье Э.О. Травушкиной «Андреас Закс» выход в свет маленькой книжечки «Козни сатаны» был преподнесен как один из «творческих успехов», которые принес Андреасу Заксу 1967 год. Но оценка ей с точки зрения вклада в борьбу с религией и церковью дана более скромная, а потому более объективная: «В веселой и остроумной форме автор высмеивает религиозные пережитки»

⁶ Закс А. Невероятно правдивые истории... С. 158, 159.

⁷ Закс А. Козни сатаны. Волгоград, 1967. С. 4.

⁸ Закс А. Невероятно правдивые истории... С. 182, 183.

[Травушкина 1969, с. 27]. Что высмеивает как-то по-доброму, с каким-то даже пониманием, откуда они взялись, эти пережитки, и почему так трудно от них избавиться, – этого не уточнено. Очевидно, и Э.О. Травушкина, и сам Андреас Закс хорошо понимали, что никакого «разоблачения религии и церкви» в текстах опубликованных шванков нет.

Более того, в документах Астраханской писательской организации не удалось обнаружить никаких сведений об участии Андреаса Закса в антирелигиозной пропаганде. Так, протоколы отчетно-выборных собраний, состоявшихся в 1964, 1966, 1968 и 1970 гг., свидетельствуют о том, что участвовавшие в них представители Астраханского обкома КПСС никогда не ставили перед писателями задачу участвовать в антирелигиозной пропаганде. И в своих выступлениях на этих собраниях Андреас Закс никогда не говорил, что «ведет антирелигиозную пропаганду»⁹.

*Отражение взглядов Андреаса Закса
на борьбу с религией и церковью
в его «внутренних» рецензиях
на произведения начинающих литераторов*

Из сохранившейся 21 «внутренней» рецензии, написанной Андреасом Заксом в 1965–1971 гг., прожитых им в Астрахани, его взгляды на религию и церковь, а также на атеистическую работу отразились в текстах трех рецензий на произведения начинающих литераторов, в которых так или иначе раскрывалась, как он выражался, «антирелигиозная тема».

В июне 1966 г. он написал рецензию на сборник из трех рассказов А. Топоркова¹⁰.

По поводу первого рассказа – «Грузчики», – написанного в отличие от двух других на «антирелигиозную тему», Андреас Закс отмечает (как он это делал всегда) его ценность и нужность с точки зрения «воспитания советской молодежи»¹¹: «Идейный замысел и антирелигиозная тема рассказа заслуживают того, чтобы над таким произведением поработать»¹².

---

⁹ ГАО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–6; Д. 15. Л. 1–5; Д. 27. Л. 1–7; Д. 36. Л. 1–32.

¹⁰ Там же. Д. 17. Л. 108–116.

¹¹ Там же. Л. 108–109.

¹² Там же. Л. 109.

В его изложении судьба «центральной фигуры» рассказа «Грузчики», современного юноши, от лица которого ведется повествование, выглядит трагичной: «...молодой, долговязый, хилый парень... Савел учился в духовной семинарии, но сбежал. Религиозный отец, в наказание за этот поступок, запер непослушного сына в чулан и “посадил его на сухую корку с водой”. В Петров день, когда родители были в церкви, Савел проломил дверь чулана, вышел из своего заточения, сжег иконы в комнате и ушел из дома с твердым намерением больше не вернуться в отчий дом. Он переночевал на вокзале, а утром пришел в контору склада пиломатериала и поступил на работу грузчиком»¹³.

Поначалу, как явствует из текста рецензии, бригадир Карцев и другие грузчики с усмешкой посматривали на хилого парня, не привыкшего к тяжелому физическому труду. «Но когда в обеденный перерыв грузчики узнали, откуда Савел и что побудило его оставить отцовский дом, – вся бригада грузчиков стала ему сочувствовать и решила оказать материальную и моральную поддержку»¹⁴.

В самом конце рабочего дня за Савелом, надеясь образумить его и вернуть в отчий дом, пришел приходской священник. В рецензии Андреас Закс так изложил финальную сцену рассказа с участием священника, цитируя некоторые авторские фразы: «И когда после окончания рабочего дня на погрузочной платформе появился священник, отец Иннокентий “не в рясе, а в костюмчике приличном, в шляпе” и хотел увести Савела, на него напал бригадир Карцев и избил его. Дальше повествование идет такими словами: “Отец Иннокентий взмахивает руками и падает на настил. Он лежит секунд тридцать. В уголке рта показывается кровь. Он щупает подбородок, видит кровь и вдруг вскакивает и, размазывая ее по лицу, бежит к конторе отчаянно крича:

– Люди-ии! Убили... Святого отца убили!”

Ему вслед смотрит вся бригада грузчиков»¹⁵.

Разъясняя автору сложность его «идейного замысла», как и сложность темы религиозности, подсказывая ему, как нужно доработать рассказ, Андреас Закс далее пишет: «...автор слишком упрощенно разрешил этот сложный жизненный вопрос... Бригадир Карцев позволяет себе даже явно хулиганский поступок, который карается советскими законами. Но рассказчик (или автор) ничего плохого не видит в “необычной форме” борьбы с религиозниками и считает действия Карцева правильными. А в действительности

¹³ ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 17. Л. 108.

¹⁴ Там же. Л. 108–109.

¹⁵ Там же. Л. 109.

у нас вовсе не так ведется идейная борьба с представителями религиозного культа. На кулаках ничего не докажешь...

Очень важно было бы передать внутреннюю борьбу Савела, борьбу со своей совестью. Для того чтобы бросить учебу в духовной семинарии, затем сжечь дома иконы, надо полагать, в сознании такого молодого человека произошло что-то важное и большое...»¹⁶

Так Андреас Закс, ясно отдавая себе отчет, сколь сложны «жизненные вопросы» веры, религиозности, совести, постарался настроить начинающего литератора на глубокую переработку рассказа.

В июне 1967 г. он написал рецензию на повесть Евгения Майорова «Детство»¹⁷.

В повести, жанр которой он определил как «воспоминания сугубо автобиографического характера», описывалось дореволюционное детство, проведенное автором в Астрахани, Саратове, а также в сельской местности Саратовской губернии, о людях и жизни которой Андреас Закс знал не понаслышке. Он отмечает в рецензии, что воспоминания «должны достигнуть какой-то цели», иметь «художественную или историческую ценность» и должны «заинтересовать читателя», однако повесть «Детство», по его заключению, «никакой самостоятельной, художественной или исторической (краеведческой) ценности не представляет», а потому «для печати не может быть рекомендована»¹⁸.

Главным недостатком повести Андреас Закс счел недостоверность описываемых событий. Так, маленького Еньку постоянно, почти на каждой странице, порет ремнем его собственная бабушка, бьет старший брат, бьют ребята на улице, бьет поп в школе. Порка и побои дополняются издевательствами в школе со стороны «одной девочки» и «двух мальчиков немцев-колонистов». «Читатель такому просто не поверит», – заключает Андреас Закс и далее повторяет свою главную оценку повести: в ней «описываются невероятные события и приключения, которым трудно поверить»¹⁹.

Совершенно недостоверными Андреас Закс посчитал описание сельских священнослужителей: «...или описание деревенского попа – рекордсмена плодовитости. Его семья состояла, по словам автора, из него, попа, попадьи и 12 девочек, и 12 мальчиков. “Содержал он их отдельно: мальчиков в одном доме, девочек в другом”. (Чем не крольчатник!?). Да кроме этого, у попа в деревне было много побочных детей. Описывается сцена, как к попу пришла крестьянка с жалобой, что не сможет уплатить

---

¹⁶ Там же. Л. 109–110.

¹⁷ Там же. Д. 24. Л. 56–59.

¹⁸ Там же. Л. 56, 59.

¹⁹ Там же. Л. 58.

10 рублей “на все требы”, плачет, и поп ей говорит: “Ну хорошо, мне можешь не платить, а меня несколько раз за то примешь. Поняла?” (стр. 44).

Такая же неправдоподобная сцена в церкви описывается на стр. 38, где поп (не тот плодовитый) распятием рассек переносицу его (автора) матери, когда она подошла к попу, чтобы целовать распятие. А на стр. 51 якобы школьники 3 класса избили в школе попа – это опять другой поп, третий»²⁰.

Так Андреас Закс, будучи автором антирелигиозных шванков, высмеивающих священнослужителей (включая, по старой традиции, тип «развратного священника»), даже ради поддержания «антирелигиозной темы», ради «разоблачения религии и церкви» не проявил ни малейшей снисходительности к «автобиографической прозе» старого человека, явно утратившего чувство меры и просто завравшегося. Зато проявил свой довольно едкий юмор.

В октябре 1968 г. Закс написал рецензию на рукопись «Тайное сражение», состоящую из двух повестей двух соавторов – Г. Калинина и М. Гайсиновича. В них повествовалось о реальных событиях, произошедших в Астрахани в 1919 г., во время защиты города Красной армией от войск генерала А.И. Деникина, – о борьбе чекистов с агентами деникинской разведки. Завершает рецензию рекомендация издать ее книгой, поскольку «произведение достигает своей цели в смысле патриотического и антирелигиозного воспитания граждан, особенно нашей советской молодежи» [Юркина 2021а, с. 86–89].

Андреас Закс, высоко оценив и творческий замысел соавторов, и результат их творческого содружества, особо отметил: «Авторам удалось в художественной форме передать напряженное и трудное положение города Астрахани, что было характерно и для всей страны. В повестях рассказывается, в каких трудных условиях приходилось работать чекистам и сотрудникам Особого отдела XI армии в борьбе с белогвардейскими агентами, спекулянтами и другой контрреволюционной сворой, в том числе и верхушкой духовенства...

Читатель получает ясную картину о положении в стране, о чрезвычайно больших трудностях снабжения городского населения продуктами питания, о настроении разных классовых прослоек в городе, об антинародных действиях духовенства»²¹.

Текст рецензии Андреаса Закса раскрывает его взгляд на то, как в художественной литературе нужно изображать контрреволюционную деятельность духовенства в годы Гражданской войны: достоверно рассказывать о его конкретных «антинародных действиях»,

²⁰ ГААО. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 24. Л. 59.

²¹ Там же. Д. 29. Л. 98–99.

чтобы читателю было понятно, что духовенство подвергалось репрессиям не за служение Богу, а за борьбу против молодого Советского государства.

Заключение

В 1960-е гг. советский немецкий писатель Андреас Закс, репрессированный в период сталинского авторитаризма вместе со всеми проживавшими в СССР немцами, стремился представлять себя читателям как «воинствующего атеиста», активно участвующего и своим творчеством, и лекционной пропагандой в «разоблачении религии и церкви». Это объясняется его стремлением профессионального писателя, восстановленного с началом десталинизации в партии и в Союзе писателей, соответствовать идеологическим установкам КПСС, целям и методам ее борьбы с «пережитками прошлого в сознании советских людей».

Такое стремление полностью отвечало о его писательской стратегии: не только формально восстановиться в партии и Союзе писателей, но и использовать все возможности, предоставляемые профессиональным писателям, для творческой работы, издания новых и переиздания уже опубликованных произведений ради сохранения культурной памяти российских немцев, лишенных своей государственности и рассеянных по чужим для них просторам Сибири, Средней Азии и Казахстана.

Несмотря на свои атеистические убеждения, в антирелигиозных шванках, написанных им как в 1930-е гг., так и в послевоенное время, Андреас Закс не выходил за рамки тактичного, доброго осмеяния, близкого к иронии, религиозных предрассудков, присущих конкретным людям наряду с другими недостатками. Едкая и злая насмешка над религиозностью людей, издевательство над религиозной верой и служителями церкви в текстах его шванков отсутствуют. И это стало косвенным отражением и проявлением стойкого «культурного сопротивления» советских немцев антирелигиозным и антицерковным кампаниям большевистской власти.

Литературно-общественная позиция Андреаса Закса по вопросам религии и церкви во времена «оттепели» и ее вытеснения «брежневскими морозами» отразилась в его «внутренних» рецензиях, написанных на произведения начинающих астраханских литераторов. Он считал эти вопросы «жизненными» и очень сложными, ясно отдавал себе отчет в том, насколько трудна «идейная борьба» с религией и церковью.

Литература

- Гачева 2011 – *Гачева А.Г.* Лев Толстой и Фёдоров: Спор о смысле и назначении христианства // Литературоведческий журнал. 2011. № 29. С. 90–112.
- Герман 2004 – *Герман А.А.* Большевицкая власть и Немецкая автономия на Волге (1918–1941). Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2004. 520 с.
- Дергачева 2021 – *Дергачева И.В.* Историко-культурный концепт «Италия» в произведениях Ф.М. Достоевского // Новый исторический вестник. 2021. № 2 (68). С. 174–183.
- Зинчук 2019 – *Зинчук С.М.* Хрущевская антирелигиозная кампания 1954–1964 гг.: практическая реализация и результаты // Вестник Костромского гос. ун-та. 2019. Т. 25. № 1. С. 71–75.
- Карпенко, Юркина 2019 – *Карпенко С.В., Юркина Я.В.* Возвращение писателя Андреаса Закса к общественной и культурной деятельности: Судьба репрессированного поволжского немца в документах Астраханской писательской организации (1964–1966 гг.) // История и архивы. 2019. № 4. С. 122–142.
- Репина 2011 – *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011. 560 с.
- Сухов 2001 – *Сухов А.Д., Л.Н. Толстой и религия* // Философия и общество. 2001. № 1 (22). С. 115–129.
- Травушкина 1969 – *Травушкина Э.О.* Андреас Закс // Литературное краеведение: Материалы к спецкурсу. Вып. 4. Астрахань, 1969. С. 21–28.
- Юркина 2019 – *Юркина Я.В.* Российский немецкий писатель Андреас Закс как рецензент // Новый филологический вестник. 2019. № 4 (51). С. 319–333.
- Юркина 2021a – *Юркина Я.В.* «Герой» и «враг» в рецензиях советского немецкого писателя Андреаса Закса на исторические произведения начинающих авторов (1960-е годы) // Новый исторический вестник. 2021. № 1 (67). С. 74–98.
- Юркина 2021b – *Юркина Я.В.* Из истории литературной деятельности российского немецкого писателя Андреаса Закса: подготовка его шванков к изданию на русском языке (1960–1970-е годы) // Известия Смоленского гос. ун-та. 2021. № 3 (55). С. 28–40.

References

- Gacheva, A.G. (2011), “Leo Tolstoy and Fyodorov: A dispute about the meaning and purpose of Christianity”, *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 29, pp. 90–112.
- German, A.A. (2004), *Bolshevistskaya vlast i Nemetskaya avtonomiya na Volge (1918–1941)* [Bolshevik power and German autonomy on the Volga river (1918–1941)], Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, Saratov, Russia.
- Dergacheva, I.V. (2021), “The historical and cultural concept of ‘Italy’ in the Works of F.M. Dostoevsky”, *Novyi istoricheskii vestnik*, vol. 68, no. 2, pp. 174–183.
- Zinchuk, S.M. (2019), “Khrushchev’s anti-religious campaign of 1954–1964. Practical implementation and results”, *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 25, no. 1, pp. 71–75.

- Karpenko, S.V. and Yurkina, Ya.V. (2019), "The return of the writer Andreas Saks to public and cultural activities. The destiny of the repressed Volga German according to documents of the Astrakhan writers' organization (1964–1966)", *History and Archives*, no. 4, pp. 122–142.
- Repina, L.P. (2011), *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsialnye teorii i istoriograficheskaya praktika* [Historical science at the turn of the 20th and 21st centuries. Social theories and historiographical practice], Krug, Moscow, Russia.
- Sukhov, A.D. (2001), "Leo Tolstoy and Religion", *Filosofiya i obshchestvo*, vol. 22, no. 1, pp. 115–129.
- Travushkina, E.O. (1969), "Andreas Saks", in *Literaturnoe kraevedenie: Materialy k spetskursu* [Literary study of local lore. Materials for the special course], Astrakhanskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institute, Astrakhan, Russia, issue 4, pp. 21–28.
- Yurkina, Ya.V. (2019), "The Russian-German writer Andreas Saks as reviewer", *Novyi filologicheskii vestnik*, vol. 51, no. 4, pp. 319–333.
- Yurkina, Ya.V. (2021), "From the history of literary activity of the Russian German writer Andreas Saks. The preparation of his Schwanks for publication in Russian (1960–1970s)", in *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Smolensk State University], vol. 55, no. 3, pp. 28–40.
- Yurkina, Ya.V. (2021), "'Hero' and 'enemy' in the reviews by the Soviet-German writer Andreas Saks on the historical works of novice authors (1960s)", *Novyi istoricheskii vestnik*, vol. 6, no. 1, pp. 74–98.

Информация об авторе

Яна В. Юркина, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; ORCID ID: 0000-0002-4977-3026; yanayurkina.97@mail.ru

Information about the author

Yana V. Yurkina, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia; ORCID ID: 0000-0002-4977-3026; yanayurkina.97@mail.ru

Персональная история

УДК 930.1

DOI: 10.28995/2658-6541-2022-1-74-91

Воспоминания Хайри Гимади

Алина Т. Галимзянова

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань,
Россия, alisabitva@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена известному татарскому историку, кандидату исторических наук, старшему научному сотруднику АН СССР по специальности «История Татарии»¹ Хайри Гимади (Гимадутдинов Хайрутдин Гимадиевич). Он работал старшим научным сотрудником Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР (ИЯЛИ КФАН СССР), а затем и заведующим сектором истории. Научная деятельность Х. Гимади проходила в условиях ужесточения идеологического контроля над деятельностью национальной интеллигенции в контексте известного августовского (1944 г.) Постановления ЦК ВКП (б). Современные исследователи часто ссылаются на его труды, в особенности при описании событий, связанных с упомянутым постановлением. Но специальные работы по изучению биографии Х. Гимади до сих пор отсутствуют. В статье представлены результаты научных поисков, связанных с изучением жизненного пути Хайрутдина Гимадиевича, наиболее ценными из которых явились воспоминания самого ученого, хранящиеся в личном архиве его детей. В них даны сведения о родителях, родной деревне историка; описана сельская жизнь. Большая часть рассказа посвящена периоду голода в Поволжье и беспризорности в 1920-е гг.

Материалы статьи будут полезными для региональных и российских историков, изучающих развитие отечественной науки и советской повседневности.

Ключевые слова: ТАССР, Хайри Гимади, Институт языка, литературы и истории (ИЯЛИ), Казанский филиал АН СССР, советская идеология, советская наука, Постановление ЦК ВКП (б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации»

© Галимзянова А.Т., 2022

¹ Аттестат старшего научного сотрудника № 08619. Москва. 26.02.1951 // Архив Э.Х. Гимади. Новосибирск.

Для цитирования: Галимзянова А.Т. Воспоминания Хайри Гимади // История и архивы. 2022. № 1. С. 74–91. DOI: 10.28995/2658-6541-2022-1-74-91

Memories of Khairi Gimadi

Alina T. Galimzyanova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences,
Kazan, Russia, alisabitva@mail.ru*

Abstract. The article is based on the study of the biography of Khairi Gimadi (Gimadutdinov Khairutdin Gimadievich), the famous Tatar historian, Candidate of Sciences in History, Senior Researcher of the Academy of Sciences of the USSR in the specialty of “History of Tataria”. He worked as Senior Researcher at The Institute of Language, Literature and History of the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (IYALI KFAN USSR), and later as Head of the History Sector. Kh. Gimadi’s scientific activity took place under a tightening ideological control over the activities of the national intelligentsia in the context of the famous August (1944) Resolution of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks. Contemporary researchers often refer to his works, especially when describing the events associated with the mentioned Resolution. But specialized works on the study of the biography of Kh. Gimadi still do not exist. The article presents the results of the scientific research related to the study of the biography of the Tatar historian, the most valuable of which were the memoirs of Kh. Gimadi, stored in the personal archive of his children. The sources contain the information about the parents, the native village of Khairutdin Gimadievich; the rural life is also described. The most part of the story is devoted to the period of famine in the Volga region and to the children homelessness in the 1920s.

The materials of the article will be useful for regional and Russian historians studying the development of Russian science and the Soviet everyday life.

Keywords: Tatar ASSR, Khairi Gimadi, Institute of Language, Literature and History; Kazan Branch of the Academy of Sciences of the USSR, Soviet ideology, Soviet science, Resolution of the Central Committee of the CPSU (b) “About the state and the measures to improve the mass political and ideological work in the Tatar party organization”

For citation: Galimzyanova, A.T. (2022), “Memories of Khairi Gimadi”, *History and Archives*, no. 1. pp. 74–91, DOI: 10.28995/2658-6541-2022-1-74-91

Введение

Хайри Гимади (1.09.1912 – 11.10.1961) был известным татарским историком, научная деятельность которого проходила в условиях ужесточения идеологического контроля за деятельностью национальной интеллигенции. Современные исследователи часто ссылаются на его труды, в особенности при описании событий, связанных с августовским Постановлением (1944 г.) [Галлямова 2019, с. 788, 792; Gallyamova, Kabirova, Khanirova 2021, pp. 195–197]. Но специальных работ по изучению биографии Х. Гимади до сих пор не существует. Краткая информация о нем дана лишь в Татарской энциклопедии, но и она не позволяет проследить основные этапы жизни и деятельности историка².

Поисковая часть работы над исследованием

Для сбора источников мы обратились в региональные архивы. Поскольку Х. Гимади являлся студентом Казанского педагогического института (КГПИ), а затем, будучи уже аспирантом, преподавал в том же вузе, мы предположили, что в архиве КГПИ могли отложиться какие-либо сведения о нем. Однако поиски оказались тщетными.

Работа была продолжена в Центре письменного и музыкально-го наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова (ЦПМН ИЯЛИ), откуда и был почерпнут основной массив информации. Фонд Гимадутдинова Хайрутдина Гимадеевича (ф. 54) содержит 670 единиц хранения. Это материалы по научно-служебной и общественной деятельности ученого: протоколы заседаний, служебная и личная переписка, рецензии на труды коллег и отзывы от них. Сведений биографического характера здесь было найдено крайне мало. Согласно описям, личное дело историка хранилось в фонде ИЯЛИ³. После долгих поисков эти документы, считавшиеся некогда утерянными, были нами найдены.

Личное дело Х. Гимади состоит из 110 листов. Документы, собранные в нем, можно разделить на две основные группы: эго-документы (автобиографии, личный листок по учету кадров) и делопроизводственная документация (протоколы заседаний, выписки из приказов, удостоверения о получении высшего обра-

² Татарская энциклопедия: В 5 т. / Гл. ред. М.Х. Хасанов, отв. ред. Г.С. Сабирзянов. Казань: Ин-т Татарской энциклопедии АН РТ, 2005. Т. 2: Г–И. С. 113.

³ ЦПМН ИЯЛИ. Ф. 5. Оп. 26. Д. 16. Л. 16.

зования, справки, характеристики, и т. д.). Крайние даты дела: 23 мая 1946 г. – 20 ноября 1957 г. На основании этих исторических источников можно проследить педагогическую, научную, общественно-политическую деятельность Х. Гимади.

Указанные в личном листке по учету кадров сведения о семейном положении историка послужили основанием для поисков его родственников, которые привели нас к сыну Х. Гимади – Эдуарду Хайрутдиновичу Гимади (4.01.1937 г.р.).

Э.Х. Гимади уехал из Казани в Новосибирск в 1959 г. после окончания физико-математического факультета КГУ. Тогда Сибирское отделение РАН (СО РАН) еще только разворачивало свою деятельность, и Эдуард Хайрутдинович был принят здесь в качестве научного сотрудника и аспиранта. Сегодня он является доктором физико-математических наук, профессором, ведущим научным сотрудником, заведующим лабораторией дискретных экстремальных задач Института математики СО РАН.

Остальные дети Х. Гимади также получили образование в казанских вузах. Интересно отметить, что никто из них не выбрал гуманитарного направления. Старший сын Рудольф (1934 г.р.) окончил химический факультет КГУ, Асия (1942 г.р.) поступила на химфак КГУ, но, не завершив обучения, переехала к брату в Новосибирск; Галия (1954 г.р.)⁴ закончила Химико-технологический институт КХТИ, проработав долгое время в Министерстве экономики, в 1990-е гг. была вынуждена переехать к старшему брату и сестре.

По воспоминаниям Эдуарда Хайрутдиновича, отец никогда не склонял их идти по тому или иному направлению в профессии, но они сами видели, что быть историком тяжело, так как многое запрещалось, о многом приходилось умалчивать. При этом дети не помнят, чтобы родители когда-либо обсуждали работу, по крайней мере в их присутствии.

Жена Х. Гимади – Марьям Абдрахмановна – работала сначала учителем в начальной школе, затем в годы войны была призвана на службу в НКВД для проверки гражданских писем. Дети помнят, как трудно ей давалась новая должность не только физически (приходилось задерживаться до полуночи), но и морально. В 1949 г. она оставила работу и до конца жизни была домохозяйкой. Прожила М.А. Гимади до 1973 г.

Именно ею в 1961 г. были собраны, подшиты белой нитью и пронумерованы воспоминания Х. Гимади, которые ныне хранятся в личном архиве их сына Э.Х. Гимади. Записи этих воспоминаний представлены ниже.

---

⁴ Интервью с Э.Х. Гимади, сыном Х. Гимади, записано 5.05.2021 г. (архив автора).

Аналитическое описание исторического источника

Первый лист документа заполнен на обрывке тетрадного листа в клеточку. На нем большое расплывчатое пятно, которое привело к потускнению чернил. На оборотной стороне продолжают 10 строк текста. Здесь Х. Гимади очень кратко описывает свое детство, хронологически доводя до 1921 г.

Родился я в 1912 г. в семье крестьянина-бедняка татарина. Семья у нас была бедная, но довольно большая. Она состояла из 8 человек, кроме отца и матери остальные были дети до 15 лет. Вся собственность отца состояла из маленького старого с соломенной крышей домика и одной коровы. Хлеба у нас никогда не хватало, поэтому отец ежегодно уезжал батрачить в Симбирскую губернию. Тяжелый труд и бедность подорвали его крепкий организм, и он в 1920 г. скончался. 6 человек детей остались на попечении матери. Жизнь с каждым днем делалась невыносимой. Наступил голодный год. Мне уже было 8 лет. Я посещал медресе (татарская начальная школа). Учителем у нас был злой и очень тупой мулла Хабир. В медресе «дисциплина» была палочная, но несмотря на это никакого порядка не было. Дети учились неохотой, это и понятно, мулла, кроме религиозной ереси, притом на арабском языке, ничего научного нам дать не мог. Особенно эта арабская «мудрость» трудно доставалась моему соседу, сыну крепкого зажиточного кр-на⁵ Файзрахману. Не было ни одного дня, чтобы мулла не избивал его. По просьбе его родителей я 8-летний ученик ежедневно рано утром приходил к ним, обучал его элементарной грамоте. Мой «ученик», кстати, он был на 4 года старше меня, очень туго поддавался учению. За два года учебы в медресе он так и не выучился ни читать, ни писать. Так остался он неграмотным вплоть до 1928 г.

За «труд» родители Файзрахмана мне давали кусок хлеба и 2–3 картошки. Я был очень доволен этим, ибо наша семья ела хлеб из лебеды и суп из крапивы.

После учебы в медресе и по пятницам (татарское воскресенье) я с сестренкой Халимой шел собирать куски у своих односельчан. Многие односельчане, особенно такие кулаки, как Тухфа, Нажиб и др. прочь гоняли со своих дворов. Но все же находились кр-не, которые иногда давали нам по кусочку хлеба. Так мы жили до 1921 г. Это был год тяжелый и очень суровый для нас⁶.

---

⁵ Здесь и далее сокращение от слова «крестьянин».

⁶ *Гимади Х.* Воспоминания. Важнейшие вехи моей жизни. Неопубликованные воспоминания // Архив Э.Х. Гимади. Новосибирск. Л. 1, 1 об.

Со второго листа начинается 12-страничная тетрадь в линейку (далее по тексту идет как «основная тетрадь»). На обложке тетради написано: «Воспоминания. Важнейшие Вехи моей жизни. Х.Г. Гимадиев⁷. г. Казань, ул. Толстого 14. Начато в 1930»⁸. На последней странице этой тетради указано, что она была выпущена на продажу в январе 1936 г. Данные две даты и наличие посторонних, сильно обветшавших тетрадных листов в клеточку (Л. 1, 11) дают нам основание предположить, что Х. Гимади дважды начинал работу по написанию автобиографии.

С первой страницы основной тетради (Л. 3) Х. Гимади заново, но уже более подробно, чем на первом листе документа, описывает свое детство. Повествование начинается с географического и экономического положения деревни, в которой родился будущий историк. Он в негативном ключе рассказывает о зажиточных сельчанах и списком перечисляет их имена; отрицательно отзываясь о системе религиозного образования в татарских деревнях и в целом критично оценивает религиозный уклад жителей. Весьма трагично показаны голодные годы в Поволжье. Воспоминания позволяют проследить положение сельской бедноты в тот период. Но особенно ярко представлена жизнь детей и условия, в которых им приходилось ежедневно выживать.

Отдельные эпизоды из моей жизни

В 50 километрах к югу от г. Казани, недалеко от живописной реки Свяга, у подножия невысокой горы, широко раскинулось татарское селение Молвино. Богато было это селение своими природными богатствами: более 15 км тянулись прекрасные заливные дуга; вся восточная и юго-восточная часть села была окружена необходимыми лесными массивами; во всю сторону от деревни простиралась молвинские поля, славившиеся своим плодородным черноземом.

И казалось бы, что было все то, что необходимо было для прокормления 500 кр-их дворов, для их зажиточной, но хотя бы сносной жизни. Но дела оборачивались совершенно по-иному. Не только о зажиточной, даже сносной жизни не мечтало тогда 70–80 % кр-их дворов. Более 70 % кр-н этой деревни не выходили из долгов, оставались в нужде. Не хватало у них своего хлеба и должны были скитаться в поисках «хорошей жизни». Почти 80 % домов были покрыты соломой, надворные постройки были построены из навоза. Читян иле (страна плетней) называли эту деревню. Людей у нас, как правило, называли не по

---

⁷ В тексте последние две буквы «ев» зачеркнуты.

⁸ Здесь и далее подчеркнуто в документе.

имени, а кличками: черными, собаками, кошками, галками, зайцами и т. п. оскорбительными прозвищами.

90 % жителей этой деревни были неграмотными. Ни одной советской школы, ни одного человека, имеющего среднее образование – таков культурный уровень этой деревни.

Малоземелье, голод и вечная нужда толкали бедноту на заработки.

Из Молвино ежегодно более 100–150 здоровых кр-ян отправлялись на поиски «счастливой жизни». Донбасс, Урал, Сибирь были «излюбленные» места отходников наших кр-ян. Обыкновенно их нанимали в деревне фабричные подрядчики. Условия найма были исключительно тяжелые. По существу, кр-ин попадал в каторжную работу, замученным, ободранным приходил он обратно в деревню.

Почему же деревня, окруженная прекрасными заливными лунами, черноземными полями, лесами зябла в болоте нужды и голода? Почему невежество, голод, малоземелье, «фабричная каторга» были вечными спутниками молвинских крестьян?

На это у нас имеется нужные нам ответы.

Все богатства, окружавшие Молвино, находились в руках мироедов, в руках помещиков, купцов, кулаков и мулл. Они являлись хозяевами, представителями «законного порядка» и «бога на земле». <...>

Вот эти крупнейшие представители татарского феодального и капиталистического класса по существу и держали все богатство этого огромного села. В их вотчинах гнула свою спину и кабалились молвинская беднота.

Это они закабалили высокими процентами и ссудами молвинских кр-н.

Не только они сосали последние соки мужика. Их младшими помощниками в грабеже и эксплуатации являлось местное кулачество и поставщики. «Торговое село» – называли окружающие деревни наше селение. Все спекулянты находятся там – твердили Нурлатовцы, Городищенцы и др. Отчасти это было верно. Базар, магазины, лавчонки находились у нас, в деревне Молвино. Молвинские торговцы проникали даже в соседние Цивильский, Симбирский и другие уезды. Но это утверждение, конечно, не полное, оно, с другой стороны, не точное. Торговали, спекулировали, барышничали, конечно, ростовщики и кулаки. Это они кровопийцы закабалили бедноту и батрачество; это они называли себя «почетными гражданами». Число их превышало 20. Из крупнейших кулаков укажем Нажиб-бая, имевшего лавку и несколько десятков десятин земли, Кара-бая, Тухфу и других. После помещиков по количеству богатства, земли были они.

Не было ни школ, ни учителей, ни врачей. Но зато были 4 мечети, 5 мулл, 6 мадинов и их помощников. Эти муллы были не только представителями духовенства, но они были крупными землевладельцами, торговцами, они держали у себя «просвещение» – Мадресе (Хабиб-

Мулла, Абдулла Мулла и др.). Эти муллы были настоящими пиявками, высасывающими последние соки у крестьянства. Умер человек, тащи мулле последнюю овцу; родится ребенок, дай мулле последнюю телку; наступил праздник, неси мулле последний хлеб, масла, мяса и других продуктов, заболел человек – тут опять за «медицинскую службу» – последние гроши. Вот каков из себя был этот мулла.

Обычно грамоту «знали» только муллы и богатые баи. За каждый пустяк крестьянин должен был обратиться к «грамотею», сдиравшего за маленькие письма, заявления очень большие суммы.

Много причиняло бесчинства так же царские чиновники; земские начальники и волостные старшины. Налогами, ссудами, различными «земскими» платежами окутывали они бедноту, вели его к медленному вымиранию. Вот такова была картина этой «богатой», этой «торговой деревни».

С одной стороны, голодная, забитая в нужде деревенская беднота; с другой – высасывающая последние соки с кр-н баи, кулаки и муллы.

Много случаев знает Молвино непримиримых схваток борьбы между этими двумя частями деревни.

Еще [в] 1881 г. доносил об этой борьбе Каз[анский]⁹ Вице-губ[ернатор] Хитрово М.В.Д. (министру внутренних дел. – А. Г.) гр[ажданину] М.Т. Лорис-Меликову. Вот что писал он тогда: «За происшедшим спором началась общая драка, в которой были употреблены палки, топор и гири». Из зажиточной части кр-ва было убито 2 чел. (Рахматуллин Н., Ахметов Б.) из бедной части Шафиуллин Ш. и несколько раненых.

Самым главным вожаком кулачества яв.[лялся] Бикбов и мулла Гисматулла Хайбуллин. Такие сражения происходили и позднее много-много раз¹⁰.

* * *

Родился я 1-го сентября 1912 г. Деда я своего не помню, он умер еще до моего рождения. Отец мой Гимади родом был среднего. Сам относился к бедняцко-батраческой части деревни. Все богатство было в маленькой избенке, крытой соломой, одна старая корова и несколько кур. Обычно он числился последним человеком в деревне; его даже называли не по имени, а по кличке: кара (что значит черный, простой).

Семья у отца была большая: отец, мать и шестеро детей. Самому старшему в 1918 г. было 13. Своего хлеба у нас никогда не хватало. Потому отец вынужден «подрабатывать».

Отец обычно уезжал в соседние губернии и нанимался батраком у кулаков или помещиков. Родители наши были безграмотны, да вообще в моем родословии трудно было найти одного грамотного человека. Но

---

⁹ Здесь и далее текст дописан мной. – А. Г.

¹⁰ Здесь и далее разделение текста звездочками выполнено Х. Гимади.

у отца, как и матери, были зарыты прекрасные человеческие качества: любовь к человеку, к жизни и работе. Не помню и случая, чтобы отец бил своих детей, он не ругал зря, не кричал, а пытался улаживать «все конфликты мирно». Несмотря на тяжелую, забитую и страшную жизнь, отец не курил и не пил. Эти качества он передал и нам.

Он, несмотря на свою неграмотность, нужду, старался выучить своих детей, вывести «в порядочные люди», как обычно выражался он. 10 лет отдал в медресе моего старшего брата, 6 лет был отдан и я в медресе Мулла-Хабира. За каждым шагом наблюдал он за нашей учебой. Радовался каждому маленькому успеху, что его сыновья учатся «в учебные» и умеют писать крючковыми арабскими буквами.

Трудна была учеба в медресе Мулла-Хабира. Эта школа набивала религиозный фанатизм в сознании маленьких детей. Кроме арифметики и корана (религиозные учения) не преподавалось ничего. Математика, география, история и другие науки категорически запрещались. Вся учеба проходила на арабском языке, что мы, конечно, ничего и не знали. Мы механически запоминали целые страницы корана и, как¹¹

За каждую «шалость» мулла срочно наказывал. Ударить палкой по голове, дать пощечину и потрепать уши это считалось обычными «святыми» методами наказания. Нередки были случаи, когда Хабир-Мулла оставлял «провинившегося» ученика без обеда, ставил перед группой на колени и выгонял из школы. Особенно часто попадал[о] от муллы моему соседу, сыну зажиточного кр-на Файзрахману. Этот «барский сынок» за два года «учебы», несмотря на мою помощь, выучился лишь произносить слава тебе господи, нет кроме бога силы...

Эти годы «учебы» были годами революции и гражданской войны. Не помню я сейчас в подробности этих событий. Но я помню отчетливо одно: беднота решительно сражалась против баев, против мироедов. 1918 год. Мне 6 лет. Чехословаки (белогвардейцы) стягивают свой фронт к нашей деревне. Красные стоят южнее по направлению Бежбатманы. Свияжск. Ожидается бой. Крестьяне готовят окопы; прячут детей и женщин. Беднота группируется в одной части, баи в другой. Разгромлены усадьбы Шакир-Хаджия, конфискованы богатства крупных хаджиев. Не спят и враги. Они составляют списки принимавших участие в разгроме их усадьбы. Шакир-Хаджи, Абдрахман-бай и др. связываются с чехословацкими офицерами, требуют расстрела 15 крестьянских вожakov (Хабира и др.). Только решительное наступление красных, сбросившие чехов на восток спасла «приговоренных к смерти» и разрушению деревни от артиллерийского боя.

Жизнь нашей семьи и после революции еще оставалась очень тяжелой. Полуголодная жизнь, тяжелая работа очень скоро подорвали здоровье моего отца, и он в 1920 г. скончался.

---

¹¹ Здесь повествование обрывается.

Шесть маленьких детей остались в попечении нашей матери. Старшему Шарафу было 15 лет, сестре Хадиче 13 лет, мне 8 лет, сестренкам 6, 4, 2 года.

Мать, замученная задавленная нуждою не знала, что делать в суровый и холодный 1921-й год. Не было ни дров, ни хлеба, ни одежды. Печку топили, несмотря на 30-ти градусный мороз через день, через два. В день ели только один раз и то... хлебом¹². Маленькие детишки пухли от рахита, они просили хлеба и тепла. Бедная мать обливаясь слезою старалась сохранить жизнь маленьким детям. В один из декабрьских холодных дней мать, я и старший братишка отправились пешком в лес заготавливать дрова. Морозили пальцы, холод проникал через дряхлые пальтишки, но все же мы несли три маленьких беремья дров.

– натопим печку, поставим чай, нагреемся – успокаивала по дороге нас мать. Вот и опушка леса, а там через полтора километра и деревня.

– стойте, кто разрешил вам воровать лес! Закричал грубым голосом, какой-то русский человек. Это был косявский лесник. Отобрал он у нас дрова и единственный у нас топор. Голодные дети в холоде умирают, оставь нас в покое – кричала и рыдала мать.

– отдай хотя бы последний и единственный наш топор – повторяла она.

Но все эти просьбы были тщетны. Отняв топор и дрова лесник скрылся. Замученной, полными горя вернулись мы домой. Так и не могли мы больше купить нового топора.

* * *

Дети богачей и кулаков днем учились, а к вечеру, одев теплые шубенки весело катались с горы, играли, веселились, и опять шли домой.

Я же с утра до вечера надев сумку ходил по миру, выпрашивал кусочек хлеба и шел домой обрадовать свою мать.

Скоро наступил голодный 1921 г. Он лишил нас и этой помощи. Вместо кусочка хлеба нас стали гонять впрочь с крестьянских дворов. Богачи-кулачье (Насиб, Тухфи, Манад) богатели на народной нужде, на голоде своих односельчан. Беднота голодала, ела собачье мясо, лебединый хлеб, суп из крапивы и сотнями умирала от голода. В таких условиях жить в деревне – значит умирать от голода. Других выходов не было.

* * *

Был жаркий летний день 1921 г., мать меня и брата отправила в «далекие края» за хлебом.

---

¹² В тексте стоит многоточие, возможно, автор хотел написать «лебединым».

– Сынок, вернись с хлебом, говорила она, схватив в свои объятия, она долго рыдала и ей жалко было расстаться со своим единственным сыновьями. Тяжело было, рыдал и я.

– Вернемся, мама, вернусь – говорил я. Много-много хлеба привезем – успокаивал я свои маленьких сестреночек.

Так отправились мы в «хлебные места», искать счастья и сытую жизнь. Так проходила наша юность детство и наша молодость.

* * *

Железнодорожная станция Свияжск Московской Каз[анской] ж[елезной] д[ороги] находилась от деревни в 18 километрах.

Был жаркий августовский день. Столбовая дорога к станции тянулась через большой дремучий лес и засохшие луга. Словно великое переселение народов происходило в этот кошмарный год. Унылые, печальные, с звериными лицами шли они по обеим сторонам дороги.

Танайцево, Ходяшево, Протоповка уже остались позади. Вот виднеются огоньки станции, слышны гудки паровозов, слышен грохот поездов, которые проходят по железнодорожному мосту через Волгу. Наконец станция Свияжск. Со всех сторон, со всех дорог тянулись угрюмые лица голодных мужчин, женщин и детей. Здесь были русские из деревни Кирилова, Ходяшево и Протоповки; чуваша из деревень Цивильского уезда, татары из Нурлат, Молвино и много других деревень.

Все знали только себя. О других тут забот не было. Все были злы, угрюмы и готовы были, как дикий зверь, броситься друг на друга.

Вокзал представлял кошмарную картину: он был набит людьми. Гудел какой-то страшный и тревожный звон. Женщины о чем-то визжали; охали опухшие дети.

– Мама, хлеба, только маленький кусочек хлеба, – раздавались детские голоса. Но хлеба печальная мать давать не в силах. Опухшие дети, открыв свои маленькие ротки и глазенки, умирали на руках своих матерей.

Целыми днями эти люди ожидали поезда и пароходы.

Десятки тысяч голодных мужчин, женщин и детей с звериной атакой встречали и провожали пассажирские и товарные поезда. Криком, шумом и визгом молниеносно наполнялись до отказа составы вагонов.

На крышах вагонов, в собачьих ящиках, в пыльных каморках, везде, всюду, где только можно было схватиться садились, висели и стояли люди.

* * *

Свияжск находится от Москвы приблизительно в 750 верстах на запад. Товарные поезда шли это расстояние тогда 10–15 дней. Но наш поезд шел еще дальше. Мое положение было тяжелое. По дороге я захворал дифтерией. Брат думал, что я умру. Таких, которые умирали, было тогда очень много. Нередко они умирали на крышах вагонов...

В начале сентября мы были уже в Москве. Первый раз нас забросила «судьба» в этот большой город. Таких детей, как мы тогда стекались в Москву со всех концов Великого государства. Уже тогда чувствовалось, как заботиться о детях советская власть. Органы деткомиссии делали от их зависящее, чтобы устроить всех детей в детские дома или отправить в хлебобродные края. В один из дождливых дней октября 1921 г., когда мы ехали под скамейками трамвайного вагона, и мы с братом были заброшены органами ДК. Очутились мы в одном из огромных распределителей, к сожалению теперь не помню. Одели нас чисто, хорошо кормили. Много было здесь детей. Тут были и русские из Саратова и Самары, и татары из Казанской губернии, и башкиры из Уфы, и чувашаи, одним словом представлены не один десятка национальностей.

Не всем нравились здешние порядки. Тянула бродячая жизнь, «воля», к этому стремились довольно большая группа правонарушителей. В числе их оказался и я с братом. Нам удалось уйти из распределителя. Мы взяли направление на север, в сторону Ярославля. Но слезли мы не доехав [до] этого большого города, в неизвестном нам городе Ростове. Случайно в этом городе встретили мы своего родственника, который работал грузчиком на вокзале. Это был сильный, широкоплечий немой татарский кр-н под кличкой «му-му». Муму жил тут же при вокзале, он напоил нас чаем и сказал, чтобы мы поехали за озеро Неро, где имеются богатые деревни и села. Муму не ошибся.

Озеро Неро это украшение древнего города Ростова. Оно тянется километров 20 в длину и около 5 в ширину. В противоположную сторону нужно ехать на парохоме. Но у нас не было ни одной копейки денег. Поэтому и здесь мы оказались безбилетными пассажирами. Пришлось ехать под прилавками каюты 3 класса.

Вот и Угодичи, недалеко видать Борисовка, а там подальше и Поречье. Это довольно богатые села приозерного района Ростовского уезда. Веками кр-не этих мест занимаются огородничеством. Овощи кр-н Приозерной полосы идут не только на товары Ростова, но и Ярославля, Москвы и др. городов. Кр-не этих мест живут относительно зажиточно и не чувствуют нехватка.

* * *

Брату шел 16-й год, меня 9-й. Приютил нас их один из угодических крестьян по имени Рафаил, его мать по имени Надежда. Жили они зажиточно. И к нам относились очень хорошо. Брат работал у них, батрачил. В свободное время мы с ним ходили по миру. В течение 6 месяцев мы собрали мешков 3 хлеба. Скоро собирались вернуться на родину, к матери, к маленьким сестрам. Ведь мать будет очень рада нашим успехам, говорил я брату.

– Да, да, – повторял он за мной. Приедем и заживем месяцев 3, а там опять поедem за хлебом, говорил он.

* * *

Было теплое майское утро 1922 г. Часов четыре утра наш поезд остановился у станции Свияжск. Скоро, через 5 часов мы будем дома, нас будет встречать моя любимая мама, которая уже почти год не видела своего единственного сына, думал я (брат был от первой жены отца).

Мне очень быстрее хотелось дойти до деревни. Вот уже прошли Ходяшево, за ней показалось и Танайцево. Еще 10 верст, а вон там прямо на юге, по ту сторону леса виднеется и наше родное село, Молвино. Солнце светило очень высоко, оно сегодня палило еще ярче, но в тоже время, почему-то казалось мне, что оно светит тускло, смотрит не приветливо, предвещая что-то неприятное, а может быть и печальное. И ветер сегодня было дул почему-то навстречу, и деревья почему-то казалось согнулись, как бы с кем-то прощались и кого-то провожали на вечные времена. Уже совсем близко деревня, вон виднеется и наш маленький старенький, но все же родной и близкий домик.

– Почему же окна забиты, спросил я у брата. Да смотри ты, как заросла на дворе и трава, как будто бы там и не вступала нога человека, еще раз проворчал я.

– Наверное, мать живет с кем-нибудь в чужом доме, ведь холодно было в нашем дырявом домишке, объяснил мне брат.

Навстречу нам вышла соседка. Это была 60 летняя бабушка Ыми-эби.

– Эх, дети, дети, печальную весть я должна вам сказать – сказала она

– Что-что? – прорвался у меня.

– Три месяца тому назад мы похоронили вашу последнюю мать, промолвила она, и громко-громко зарыдала обняв меня.

После этих слов я не помню себя. Очнулся я уже через три часа у родственников, где находились наши сестры – 6 летняя Халима и 2 летняя Зайнаб.

Очнувшись, я еще долго-долго рыдал, не верилось, что умерла мать, которая около года назад проводила нас за хлебом. Не верилось, что умерла женщина, которой было 35 лет, которая была еще бодра, несмотря на тяжелую и трудную жизнь была бодра и жизнерадостна. Как сейчас помню эту скромную женщину, она была стройна, среднего роста. Она никогда не била своих детей, она стремилась приучить их к труду и уважению взрослым. Всегда будет жить в моей памяти благородное лицо этой трудолюбивой, простой, ясной татарской женщины – матери, смерть которой мы сыновья не застали дома.

Особенно жаль была мне моя 2-х летняя сестренка Зайнаб. Взяв ее в свои маленькие руки прижав ее к груди я не мог удержать свои слезы, рыдал. За мной плакали мои остальные братья и сестры, мои родственники. Меня было трудно все это переживать, я сделался еще серьезнее и рассуждал я, как говорят, как взрослый юноша.

– Что будем делать с Зайнаб – спрашивал я у брата.

– Отвезем ее в Казань, отдадим в детские ясли – ответил он.

И действительно в один из летних дней брат посадил ее в маленькую тележку и повез ее в Казань. Трудно было расстаться с малюткой. Я и моя сестренка Халима не могли успокоиться в течении целого дня.

В Казани брат, как он рассказывал, отнес Зайнаб в детскую приемную на Сенную улицу. Купил булочку и отдал ей. И так осталась она, держа на руке булочку. С тех пор я не знаю теперь, где находится моя родная сестра.

Примерно 1936–1938 г. был ряд попыток найти ее, но все поиски не увенчались с успехом. Был я в Горсовете, в доме Матмладо, просмотрели все карточки детей за 1922 г., которые были приняты в Д/д (детские дома. – А. Г.), но имя Зайнап к сожалению, не обнаружили.

* * *

Оставаться в деревне нам нельзя было. Втроем я, брат, Халима снова отправились мы в далекий путь, за хлебом, за хорошей жизнью. На этот раз мы выбрали другой путь, а именно водный. В жаркий августовский день 1922 г. мы через села Косяково, Ширданы, Тюрлемы пошли пешком на Волжскую пристань Козловку. Шли мы долго. К вечеру уже были на пристани. Первый раз передо мной раскинулась широкая Волга-река, и пароходы поражали меня своей красотой и величием¹³.

Внутри 12-страничной тетради воспоминаний был вшит тетрадный лист в клеточку (Л. 11), о котором уже шла речь. Согласно хронологии изложения л. 11 должен идти после л. 12, т. е. нумерация, данная М.А. Гимади, немного спутана. На л. 11 Х. Гимади описывает 1922 г., когда он был направлен в ростовский Детский дом № 1. Историк рассказывает о произволе здешних подростков, о трудностях, с которыми ему пришлось столкнуться, будучи ребенком, не владеющим русским языком. Хайри Гимадиевич пишет: «Эта жизнь меня очень мучила, я тяготел на улицу, и неоднократно собирался бежать»¹⁴. Иначе он отзывался об этих годах в основной тетради: «Это были лучшие годы моего детства. Самые лучшие воспоминания остались у меня относительного этого дома. Это был чудный уголок»¹⁵.

Возможно, что первые воспоминания, начатые в 1930 г., по содержанию были более радикальными с точки зрения советской цензуры, поэтому историк не сохранил их и переписал заново. Понимая, что записи могут стать достоянием общественности, а негативные характеристики относительно советского режима могут плохо отразиться на будущем его семьи, Х. Гимади пытался

---

¹³ Гимади Х. Воспоминания... Л. 3–12.

¹⁴ Там же. Л. 11 об.

¹⁵ Там же. Л. 12 об.

завуалировать отрицательные эпизоды своей жизни и придерживался допустимого стиля изложения. Так, описывая все в мрачных тонах, Х. Гимади указывал, что причинами такой жизни являлись пережитки имперской России с ее классовой системой и религиозными обрядами, к которым затем присоединилась борьба белогвардейцев с коммунистическими порядками. А говоря о городской среде, куда он был вынужден попасть вследствие массового голода в Поволжье, он отмечал заботу советской власти, которая делала все от нее зависящее для ликвидации детской беспризорности.

В начале ноября 1922 г. собрали всех детей распределителя и стали распределять по детским домам.

– Можно ехать в Ростов-Великий, в Углич, Рыбинск, – сказал заведующий.

– Поеду в Ростов – сказал я.

– Фамилия твоя – спросил меня перед отъездом.

Гимадутдин-оглы¹⁶ сказал я.

– Как, как? – раза три переспросили меня. Очевидно, татарскую фамилию лицо составляющий список слышал впервые.

«Ильмутдин» значит твоя фамилия подтвердил он. И так он записал меня. После этого я так и ходил с извращенной фамилией. Когда я приехал в Ростов, то мою фамилию переделали на «Альмантин», а короче, ласкательно называли просто Альмант, или Ильмант. Только в 1926 г., когда приехал в Татарию я стал называться своей собственной фамилией.

Итак, я с конца октября 1922 г. стал воспитанником детского дома. Жил я в огромном здании, ворота его всегда были закрыты. Здание было окружено высокой стеной. Здесь до революции помещался кадетский корпус. Всего в детском распределителе насчитывалось около 2000 детей. Здесь были представлены русские, татары, чувашы, марийцы, немцы, украинцы, башкиры, удмурты, мордва и другие. Возраст детей был различным. Самым младшим было 6–8 лет, а старшим 15–17 лет. Поэтому понятно нашего брата старшие дети, а они большей части были правонарушители, очень обижали, избивали и нередко отнимали паек. Особенно доставалось тем, кто не знал русского языка. К числу их относился и я. Эта жизнь мне очень мучила, я тяготел на улицу, и неоднократно собирался бежать. Но бежать было трудно. Был уже осень. Начинались заморозки, дул суровый ветер. Одеты мы были очень легко в майках и трусиках. Я очень часто выходил на двор и часами простаивал у ворот. Смотрел я на церковные главы, на разрушен-

---

¹⁶ Сын Гимадутдина. Отсюда Гимадутдинов (примечание Х. Гимади. – А. Г.)

ные здания. Я никак не мог понять тогда почему же город разрушен, почему даже кресты на церквах раскривились, почему у многих фабрик трубы совсем свалились. Только через несколько годов мне стало понятно, что здесь творили свои гнусные дела левые эсеры, которые в 1918 г. подняли мятеж против нашей советской Родины. Они исковеркали этот замечательный Волжский город, они убили пламенного мужеств[енного] г-на Левенсона¹⁷, расстреляли сотни рабочих и их семей. Но твердая рука советов отомстила им за эти преступления. Эсеро-бандиты были разбиты и уничтожены.

[Л. 12 об.¹⁸] Ростов Великий. В город приехали мы в конце октября 1921 г. было темно и очень грязно. Скоро нас подвезли к замечательному зданию вблизи оз. Неро. Это был дом особняк местного русского фабриканта Селиванова (Окружная, ныне Свердловская улица). Всех начисто вымыли в бане. Одели в хорошую одежду. Устроили по светлым и ярким комнатам. Теперь я воспитывался в детском доме № 1, Ростова. Прожил я здесь до 1926 г. Это были лучшие годы моего детства. Самые лучшие воспоминания остались у меня относительно этого дома. Это был чудный уголок. Дворец – лучшее здание в городе. Внутри сад. Напротив – городской парк. К западу от дома оз. Неро с его живописными берегами. Недалеко Цикорная фабрика. Все это очень привлекало детский пытливый взор. Правда, в первые годы состав воспитателей был не наш, не советский. Заведовал д[етским] домом Надежда Рафаэловна – дочь попа и сама религиозная женщина. Эта была типичная <...>¹⁹, сухая, грубая и всеми ненавидимая, на подобии монашки, старая дева. Сейчас помню, как нас каждое воскресенье водили в церковь, хотя в 1922–3, это и запрещалось. Скоро это стало известно общественности. В местной газете появилась статья, которая бичевала систему воспитания в детском доме. В 1923 г. Н.Р. была снята и заменена членом партии Марией Федоровной Чернобуровой.

Какая чудная была эта женщина! Всю свою материнскую (а она была матерью и имела сына Колю), душу отдавала она на воспитание разнородным по своему составу коллективу детей. Она прививала в детях любовь к труду (и мы стали страстными огородниками, портными, сапожниками, столярами), любовь и уважение к народному добру, к людям, к старшим. Как родная мать она радовалась, когда мы делали успехи в учебе. Все мы были устроены в I Обр[азовательную] школу города. Нам нацменским²⁰ детям вначале было очень трудно

---

¹⁷ Скорее всего речь идет об Иосифе Зунделевиче Левенсоне (1890–1918).

¹⁸ Записи на л. 12 об. и л. 13 сделаны другими чернилами, почерк автора отличается от предыдущих записей.

¹⁹ Неразборчиво.

²⁰ Национальные меньшинства.

учиться. Но уже в следующем году не чувствовалось наше отставание. Мария Федоровна была нежна по отношению тех, кто вел себя хорошо, прилежно учился, трудился. Но она была требовательна ко всем, особенно озорникам. А их здесь было порядочно. Несмотря на то, что нас хорошо кормили, одевали, заботились о нас, многие еще чувствовали себя, как звереныши, которые смотрят в лес, куда-то в глушь. Не плохи были, например, такие ребята, как братья Зайцевы, Тушканчик (так прозывался башкиренок) и др. Но для них «вольная» уличная жизнь казалась лучше. Летом 1924 г. группа воспитанников во главе бр[атьев] Зайцевых составили план бегства из д/дома. Однажды ночью эта группа, собрав необходимые вещи приготовилась бежать. Была лунная и тихая ночь²¹.

Воспоминания Х. Гимади доведены до 1924 г. Повествование на последнем листе тетради несвязно обрывается (Л.13), при этом обратная сторона этого же листа пуста (Л. 13 об.). Скорее всего, историк осознанно не стал затрагивать сталинский период своей жизни, чтобы избежать лишних нападок.

Последние два листа документа, относящиеся к основной тетради не пронумерованы М.А. Гимади (Л. 18, 19). На л. 18 черными чернилами и мелким почерком написано краткое послесловие. Важно отметить, что в послесловии позднее сделана приписка, что события, описанные в этой тетради, относятся к дореволюционному периоду и голодным годам в Поволжье: «Данные воспоминания дают описания о татарской деревни, о положении бедноты и байских элементов, о жизни татарской молодежи, их жизни и учебы, о их страданий и²² о их росте»²³. Затем синими чернилами стоит размашистая подпись Х. Гимади и надпись: «Казань АТССР». Внизу этой же страницы Марьям Абдрахмановной указано: «Всего: 19 листов исписанных»²⁴. Далее идет ее подпись и дата: «октябрь 1961 год». На последнем листе тетради (Л. 19) есть небольшая запись в полувину строчки, тщательно зачеркнутая, далее в столбик идут подписи Х. Гимади (всего их 7).

Заключение

В целом можно сделать вывод, что обнаруженные воспоминания Х. Гимади представляют большую историческую ценность, которая заключается главным образом в том, что социально-экономичес-

²¹ Гимади Х. Воспоминания... Л. 11–13.

²² Здесь сверху подписано другими чернилами: «до рев. в гол. годы»

²³ Гимади Х. Воспоминания... Л. 18.

²⁴ Там же.

кие явления советского прошлого отражены и описаны человеком, являвшимся представителем национальной научной интеллигенции, приученным взвешивать каждое слово, относившееся к истории родного края.

Литература

- Галлямова 2019 – Галлямова А.Г. «Расправа» над Золотой Ордой» в середине XX в.: Идеологический дискурс в татарской медиевистике в свете августовского Постановления 1944 г. // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7. № 4. С. 784–797. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.784-797 [Электронный ресурс]. URL: <http://goldhorde.ru/RU/stati2019-4-11/> (дата обращения 19.05.2021).
- Gallyamova, Kabirova, Khanipova 2021 – Gallyamova A.G., Kabirova A.Sh., Khanipova I.I. The decree of the central committee of the All-Union Communist party of bolsheviks in August 1944 and the Tatar intelligentsia // Zolotoordynskoe obozrenie [Golden Horde Review]. 2020, vol. 8, no. 1, pp. 185–199. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.185-199 [Электронный ресурс]. URL: <http://goldhorde.ru/en/stati2020-1-10/> (дата обращения 19.05.2021).

References

- Gallyamova, A.G. (2019), “ ‘Reprisal’ over the Golden Horde” in the middle of the 20th century. Ideological discourse in Tatar medieval studies in the light of the August Decree of 1944”, *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review], vol. 7, no. 4, pp. 784–797, DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.784-797.
- Gallyamova, A.G., Kabirova, A.Sh. and Khanipova, I.I. (2021), “The decree of the Central Committee of the All-Union Communist party of bolsheviks in August 1944 and the Tatar intelligentsia”, *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review], vol. 8, no. 1, pp. 185–199, DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-1.185-199.

Информация об авторе

Алина Т. Галимзянова, кандидат исторических наук, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 420111, Казань, ул. Батурина, д. 7А, Российская Федерация); ORCID ID: 0000-0003-1988-9522 alisabitva@mail.ru

Information about the author

Alina T. Galimzyanova, Cand. of Sci. (History), Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia; bld. 7A, Baturin St., Kazan, Russia, 420111; ORCID ID: 0000-0003-1988-9522 alisabitva@mail.ru

Архивоведение и документоведение: история, теория, практика

УДК 930.25

DOI: 10.28995/2658-6541-2022-1-92-104

I Всероссийская конференция архивных деятелей 1921 г. и I Всебелорусская конференция архивных работников 1924 г. как пример российско-белорусского архивного сотрудничества

Михаил Ф. Шумейко

*Белорусский государственный университет, Минск,
Республика Беларусь, jesti@inbox.ru*

Аннотация. Рассматривается предыстория созыва I Всебелорусской конференции архивных работников в мае 1924 г., роль в этом профессора МГУ, одновременно являвшегося и главным инспектором Главархива России, историка-слависта В. И. Пичеты, назначенного летом 1921 г. ректором БГУ. Проводится сравнительный анализ рассматривавшихся на российской и белорусской архивных конференциях вопросов и делается вывод о значительном их совпадении. В то же время отмечаются обсуждавшиеся на белорусской конференции вопросы, актуальные для формировавшейся Государственной архивной службы Беларуси, носившие преимущественно организационный характер. Наиболее актуальными среди них были вопросы, связанные с возвращением в Беларусь ее архивов, эвакуированных в годы Первой мировой войны в восточные регионы и находившихся преимущественно в архивохранилищах РСФСР. Вынесенная по этому поводу конференцией резолюция способствовала принятию 18 сентября 1925 г. ЦИК Союза ССР постановления об удовлетворении ходатайств высших законодательных органов БССР и УССР о возвращении в эти республики архивных материалов, находившихся в пределах РСФСР и подлежавших передаче в места их происхождения. Конференция согласилась с мнением Централрхива БССР о нецелесообразности создания ЦАУ Союза ССР, поскольку это, по мнению участников конференции, не вызывает никакой необходимости и только вредит интересам Беларуси. Состав участников

© Шумейко М.Ф., 2022

конференции, а также плюрализм мнений по основным обсуждавшимся на ней вопросам выгодно отличал этот носивший научный характер форум белорусских архивистов от состоявшегося тремя годами позже Второго совещания архивных работников республики, демонстрировавшего начало формирования административно-командной системы управления в архивной сфере.

Ключевые слова: Первая всебелорусская конференция архивных работников; Первая всероссийская конференция архивных деятелей, возвращение белорусских архивов из РСФСР, В.И. Пичета, Д.Ф. Жилунович, М.В. Мелешко, Д.И. Довгялло, Б.Р. Брежго, Е.Ф. Карский, БГУ, Централхив БССР, Главархив РСФСР.

Для цитирования: Шумейко М.Ф. I Всероссийская конференция архивных деятелей 1921 г. и I Всебелорусская конференция архивных работников 1924 г. как пример российско-белорусского архивного сотрудничества // История и архивы. 2022. № 1. С. 92–104. DOI: 10.28995/2658-6541-2022-1-92-104

The First All-Russian Conference of Archival Activists of 1921 and the First All-Belorussian Conference of Archival Workers of 1924 as an example of the Russian-Belorussian archival cooperation

Mikhail F. Shumeiko

*Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus,
jesti@inbox.ru*

Abstract. The article considers the background to the First All-Belorussian Conference of Archival Workers of May, 1924, and the part which was played in its convocation by historian-Slavicist Vladimir Ivanovich Pitcheta, the MGU professor and concurrently the Chief Inspector of the Central Archives of Russia, who was appointed President of Belarusian State University in the summer of 1921. The author carries out a comparative analysis of the issues discussed at the Russian and Belorussian archivists' conferences and comes to the conclusion that they significantly coincide. At the same time, the paper indicates the issues that were debated at the Belarusian conference; those issues were of particular concern for the newly formed state archival service of Belorussia and were primarily organizational in nature. The most relevant among those were the issues related to the restitution to Belarus of its archives that were evacuated during the First World War to the Eastern regions and that were mainly kept in the archives of the RSFSR.

The conference resolution on the subject contributed to the adoption by the USSR Central Executive Committee on September 18, 1925, of the regulation that stated the approval of the petitions of the Belorussian and Ukrainian supreme legislative bodies; the petitions concerned the restitution to those republics of the archival materials kept on the RSFSR territory and subject to the transfer to the places of their provenance. The participants of the conference agreed with the opinion of the BSSR Central Archives that it was not appropriate to establish the USSR Central Archival Administration since that move was not justified by any necessity and only posed a danger to the interests of Belarus. The membership of the conference, as well as the plurality of views on the main issues discussed, clearly distinguished that scientific forum of the Belorussian archivists from the Second Meeting of Archival Workers of Belarus – the meeting that took place three years later and that demonstrated the first stages in the developing of a new command and control system in the sphere of archives.

Keywords: First All-Belorussian conference of Archival Workers, First All-Russian Conference of Archival Activists, restitution of Belorussian archives from the RSFSR, V.I. Pitcheta, D.F. Zhilunovich, M.V. Meleshko, D.I. Dovgyallo, B.R. Brezhgo, E.F. Karsky, BGU, BSSR Central Archives, RSFSR Central Archives

For citation: Shumeiko, M.F. (2022), «The First All-Russian Conference of Archival Activists of 1921 and the First All-Belorussian Conference of Archival Workers of 1924 as an example of the Russian-Belorussian archival cooperation», *History and Archives*, no. 1, pp. 92–104, DOI: 10.28995/2658-6541-2022-1-92-104

Эти два архивных форума, состоявшиеся сто лет тому назад, имеют много общего, включая одного и того же их историографа. Последним был профессор МГУ, главный инспектор Главархива России на момент проведения конференции 1921 г., будущий выдающийся историк-славист, академик АН СССР В.И. Пичета (1878–1947). В июле 1921 г. он был назначен ректором Белорусского государственного университета, начавшего свою работу 30 октября 1921 г. [Ходзін, Шумейка, Яноўскі 2011, с. 80–81]. Как известно, Пичетой были подготовлены обстоятельный отчет о работе российской архивной конференции 1921 г.¹ и краткая информация о белорусском архивном форуме 1924 г.²

¹ *Пичета В.* 1-я Всероссийская конференция архивных деятелей (Москва, 29 сент. – 3 окт. 1921 г.) // Архивное дело. 1923. Вып. 1. С. 102–133.

² *Пичета В.* Первая Всебелорусская архивная конференция // Там же. 1925. Вып. 2. С. 144–146.

Помимо Пичеты, одного из организаторов и активного участника обоих архивных форумов, приглашение на московскую конференцию получил 12 сентября 1921 г. и уполномоченный Главархива РСФСР по входившей тогда в состав России Могилевской губернии Д.И. Довгялло (1868–1942), который одновременно являлся и заведующим местным губернским архивом³. Правда, остается не выясненным, участвовал ли он в работе конференции, поскольку по делопроизводственным документам Могилевского губернского архива видно, что Довгялло 13 октября 1921 г. поручил архивариусу В.М. Полубинскому принять руководство губернским архивом «с сего числа» в связи со своим отъездом на конференцию в Москву. А 25 октября им был подписан приказ о возвращении из Москвы и о «приступлении к своим обязанностям»⁴. Как бы то ни было, в Москве он был и о содержании обсуждавшихся там на архивной конференции вопросов знал еще до публикации Пичетой отчета в «Архивном деле». Сведениями об участии в конференции другого уполномоченного Главархива России – по Витебской губернии (им был Б.Р. Брежго (1877–1957) – мы не располагаем.

Подготовка и проведение архивной конференции в Москве совпали с весьма напряженным для В.И. Пичеты временем в Минске, связанным, как выше уже отмечалось, с открытием университета. Как вспоминал в 1927 г. один из его первых профессоров, С.Я. Вольфсон, буквально накануне 30 октября 1921 г. Пичета в течение шести часов председательствовал на первом заседании университетского совета, а утром следующего дня в отсутствие технических работников самолично занимался наведением порядка в зале, где должна была состояться первая лекция⁵. Приходится лишь восхищаться удивительной работоспособностью этого человека, жившего, что называется, на два дома – московский и минский – и успевавшего решать в обоих не только проблемы организационного характера, но и заниматься наукой, подтверждением чему может служить его участие в работе российской и белорусской архивных конференций.

Отметим, что сам созыв Первой всебелорусской конференции архивных работников (таким было ее официальное название, хотя в делопроизводственных документах того времени встречаются названия «совещание», «архивный съезд»), которая во многом прошла под знаком Первой всероссийской конференции архивных

---

³ Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). Ф. 251. Оп. 1. Д. 3. Л. 26.

⁴ Там же. Л. 18, 19.

⁵ *Вольфсон С.Я.* Адрэўкі з успамінаў і думкі // Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт: 1921–1927: Да 10-й гадавіны Кастрычнікавай рэвалюцыі. Менск, 1927. С. 52–56.

деятелей, в значительной степени был инициирован В.И. Пичетой. Именно его статья об очередных задачах архивного дела в Беларуси, опубликованная 31 января 1924 г. в республиканской газете, послужила в значительной степени основой для формирования повестки дня работы конференции в Минске, открытие которой после неоднократных переносов сроков, было назначено на 12 мая 1924 г.⁶

Указав в статье на ожидавшееся в ближайшее время возвращение витебских и могилевских регионов в пределы Беларуси и включение таким образом архивов Витебска и Могилева в состав будущего Единого государственного архивного фонда БССР, В.И. Пичета считал необходимым в качестве первоочередных задач обсудить вопросы унификации архивного дела в рамках укрупненной Беларуси. В отличие от Витебской и бывшей Могилевской губерний, в которых, по его мнению, основанная на «архивном декрете» от 1 июня 1918 г. и положении о губернских архивных фондах от 31 марта 1919 г. архивная реформа была успешно проведена, иначе обстояло дело на Минщине, организация архивного дела в которой опоздала на три года по причинам политического характера. Здесь, отмечал автор статьи, «Шмат архіваў загінула, а некаторыя блылі знішчаны палякамі. Тэрыторыя Меншчыны ня была абсьледавана ўсебакова ў архіўным сэнсе... Загінула шмат матар'ялаў надзвычайнай гістарычнай вартасці»⁷.

Считая эпохой в архивном строительстве республики создание в сентябре 1922 г. органа по управлению архивным делом в лице Центрархива при ЦИК Беларуси, В.И. Пичета вместе с тем предлагал созвать архивную конференцию, чтобы обсудить актуальные вопросы организационного, практического и теоретического характера и наметить пути их решения. В их числе он называл положение и состав архивных фондов как в возвращенных регионах (витебском и могилевском), так и в Минске; архивная политика на местах в 1918–1924 гг.; итоги обследований уездов и волостей; научная работа в архивах; архивное законодательство; уничтожение ненужных архивов; статус разборочных и поверочных комиссий; подготовка архивных работников и др.

Особенно острой для Беларуси Пичета считал последнюю проблему. Для ее решения он предлагал организовать архивные курсы, ввести преподавание архивоведения в возглавляемом им университете. Автор статьи уделил также внимание правильной постановке

---

⁶ *Пічэта У.* Чарговыя заданні архіўнай справы на Беларусі // Савецкая Беларусь. 1921. 31 студз.

⁷ Из истории архивов в Беларуси (1860-е гг. – 1960 г.): Док. и материалы / Сост. С.В. Жумарь, М.Ф. Шумейко. Минск: БелНИИДАД, 2015. С. 135.

текущего делопроизводства в учреждениях – источниках комплектования государственных архивов, контроль за которым должен принадлежать Центрархиву. Последнему, по его мнению, необходимо было также наладить издательскую деятельность. Он предлагал организовать издание «Архіўных вестак» (Архивных известий), которые должны были знакомить читателей с состоянием архивного дела в Беларуси и с новыми проблемами теории и практики архивного дела.

Вполне понятно, что намечаемая В.И. Пичетой широкая программа действий в рамках планируемой конференции и особенно его позитивные оценки реформирования архивного дела в губерниях, входивших в состав РСФСР, с одной стороны, и критические замечания в адрес архивистов Минщины, с другой, не могли не вызвать ответной реакции у последних. Буквально через месяц после публикации статьи Пичеты в той же газете появилась статья «Аб архіўных справах на Беларусі»⁸. Укрывшийся под псевдонимом «Булатовец» автор, не соглашаясь с позитивной оценкой Пичетой деятельности могилевских и витебских архивистов (в подтверждение этого он ссылался на якобы имевшее место отсутствие здесь денежных средств, которые должны были перечисляться Главархивом РСФСР), полагал, что Центрархивом БССР в связи с планируемым присоединением Витебской и части Гомельской губ. к Беларуси «ужо даўно паднята пытаньне аб скліканьні канферэнцыі архіўных працаўнікоў». В отличие от программы Пичеты «Булатовец» главный вопрос конференции сводил к обсуждению реорганизации Центрархива республики в условиях расширения ее Государственного архивного фонда. И только после проведения такой реорганизации, полагал он, можно приступать к решению вопросов, о которых шла речь в статье Пичеты.

Заметим, что такое своеобразное противостояние между архивистами Минщины, представлявшими сформированную в сентябре 1922 г. Государственную архивную службу БССР, и только что интегрированными в нее архивистами Витебска и Могилева прослеживается по документам архивной конференции в Минске, к ходу и итогам работы которой мы и переходим⁹.

---

⁸ *Булатовец*. Аб архіўных справах на Беларусі // Савецкая беларусь. 1924. 26 лютага.

⁹ Это противостояние нередко подогревалось и межличностными отношениями. Так, работавший в Витебском губернском архиве А.О. Шлюбский постоянно конфликтовал со своим начальником, заведующим архивом Б.Р. Брежго, называя его «неизвестным пришельцем», «человеком загадочной национальности» и обвиняя в хищении и уничтожении архивных материалов (см., например: *Гаротная А.* Знішчэньне беларускіх архіваў на Вітабшчыне // Савецкая Беларусь. 1922. 27 кастр. С. 3).

9 мая 1924 г. Коллегия Центрархива РСФСР, рассмотрев на своем заседании вопрос «о совещании белорусских архивистов», вынесла решение «Уполномочить В. И. Пичету [быть] представителем Центрархива на совещании белорусских архивистов»¹⁰. В тот же день телеграмма за подписью В. В. Адоратского была направлена в Минск ректору БГУ, который по-прежнему продолжал рассматриваться архивным руководством России в качестве своего штатного сотрудника, хотя к этому времени он уже таким не являлся: «Коллегия уполномочивает Вас [быть] представителем Центрархива [на] совещании белорусских архивистов. Просим выступить [с] приветствием [и] докладом [о] деятельности Центрархива»¹¹.

Архивная конференция в Минске начала свою работу 12 мая 1924 г. в 18.00. После формирования ее рабочих органов, утверждения повестки дня и регламента первому было предоставлено слово В.И. Пичете для приветствия белорусских архивистов от имени Коллегии Центрархива РСФСР и выступления с докладом о деятельности Центрархива РСФСР. Заметим, что в этот день он уже провел расширенное заседание правления БГУ с участием деканов и представителей заинтересованных учреждений по важному вопросу – об исходатайствовании в правительстве республики сверхсметных ассигнований¹².

Выступая с приветствием, Пичета отметил важность и значение белорусской архивной конференции не только для Беларуси, но и для всего Союза ССР. «Мы являемся *первым Всебелорусским съездом*, – подчеркнул он, – и, создав *съезд*, показываем Москве, что архивная работа в Белоруссии ведется, и напоминаем Центрархиву РСФСР о необходимости созыва второго Всероссийского съезда архивных деятелей»¹³.

Указав далее на то, что Коллегия Центрархива РСФСР до сих пор не была знакома с положением архивного дела в союзных республиках, Пичета как позитивный факт в деле установления контактов между российскими и белорусскими архивистами отметил приглашение Центрархивом Беларуси представителя Центрархива РСФСР на свою конференцию. Завершая приветствие, он выразил

---

¹⁰ Архивы и власть: Первое послевоенное десятилетие: Протоколы и журналы заседаний руководящих органов управления архивной отраслью за 1918–1928 гг.: Сб. док.: В 2 т. Т. 2: 1921–1928 гг. М.: Кучково поле, 2018. С. 216.

¹¹ НАРБ. Ф. 249 (Белкомархив). Оп. 1. Д. 63. Л. 14.

¹² Там же. Ф. 205 (БГУ). Оп. 1. Д. 121. Л. 37.

¹³ Первая Всебелорусская конференция архивных работников 12–15 мая 1924 г.: Док. и материалы. Минск: БелНИИДАД, 1999. С. 15.

пожелание, «чтобы *свезд* архивных работников и коллегия Центрархива Белоруссии более удачно выполнили все задания архивного дела, чем в РСФСР»¹⁴.

Доклад Пичеты носил не только и не столько информационный характер. Докладчик рассмотрел деятельность российского Центрархива в широком хронологическом контексте, начиная еще с Д.Я. Самоквасова. Он отметил беспомощность губернских ученых архивных комиссий в деле сохранения архивов в период Февральской революции и в то же время выделил заслуги образовавшегося в Петербурге «кружка архивистов» под руководством А.С. Лаппо-Данилевского, «который поставил своей задачей сохранение архивных фондов, и если бы не героизм этих лиц – членов кружка, то множество архивов центральных учреждений России безвозвратно [бы] погибли»¹⁵.

Разумеется, Пичета позитивно оценивал инициированное новым руководителем Центрархива России М.Н. Покровским решение Всероссийской архивной конференции об «освобождении Центрархива от влияния Наркомпроса», поскольку оно, по его мнению, подняло авторитет архивов как в центре, так и особенно в провинции. Однако при этом он отдал должное и предшественнику Покровского, первому руководителю Главархива России Д.Б. Рязанову, хорошо знакомому с архивным законодательством западноевропейских стран, который, по словам Пичеты, привлек академика С. Ф. Платонова к проведению архивной реформы.

В докладе наряду с позитивными примерами бережного отношения к архивам приводились и факты необдуманной передачи многих полезных в научном отношении архивных фондов Главбуму для переработки.

Завершая доклад, Пичета отметил, что Главархив и Центрархив России не оставили Беларусь без внимания, хотя результаты этого внимания были незначительными. «В 1920 г., – говорил он, – будучи в Минске, я ознакомился с положением архивного дела в Белоруссии и сделал доклад в Москве, но мой доклад ничего для Белоруссии не сделал»¹⁶.

Тем не менее примечательно само внимание ответственных работников Главархива России к положению архивного дела

---

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 16. Здесь, как нам представляется, В.И. Пичета смешивает возникший в марте 1917 г. и возглавляемый А.С. Лаппо-Данилевским Союз (Общество) российских архивных деятелей с кружком его имени, созданным в июне 1920 г. уже после смерти ученого.

¹⁶ Первая Всебелорусская конференция архивных работников 12–15 мая 1924 г. С. 19.

в Беларуси, едва только освободившейся от польской оккупации. Заметим, что подобные факты имели место и до этого, вскоре после ухода кайзеровских войск с территории Минской и Гродненской губерний и провозглашения 1 января 1919 г. Советской Социалистической Республики Белоруссии. Так, 25 февраля 1919 г. заведующий архивом Минского исполкома Совета рабочих и красноармейских депутатов Ш.Ш. Ходош обращается в ГУАД Наркомпроса РСФСР с просьбой проконсультировать его по организационно-методическим вопросам, связанным с деятельностью возглавляемого им архива¹⁷. 17 марта 1919 г. заявитель получает детальное разъяснение по существу интересовавших его вопросов¹⁸. 19 марта этого же года Коллегия Главархива назначает своим уполномоченным по Могилевской губернии Д.И. Довгялло, 31 марта/1 апреля уполномоченным по Витебской губернии назначается Б.Р. Брежго¹⁹. 19 мая 1919 г. Коллегия обращается к академику Е.Ф. Карскому с просьбой «принять на себя труд быть уполномоченным Главархива по Минской губ.»²⁰. Одновременно Комиссариату по просвещению Советской Беларуси переводится для передачи Временному комитету по охране местных архивов 10 тыс. руб.²¹

Все эти факты являют собой яркое подтверждение сотрудничества российских и белорусских архивистов, начатое с созданием органа по управлению архивным делом России и продолжившееся в последующий период.

Возвращаясь к работе белорусской архивной конференции, нельзя не отметить, что среди наиболее волновавших ее участников были проблемы, связанные с судьбами белорусских архивов, как находившихся за пределами республики, но в СССР, так и подлежащих по условиям заключенных советской Россией с Литвой, Латвией, Польшей договоров передаче этим странам. Что касается первых, то руководитель архивной службы республики Д.Ф. Жилунович не сомневался в положительном их решении. В подтверждение этого он проинформировал участников конференции о своем выступлении на заседании Коллегии Централхива РСФСР с просьбой о возвращении в Беларусь находившихся в России ряда ее архивных фондов, в результате чего было принято соответствующее положительное решение.

---

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 190. Л. 1 а.

¹⁸ Архивы и власть: Первое послевоенное десятилетие... Т. 1: 1918–1921 гг. С. 166.

¹⁹ Там же. С. 167, 180.

²⁰ Там же. С. 226–227.

²¹ Там же. С. 227.

Больше всего вопросов и замечаний поступило в адрес В.И. Пичеты после его выступления с докладом «Влияние договоров РСФСР с отделившимися государствами (Польшей, Литвой и Латвией) на положение белорусских архивов». Докладчик не случайно первой назвал Польшу, хотя, как известно, договор с нею был заключен позже других – 18 марта 1921 г. (с Литвой – 12 июля 1920 г., с Латвией – 11 августа 1920 г.). По его мнению, договоры с Литвой и Латвией были не столь опасны для белорусских архивов, как договор с Польшей, заключенный, по словам Пичеты, «лишь под шум Кронштадтского мятежа». «Статья 11-я [договора с Польшей] редактируется так, – говорил Пичета, – что все архивы польских территорий (имелись в виду передаваемые по договору Гродненская, западная часть Минской и северные уезды Виленской губернии. – *М. Ш.*), не вызывающие никаких сомнений, должны быть возвращены; и если стать на точный смысл выполнения этих договоров, то многие архивы, имеющие ценность для Белоруссии, придется отдать Польше, Литве и Латвии»²². Пичета, участвовавший в подготовке проекта 11-й статьи Рижского договора с Польшей и знавший в деталях все, что было связано с размежеванием архивного наследия, особое внимание обратил на архив великокняжеской канцелярии, так называемую Литовскую метрику, хранившуюся в московском Древлехранилище, на которую одновременно претендовали Польша и Литва. Подводя итоги развернувшейся за нее борьбы, докладчик отметил: «При современных условиях выдача Метрики не произойдет, хотя в Литовской метрике имеется и значительная часть документов, относящихся к Западной Белоруссии»²³. По предложению Д.И. Довгялло, конференция приняла резолюцию о недопущении вывоза с территории СССР в Польшу, Литву, Латвию белорусских архивных материалов, включая и Литовскую метрику, а по предложению М.В. Мелешко, Пичете была вынесена благодарность за отстаивание на переговорах в Риге белорусских архивов.

В отличие от А.А. Шилова, выступавшего на Всероссийской архивной конференции с докладом о разработке историко-революционных материалов архивного фонда в связи с издательской деятельностью, доклад его белорусского коллеги Д.И. Довгялло носил преимущественно ретроспективный характер. Что касается современного состояния белорусской археографии, то ему докладчик посвятил четвертый раздел доклада. В нем он подчеркнул необходимость продолжения издания архивных документов, что должно было, по его мнению, не только сделать доступными источники

---

²² Первая Всебелорусская конференция архивных работников 12–15 мая 1924 г. С. 34.

²³ Там же. С. 35.

для объективного изучения истории Беларуси, но и обеспечить возможность проверки полноты и точности ранее изданных документов, испытавших при публикации сильнейшее политическое и идеологическое влияние. Любопытен и заключительный, пятый раздел доклада, названный «Замечание о методе работы». Здесь Д.И. Довгялло, во многом опираясь на мнение своего будущего коллеги по Археографической комиссии Института белорусской культуры профессора М.В. Довнар-Запольского, сформулировал ряд положений, носивших не только методический, но даже методологический характер, как-то: признаки археографической публикации, критерии выбора объекта публикации и др.

Разумеется, на белорусской конференции не мог быть обойден вниманием крайне актуальный для республики, как выше уже отмечалось со ссылкой на статью В.И. Пичеты, вопрос о подготовке кадров архивных работников. Соглашаясь с выступавшим на конференции в Москве по этому вопросу М.К. Любавским в том, что основными предметами для подготовки будущих работников архивов должны быть архивоведение и археография, делавший в Минске доклад «Подготовка архивных работников» В.И. Пичета расходился с Любавским в части форм организации подготовки кадров. Отметив, что объективные условия, прежде всего голод в Поволжье, не позволили реализовать принятую всероссийской архивной конференцией резолюцию об открытии при Центрархиве Археографического института с белорусским и украинским отделениями, Пичета считал, что «самым верным делом», не требовавшим больших затрат, была бы организация краткосрочных трехмесячных курсов. В то же время он полагал целесообразным ввести преподавание архивоведения в вузах. Содокладчик Пичеты, возглавлявший витебское отделение закрытого в 1922 г. Московского археологического института, Б.Р. Брежго был сторонником возрождения Археологического института, но уже при начавшем работать с 1921 г. Белорусском государственном университете. Однако, учитывая оперативную потребность белорусского Центрархива в кадрах, удовлетворить которую институт не мог, Брежго поддерживал также и идею Пичеты об организации краткосрочных курсов.

Заслушав оба доклада, участники конференции приняли резолюцию о необходимости формирования в ближайшее время курсов для подготовки не только архивных, но и музейных и библиотечных работников. В качестве пожелания предлагалось для подготовки архивистов создать в университете соответствующую кафедру²⁴. К сожалению, это пожелание не было реализовано

---

²⁴ Первая Всебелорусская конференция архивных работников 12–15 мая 1924 г. С. 53.

ни в 1920-е гг., ни позже, когда в 1930 г. предпринималась попытка организовать кафедру архивоведения, но уже при Минском педагогическом институте.

В условиях грядущего расширения архивного фонда республики за счет включения в него возвращенных из РСФСР архивов Витебска и Могилева, а также введения нового административно-территориального устройства должны были существенно расширяться функции Центрархива Беларуси, в административно-хозяйственном отношении подчинявшегося высшему законодательному органу республики, а в научном – Инспекции научных учреждений Наркомпроса. Об этом шла речь в докладе заместителя заведующего Центрархивом БССР М.В. Мелешко «Реорганизация архивного дела в Белоруссии». Докладчик по примеру РСФСР внес предложение реорганизовать существовавшее управление Центрархива, создав коллегия, а при ней научно-теоретический, административно-хозяйственный отделы и управление архивами г. Минска. При последнем должна была быть создана разборочная комиссия, а коллегия назначала временную контрольную комиссию. По проекту Мелешко разборочные комиссии назначались также при трех архивах – в Витебске, Минске и Могилеве, хранивших документы до 1917 г. В окружных архивных бюро создавать комиссии не предполагалось.

Этот план Мелешко вызвал возражения со стороны ряда его коллег, усмотревших в стягивании дореволюционных архивов в Витебск, Минск и Могилев «обескровливание» округов. Не встретил одобрения план и у руководителя Центрархива Д.Ф. Жилуновича, считавшего, что Беларуси не следует брать пример с Москвы. Он полагал ненужным создание коллегии и научно-теоретического отдела, поскольку функции последнего с успехом выполняет заместитель заведующего Центрархивом (им был Мелешко). И хотя в резолюции по докладу Мелешко не была зафиксирована организация управления архивами, отсутствие в дальнейшем коллегии, равно как и научно-теоретического отдела Центрархива, свидетельствовало о реализации плана Жилуновича, а не Мелешко.

Представлялось также важным решение конференции, поддержавшей мнение Центрархива республики о нецелесообразности организации Центрархива СССР, поскольку это, говорилось в резолюции, «только вредит интересам Беларуси»²⁵.

Подводя итоги, отметим, что сравнительный анализ обсуждавшихся на российской и белорусской архивных конференциях вопросов свидетельствует о том, что, несмотря на иногда возникавшие разногласия, в целом позиции российских и белорусских архивистов совпадали. Укажем также, что продолжением этих двух

---

²⁵ Там же. С. 55.

конференций стал состоявшийся в марте 1925 г. в Москве Первый съезд архивных работников РСФСР, участником которого являлся М.В. Мелешко. Прошедшее же в декабре 1927 г. в Минске совещание архивных работников уже не носило такого, как предыдущая конференция 1924 г., характера, что заметно как по составу его участников, так и по содержанию обсуждавшихся на нем вопросов. На смену плюрализму мнений и проявлению вольнодумства в архивной сфере приходило единомыслие. Приближался год великого перелома.

Литература

Ходзін, Шумейка, Яноўскі 2011 – Память і слава: Першы рэктар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта – Уладзімір Іванавіч Пічэта / Склад. С.М. Ходзін, М.Ф. Шумейка, А.А. Яноўскі. Мінск: БДУ, 2011. 375 с.

References

Khodzín, S.M., Shumeiko, M.F. and Yanovsky, A.A. (2011) (comp.), *Pamyat' i slava: Pershy rektar Belaruskaga dzyarzhajnaga universiteta – Uladzimir Ioanavich Pitcheta* [Memory and glory: the first president of Belarusian State University – Vladimir Ivanovich Pitcheta], BSU, Minsk, Republic of Belarus

Информация об авторе

Михаил Ф. Шумейко, кандидат исторических наук, доцент, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь; Республика Беларусь, Минск, 220030, пр. Независимости, д. 4; ORCID ID: 0000-0001-5852-6310 jesti@inbox.ru

Information about the author

Mikhail F. Shumeiko, Cand. of Sci. (History), associate professor, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus; bld. 4, Nezavisimosty Av., Minsk, Republic of Belarus, 220030; ORCID ID: 0000-0001-5852-6310 jesti@inbox.ru

УДК 930.253

DOI: 10.28995/2658-6541-2022-1-105-117

Изъятие ценностей из храмов Московской губернии в 1922 г. в архивных документах ЦГАМО и ЦГА г. Москвы

Вадим В. Никонов

*Гжельский государственный университет, Гжель, Россия,
nikonova-box2009@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются цели и механизм изъятия церковных ценностей в храмах восточных уездов Московской губернии. Отмечается, что пропагандистская кампания по сбору средств в пользу голодающих Поволжья началась задолго до массовых реквизиций. Непосредственному изъятию ценностей из храмов предшествовала кампания по формированию общественного мнения в пользу решения властей. Кроме того, оказать посильную помощь голодающим призвал верующих Патриарх Тихон, чей авторитет был очень высок. По всем приходам немедленно начался сбор средств. В списках пожертвований, помимо денег и изделий из драгоценных металлов, оказывались награды и даже 11 фунтов ржи. Однако, несмотря на готовность духовенства и прихожан в ответ на призыв Патриарха Тихона о необходимости помощи голодающим добровольно сдать в Помгол не использующуюся в повседневном богослужении церковную утварь, власти насильственным путем организовали изъятие ценностей. Приведенные в статье архивные документы свидетельствуют о том, что из храмов изымались в числе прочего и необходимые для богослужений предметы, а также элементы украшений Евангелий (наугольники, запоры), что воспринималось верующими как святотатство.

Материал основан на архивных документах Центрального государственного архива г. Москвы и Центрального государственного архива Московской области.

Ключевые слова: Бронницкий уезд, голод, голодающие Поволжья, изъятие, Московская губерния, Патриарх Тихон, Помгол, церковные ценности

Для цитирования: Никонов В.В. Изъятие ценностей из храмов Московской губернии в 1922 г. в архивных документах ЦГАМО и ЦГА г. Москвы // История и архивы. 2022. № 1. С. 105–117. DOI: 10.28995/2658-6541-2022-1-105-117

The seizure of valuables from the temples
of the Moscow province in 1922
in the archival documents
of the CSAMR and CSA of Moscow

Vadim V. Nikonov

*Gzhel State University, Gzhel, Russia,
nikonova-box2009@yandex.ru*

Abstract. The article considers the goals and mechanism of the seizure of church valuables from the temples of the eastern counties of the Moscow province. It is noted that the propaganda campaign to raise funds for famine relief in the Volga region began long before the mass requisitions. The immediate removal of valuables from churches was preceded by a campaign to form public opinion in favor of the decision of the authorities. In addition, Patriarch Tikhon, whose authority was very high, called on believers to provide all possible assistance to the hungry. Fundraising immediately started in all parishes. In the donation lists, in addition to the money and precious metal items, there were awards and even 11 pounds of rye. However, despite the willingness of the clergy and parishioners, in response to Patriarch Tikhon's call to help the hungry and to voluntarily hand over to the Pomgol the church utensils that are not used in everyday worship, the authorities organized the seizure of valuables through the use of force. The archival documents cited in the article indicate that, among other things, the objects necessary for worship services, as well as the elements of the decorations of the Gospels (corners, locks) were seized from churches, and that was perceived by believers as sacrilege.

The material is based on the archival documents of the Central State Archives of Moscow and the Central State Archives of the Moscow region.

Keywords: Bronnitsky district, famine, starving from Volga region, seizure, Moscow province, Patriarch Tikhon, Pomgol, church valuables

For citation: Nikonov, V.V. (2022), "The seizure of valuables from the temples of the Moscow province in 1922 in the archival documents of the CSAMR and CSA of Moscow", *History and Archives*, no. 1, pp. 105–117, DOI: 10.28995/2658-6541-2022-1-105-117

Поводом для проведения кампании по изъятию церковных ценностей весной 1922 г. стал голод, разразившийся в Центральной России, который власти решили использовать для борьбы с верующими. Это подтверждается рядом документов, наиболее вырази-

тельным из которых является письмо В.И. Ленина членам Политбюро от 19 марта 1922 г., где он прямо настаивает на беспощадных и жестоких мерах в отношении духовенства¹.

Церковь не могла оставаться в стороне в такое время, и по призыву патриарха Тихона по всем приходам страны начинаются сборы средств в пользу голодающих. Однако на первых порах власти отказываются от помощи Церкви и только в конце 1921 г., когда ситуация становится настолько серьезной, что в любой момент может перерасти в социальный взрыв, принимают ее. Церковь добровольно передала государству на оказание помощи голодающим более девяти миллионов рублей [Никодим (Хмыров), иеромонах 2018], не считая драгоценностей, золотых монет и продовольствия.

Однако цели у большевиков и у Церкви были разные. Церковь вкупе с иностранными благотворителями пыталась на деле помочь голодающим, а власти, готовившей решительную атаку на Церковь, голод был как раз на руку. Тем более что истинные причины изъятия церковных ценностей были связаны не только с голодом. Советская власть в те годы испытывала большие финансовые трудности и искала выход из создавшегося положения путем пополнения бюджета преимущественно валютой за счет вывоза и продажи за границей церковного имущества. Голод в Поволжье являлся возможностью пополнить казну за счет реализации изъятых церковных ценностей [Липчак 2015].

Высший орган законодательной власти – Президиум ВЦИК – 2 января 1922 г. принял постановление «О ликвидации церковного имущества», а 23 февраля 1922 г. опубликовал декрет, в котором постановил: местным Советам произвести изъятие богослужебных предметов, отсутствие которых не отразится на церковном обиходе. Непосредственному изъятию ценностей предшествовала кампания по формированию общественного мнения в пользу решения властей. Однако религиозное чувство православного человека противилось откровенному святотатству, и агитация не давала ожидаемого результата. С мест в центр шли донесения о том, что общественное мнение не удастся склонить в нужную «товарищам» сторону.

В начале 1922 г. в уездах Московской губернии начинают формироваться комиссии помощи голодающим. В феврале 1922 г. такая комиссия была образована в Бронницком уезде. На заседании Президиума местного УКОМ 20 февраля принимается перечень неотложных мер к оказанию помощи голодающим Поволжья:

---

¹ Письмо В.И. Ленина членам Политбюро о событиях в Шуе и политике в отношении Церкви. 19 марта 1922 г. // АПРФ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 23. Цит. по: Истмат [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.info/node/27230> (дата обращения 31.10.2021).

1. Вменить в обязанность ячейкам Р.К.П. развить кампанию среди населения о необходимости непрерывной помощи голодающим;
2. Предложить УПРАВДЕЛУ усилить надзор за постоянным, непрерывным и своевременным внесением штрафных сумм на помощь голодающим;
3. Предложить Волисполкомам обязать культурно-просветительные организации в волостях ставить спектакли не менее двух раз в неделю для помощи голодающим;
4. Предложить Фракции Упрофбюро усилить регулярное своевременное отчисление ежемесячного однодневного заработка членов Профсоюза в помощь голодающим;
5. Вменить в обязанность всем членам Уездной Партийной организации провести широкую агитацию среди населения по подготовке необходимости передачи церковных ценностей голодающим, начав кампанию главным образом в гор. Бронницы, поручив приготовить листовку-воззвание тов. Кудряшову².

На следующий день – 21 февраля – в Раменском состоялось заседание волкома ВКП (б). В повестку дня был включен пункт «О выработке мер по изъятию золотых и серебряных вещей из церкви села Раменского». В протоколе читаем: «Предложить волисполкому оповестить церковные советы о дне собраний. Поручить... провести означенное собрание по изъятию золотых и серебряных вещей в пользу голодающих Поволжья»³.

Реквизиции в храмах Восточного Подмосковья производились в апреле–мае 1922 г., следовательно, можно сделать вывод о том, что подготовка общественного мнения к грядущему изъятию была начата более чем за два месяца до начала реквизиции. В марте 1922 г. секретные предписания по организации изъятия церковных ценностей были получены в Бронницах. 29 марта состоялся Пленум Бронницкого УИК, где подробно обсуждались вопросы помощи голодающим. К тому времени уже было сформировано общество помощи голодающим – Помгол, которому совместно с Агитотделом и было поручено проведение «широкой агитационной работы по подготовке общественного мнения на предмет изъятия церковных ценностей»⁴.

Далее события развивались так, что становилось понятно: время уговоров и разъяснений прошло, наступила пора «технических»

---

² Протокол № 32 заседания Президиума УКОМа Р.К.П и Уисполкома Уездной комиссии помощи голодающим. 20 февраля 1922 г. ЦГА г. Москвы. ОХДОПИМ. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 74. Л. 19.

³ Протокол заседания Раменского волкома. 21 февраля 1922 г. Там же. Ф. 145. Оп. 1. Д. 8. Л. 3.

⁴ Протокол № 41 заседания Пленума Бронницкого Уездного комитета Р.К.П. 29 марта 1922 г. Там же. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 72. Л. 8.

действий. 13 апреля 1922 г. Бронницкая комиссия по изъятию церковных ценностей, состоявшая прежде только из партийных функционеров, пополнилась вооруженными бойцами Красной армии и двумя автомобилями. 21 апреля Бронницким УИК вводится должность ответственного уполномоченного по изъятию церковных ценностей. На это место назначается местный чекист по фамилии Архипов, которому делегируются «широкие полномочия с возложением на него ответственности за ход кампании»⁵. Сегодня, зная, как именно проводилось изъятие ценностей, можно себе представить, что означали эти «широкие полномочия» и как будут пользоваться ими «ответственные уполномоченные».

Однако еще до активных действий по изъятию ценностей из храмов в Бронницком уезде началась кампания по добровольному сбору средств в пользу голодающих. Необходимо отметить, что местные христиане активно откликнулись на призыв Патриарха о помощи голодающим. Каждый месяц в Московский финансовый отдел Помгола поступали сведения о собранных ценностях. Так, в марте 1922 г. из Бронницкого уезда был отправлен перечень добровольных пожертвований:

«За март: белаго метала – 20 фун<тов>, 63 золотн<иков>; серебра без пробы – 8 фун<тов>, 19 золотн<иков>; серебра 84 проб. – 7 фун<тов>, 36 золотн<иков>; золота – 5 зол<отников>, 21 д<олей>; бриллиантов 7 шт.; сереб<ряных> манет 20 коп. дост<оинства> 4 шт.»⁶.

За последующие два месяца объем добровольно сданных ценностей значительно возрастает. Возможно, это было связано с растущей готовностью населения помочь голодающему Поволжью, а возможно, верующие таким образом пытались уберечь от изъятия предметы церковного богослужения, наивно полагая, что, сдав больше ценностей добровольно, они смогут умерить аппетиты большевиков. За два месяца в Помгол было передано: пуд меди, пуд серебра, 5 золотников золота, 20 шт. бриллиантов, 227 жемчужин, золотой, серебряной и медной монеты почти на 150 рублей и даже 5 орденов и медалей⁷.

Однако надежды благочестивых христиан на то, что их добровольные пожертвования позволят уберечь предметы церковного обихода от изъятия, не оправдались. Яркой и, к сожалению, не

---

⁵ Протокол заседания Президиума Бронницкого УК Р.К.П. 21 апреля 1922 г. Там же. Д. 74. Л. 30.

⁶ Сведения о поступлении церковных ценностей за март 1922 г. по Бронницкому уезду. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 305. Л. 3.

⁷ Сведения о поступивших церковных ценностях по изъятию и добровольной сдаче. Там же. Л. 10.

единственной иллюстрацией этого явились события, произошедшие в Загорновской волости Бронницкого уезда. В волость входило три храма: Михаило-Архангельский в селе Загорнове, Никольский в Малышеве и Димитрие-Солунский на погосте Дорки. В ответ на призыв Патриарха Тихона о помощи голодающим в волости был организован сбор средств, и уже 20 марта в уездную комиссию было отправлено письмо следующего содержания:

Настоящим сообщаю, что сдано в Уфин-отд. церковных ценностей из следующих церквей: Михаило-Архангельской церкви 1 малая сереб. риза, 1 сереб. кадило с мед. цепью, 1 сер. лампада и добровольный сбор денег 1 998 000 руб.⁸ и сер. монет 1 р. 10 к. Из Николаевской церкви 1 сер. кадило, 1 сер. крест и добровольный сбор денег 2 550 000 руб. Из Дмитро-Салынской церкви взамен церковных ценностей собрано добровольно серебряной монеты на сумму 44 руб. 55 коп., в это входят две медали и две иностранные монеты, 20 серег сер. лому, 2 брошки сер. лом., 13 колец, 13 коп. медной монеты, 25 руб. золотой монетой, ржи 11 фунтов⁹.

В документе содержится указание на то, что, хотя пожертвования из Димитрие-Солунской церкви и не содержат церковной утвари, прихожане просят принять их личные сбережения (монеты, медали, украшения) «взамен церковных ценностей». Они, несомненно, знали, что Церковь благословляла отказаться в пользу голодающих от той части утвари, которая не используется непосредственно при богослужениях. Следовательно, если Димитрие-Солунские прихожане не сочли возможным добровольно сдать часть церковной утвари, можно сделать вывод о том, что приход был настолько бедным, что просто не имел «лишних» богослужебных предметов. Косвенно в пользу такого предположения говорит и последняя позиция в списке пожертвований, где упоминается 11 фунтов ржи. Следует отметить, что в аналогичных списках других храмов продукты питания встречаются крайне редко, это и понятно – большевикам было нужно золото и то, что на него можно обменять. Но простые труженики этого не знали. Им говорили, что где-то в Поволжье голодают их братья-христиане, что от их помощи зависит жизнь сотен тысяч нуждающихся. И они собирали, что могли: трудовые копейки, старые медали и хлеб. При этом необходимо помнить, что

⁸ Речь идет о советских инфляционных рублях, покупательная способность которых была ничтожной.

⁹ Письмо в Бронницкую уездную комиссию помощи голодающим из Загорновского волкома. 20 марта 1922 г. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 305. Л. 72–72 об.

голодало не только Поволжье. В центральных областях продовольствия также катастрофически не хватало, и тем не менее прихожане Дмитрие-Солунской церкви собрали 11 фунтов ржи – около 5 кг в сегодняшних мерах.

Чаяниям сердобольных жертвователей не суждено было сбыться: несмотря на добровольную сдачу ценностей, Дмитрие-Солунский храм не избежал общей участи, и в мае 1922 г. здесь были изъяты следующие вещи:

Чаша с прибором, кроме ковша и ложки. 5 предм. 1 шт. 1 ф. 88 зол.
Крестов 1 выносной, 1 молебный. сер. без пробы. 2 шт. 1 ф. 29 зол.
Наугольники с Евангелия в 1 лист 8 шт. 47 зол.¹⁰

Список самый короткий в ряду подобных перечней по всему Бронницкому уезду. Это лишний раз подтверждает то, что храм был очень бедным. Общий вес изъятого составил 3 фунта 68 золотников – около полутора килограммов в общей сложности, а стоимость изъятого была оценена всего в 1 рубль.

Месяц собранные добровольные пожертвования пролежали в Загорновском волостном комитете, а 20 апреля их отправили в Бронницы, сопроводив «описом», составленным в виде таблицы, где указывался также вес каждой вещи.

«Опис» пожертвованных вещей
в пользу голодающих гражданами Загорновской волости

№	Наименование вещей	Кол-во	Примечание
1.	Крест серебряный 84 пробы	1	76 зол.
2.	Риза белаго металла	1	1ф. 90 зол.
3.	Кадило сереб 84 проб. с цепью бел. мет.	1	1 ф. 34 зол.
4.	Кадило белаго метала с цепью	1	1 ф. 36 зол.
5.	Лампада белаго метала с цепь	1	17 зол.
6.	Кольцо золотое 56 пробы	1	39 дол.
7.	Кольцы желтого метала без пробы	2	84 дол.
8.	Кольцы серебр 84 пробы	5	2 зол. 72 дол.

¹⁰ Опись изъятого из церкви Дмитро-Салынского при погосте Дорки Загорновской вол. Там же. Л. 109.

9.	Кольцы белого металла	5	3 зол. 60 дол.
10.	Серьги лом белого металла	12	4 зол.
11.	Медали серебрян.	3	6 зол.
12.	Серьги серебрян. 84 проб.лом	10	2 зол.

20/IV 1922 г.¹¹

Помимо частных пожертвований, в фонд помощи голодающим на добровольной основе поступали средства и из храмов Раменской земли. Так, 23 марта 1922 г. община Троицкого храма села Раменского добровольно передала в Помгол около 10 кг серебряной церковной утвари, а от Новорождественского храма поступило около 2 кг серебра.

Храмы Рождественской волости Бронницкого уезда сделали коллективное пожертвование, составив «Ведомость на принятие добровольного пожертвования церковных ценностей от Церковно-приходских коллективов Рождественской волости в пользу голодающих»¹²:

№	Наименование церкви	Кол-во	Наименование предметов	Драгоцен.
1	Рождественская (Рождеств. Богородицы)	1	Крест	Серебр.
		1	Сосуд с подставкой	Серебр.
		1	Дароносица	Серебр.
		1	Ложечка	Серебр.
2	Воскресенская (Воскресение-Словуща)	1	Крест	Серебр.
		1	Дискос	Серебр.
		1	Тарелка малая	Серебр.

¹¹ Опись вещей, пожертвованных в пользу голодающих гражданами Загорновской волости. 20 апреля 1922 г. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 305. Л. 71–71 об.

¹² Ведомость на принятие добровольного пожертвования церковных ценностей от Церковно-приходских коллективов Рождественской волости в пользу голодающих. Там же. Л. 80–80 об.

3.	Вишняковская (Христо- Рождественская)	2	Тарелка малая	Серебр.
		1	Ложечка	Серебр.
		1	Венок	Серебр.
4.	Константиновская (Михаило- Архангельская)	1	Кадило	Серебр.
		1	Лампада	Серебр.
5	Георгиевская (Вел. Георгия)	1	Ковш	Серебр.
		1	Крест	Серебр.
		1	Цепь дутая (бусы)	Серебр.
		5ф. 90з.	Медные монеты	Медь
		1	Венчик <неразб.>	Серебр.

В Верхнем Мячкове состоялось собрание церковного совета с верующими и церковнослужителями. По результатам собрания было принято решение о добровольном пожертвовании в пользу голодающих значительного количества церковной утвари. Эти решения отразились в протоколе:

1922 года апреля 24 дня Церковный Совет села Верхнего Мячкова Мячковской волости Бронницкого уезда, совместно с верующими группами и служителями церкви прихожан обсуждали вопрос о помощи голодающим крестьян Поволжья.

Постановили: Принимая во внимание тяжелое положение голодных крестьян Поволжья, и чтобы хотя немного смягчить положение голодных, мы, Церковный Совет, группа верующих прихожан и служители церковного культа согласно Декрета Народных комиссаров об изъятии церковных ценностей, добровольно жертвуем нижеследующие церковные предметы:

1. Четыре ризы серебряные 5 фун. 60 зол.
2. Одна чаша серебряная 1 фун. 15 зол.
3. Один крест серебряный 1 фун. 27 зол.
4. Три тарелки серебряных 84 зол.
5. Одна звездица 27 зол.
6. Одна ложечка 12 зол.

7. Один ковш 24 зол.
8. Одна сковорода серебрян. 31 зол.
9. Один запорчик от Евангелия 3 золот.
и денежной суммы 7 250 000 руб.

Тут же поступило от местного священника Николая Миневрина одна серебряная медаль, один серебряный рубль, часть серебряной цепочки и денег один миллион. Все выше перечисленные вещи постановили сдать в Мячковскую Волостную Комиссию Помгола, что и удостоверяем своими подписями.

Примечание: В поименованных в сем протоколе трех ризах имеются камни, которые определить не можем, и у двух риз венчики утеряны¹³.

Практически все храмы Бронницкого уезда самостоятельно или совместно с другими откликнулись на призыв Церкви о помощи голодающим Поволжья. Было собрано значительное количество изделий общим весом более 50 кг. Сбор добровольных пожертвований продолжался в течение марта и апреля 1922 г. Все это время в Бронницкий уездный Помгол свозились ценности, описывались, сортировались, но никуда не отправлялись. Они были отправлены в Москву лишь в июне, а в мае в Бронницком уезде начались реквизиции.

Первым храмом, куда приехали представители районной комиссии, стал храм в честь Казанской иконы Божией Матери села Маркова Велинской волости. 3 мая 1922 г. здесь было изъято золотых и серебряных изделий общим весом около 16 кг¹⁴. Для наглядности приведем данные по некоторым храмам, которые уже были упомянуты выше. Так, общий вес ценностей, пожертвованных Троицким храмом села Раменского, составил немногим более 24 фунтов, т. е. около 10 кг. А масса изъятого составила 1 пуд, 17 фунтов и 26 золотников, т. е. немногим менее 25 кг¹⁵. Еще более внушительная разница между весом пожертвованного и изъятого в храме Рождества Иоанна Предтечи села Новорождественна. Масса добровольных пожертвований составила менее 2 кг, а изъятого – почти 3 пуда, т. е. около 50 кг¹⁶.

---

¹³ Протокол заседания церковного Совета села Верхнего Мячкова Мячковской волости Бронницкого уезда. 24 апреля 1922 г. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 18. Д. 305. Л. 92–92 об.

¹⁴ Опись изъятого из церкви Казанской в с. Маркове Велинской вол. 3 мая 1922 г. Там же. Л. 21.

¹⁵ Опись изъятого из церкви Троицкой с. Раменского той же вол. 27 мая 1922 г. Там же. Л. 52.

¹⁶ Опись изъятого из церкви Иоанна Предтечи с. Новорождественско-го Раменской вол. 27 мая 1922 г. Там же. Л. 51.

Приведенные описи показывают, насколько существенной была реквизиция в относительно богатых храмах. Выше приводился список изъятых из Димитрие-Солунской церкви погоста Дорки, где все ценности были оценены в 1 руб. золотом. Стоимость же изъятых в храмах в Раменском и Новорждевене составила, по оценке уполномоченного, по 100 руб. золотом в каждом. Какие иконы находились в Предтеченском храме, можно себе представить по весу их риз. Одна риза с главного образа Рождества Иоанна Предтечи весила 29 фунтов, т. е. более 12 кг. Немногим уступала ей риза с образа Богоматери.

Сохранилась сводная ведомость всего изъятых в храмах Бронницкого уезда за период с 3 по 29 мая 1922 г.: 123 пуда серебра, 47 золотников золота, 94 бриллианта, 62 изумруда, 8 рубинов, 123 алмаза, много жемчуга, бирюзы, а также «других разноцветных камней неопределенной оценки их. В том же числе несколько драгоценных вещей: колец, брошек, ложек и др., а так же ризы, усыпанные жемчугом и другими драгоценными и разноцветными камнями»¹⁷.

Вывозили изъятые в Москву в два приема: 8 и 28 июня 1922 г. В первой партии вывезли около 50 пудов, во второй – оставшиеся 73 пуда. Таков был общий итог кампании по изъятию церковных ценностей в Бронницком уезде [Никонов, Ушатова 2016, с. 90].

Вывезенное из Бронницкого уезда золото и серебро пополнило общий фонд изъятых ценностей по всей стране. В ноябре ЦК Помгол составил «Ведомость количества собранных церковных ценностей по 1-е ноября 1922 года». Согласно этому документу, всего было изъято: золота более 32 пудов, серебра 23 997 пудов, а также большое количество драгоценных камней, золотой и серебряной монеты, украшений. Общая оценка всего изъятых составила более 4,5 млн золотых рублей¹⁸. Однако вопрос о том, каким образом были использованы столь значительные средства, до сих пор остается открытым. Уже тогда, в 1922 г., получило распространение мнение, что изъятые не пойдут на закупку продовольствия, а будут использованы большевиками в своих политических и конъюнктурных целях. Относительно планов властей по использованию награбленных ценностей не питал никаких иллюзий и Патриарх Тихон. В письме от 7 (20) марта 1922 г. митрополиту Евлогию (Георгиевскому) он писал: «Большой вопрос у нас о церковных

¹⁷ Сведения о поступивших церковных ценностях по изъятию и добровольной сдаче. Там же. Л. 10.

¹⁸ Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 году: Сб. док. из фонда Реввоенсовета Республики. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т, 2006. С. 27.

ценностях, которые власти хотят насильно передать в пользу голодающих, – мало веры сему!»». Время показало, что эти опасения не были беспочвенными. По мнению ряда исследователей, выручку за изъятое поглотили расходы на саму кампанию по изъятию, или, точнее говоря, на кампанию по расколу и разгрому Русской Православной Церкви¹⁹.

Таким образом, можно констатировать, что цели властей при организации кампании по изъятию церковных ценностей в 1922 г. заключались не только и не столько в том, чтобы оказать реальную помощь голодающим, но и в том, чтобы нанести сокрушительный удар по Церкви, подорвав ее экономически. Попытки верующих, откликнувшись на призыв Патриарха Тихона, добровольно собрать и сдать в Помгол изделия из драгоценных металлов, монеты и даже хлеб, чтобы сохранить храмовое имущество, не увенчались успехом.

Литература

- Никодим (Хмыров), иеромонах 2018 – *Никодим (Хмыров Д.В.), иеромонах Русская Зарубежная Церковь о голоде в России и изъятии церковных ценностей в 1920-х гг.* // Христианское чтение. 2018. № 2. С. 218–231.
- Никонов, Ушатова 2016 – *Никонов В.В., Ушатова Н.П.* За Христа претерпевшие: Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области. Т. 1: Раменская волость. Гжель: ГГУ, 2016. 615 с.
- Липчак 2015 – *Липчак Н.А.* К истории изъятия церковных ценностей во Владимире // Вестник ПСТБУ. История. История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 6 (67). С. 78–84.

References

- Nikodim (Khmyrov, D.V.), Hieromonk (2018), “The Russian Church Abroad on the famine in Russia and the seizure of church values in the 1920s”, *Christian Reading*, no. 2, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-zarubezhnaya-tserkov-o-golode-v-rossii-i-izyati-tserkovnyh-tsennostei-v-1920-h-godah> (Accessed 31.10.2021).
- Nikonov, V.V. and Ushatova, N.P. (2016), *Za Khrista preterpevshie: Tserkov' i politicheskie repressii 1920–1950-kh gg. na territorii Ramenskogo raiona Moskovskoi oblasti. T. 1: Ramenskaya volost'* [Those who suffered for Christ. The Church and political repressions of the 1920s-1950s in the territory of the Ramensky district of the Moscow region. Vol. 1. Ramenskaya volost']. GSU, Gzhel, Russia.

---

¹⁹ Изъятие церковных ценностей в Москве в 1922 году... С. 28.

Lipchak, N.A. (2015), "On the history of the seizure of church valuables in Vladimir", *Vestnik PSTBU. Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*, vol. 67, issue 6, pp. 78–84.

Информация об авторе

Вадим В. Никонов, кандидат педагогических наук, Гжельский государственный университет, Гжель, Россия; 140155, Россия, Московская область, Раменский район, пос. Электроизолятор, д. 67; ORCID ID 0000-0001-9585-564X nikonova-box2009@yandex.ru

Information about the author

Vadim V. Nikonov, Cand. of Sci (Pedagogics), Gzhel State University, Gzhel, Russia; bld. 67, village Electrical insulator, Ramensky district, Moscow region, 140155, Russia; ORCID ID 0000-0001-9585-564X nikonova-box2009@yandex.ru

Документальное наследие Н.П. Ламановой в рукописном отделе ГЦТМ им. А.А. Бахрушина

Анна А. Кузнецова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, akuznetsova2020@mail.ru*

Олег Г. Санин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, osanin@mail.ru*

Аннотация. Октябрьская революция 1917 г. в России оказала значительное влияние как на искусство, в целом, так и на его прикладные аспекты. Костюм, в частности, претерпел заметную трансформацию. В силу дефицита, с одной стороны, и смены идеалов, с другой, официальная «высокая мода» вначале практически умерла, а затем возродилась в совершенно новых, отвечающих современным требованиям формах. Массовое производство, предпочтение простоты и удобства изготовления в ущерб уникальности и подчеркнутой эстетичности – таковы стали основные задачи в этой области. И особенно неожиданной при таком подходе можно считать победу коллекции костюмов Надежды Петровны Ламановой на «Выставке современного декоративного и промышленного искусства» в Париже 1925 г. Модельер дворянского происхождения, Надежда Петровна, имевшая ранее статус поставщика «Ее Императорского двора», сумела не только кардинально сменить стиль, но и создать настолько самобытную коллекцию, что даже искушенное французское жюри оценило народный колорит и функциональность ее работ. В статье рассматривается жизнь и творческий путь моделиста, а также дан обзор документального наследия Н.П. Ламановой в ГЦТМ им. А.А. Бахрушина.

Ключевые слова: российские модельеры, русско-французская мода, театральные костюмы, мода 1920-х годов, документальное наследие, Н.П. Ламанова.

Для цитирования: Кузнецова А.А., Санин О.Г. Документальное наследие Н.П. Ламановой в рукописном отделе ГЦТМ им. А.А. Бахрушина // История и архивы. 2022. № 1. С. 118–140. DOI: 10.28995/2658-6541-2022-1-118-140

The documentary heritage of N.P. Lamanova at the A.A. Bakhrushin State Central Theatre Museum

Anna A. Kuznetsova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
akuznetsova2020@mail.ru*

Oleg G. Sanin

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, osanin@mail.ru*

Abstract. The October Revolution of 1917 in Russia had a great impact on art in general as well as on its practical aspects. The clothing, in particular, underwent a remarkable transformation. Due to shortages, on the one hand, and the change of ideals, on the other hand, the official “high fashion” initially had almost died out and later was reborn in the new forms that reflected the new requirements. Mass production, preference for simplicity and ease of manufacture to the detriment of the uniqueness and emphasized aesthetics – those were the main tasks in that area. And especially unexpected with such an approach can be considered the victory of the costume collection of Nadezhda Petrovna Lamanova’s dress collection at the “International Exhibition of Modern Decorative and Industrial Art” in 1925 in Paris was quite unexpected. Nadezhda Petrovna was a fashion designer of an aristocratic background and had formerly the status of the Emperor’s court supplier. She was not only able to change the style dramatically but also to create such an indigenous collection that even the sophisticated French panel of judges highly commended the national tint and the functionality of her work. The article gives an account of the life and creative activity of the fashion designer and we also reviews the documentary heritage of Nadezhda Petrovna Lamanova at the A.A. Bakhrushin State Central Theatre Museum.

Keywords: Russian fashion designers, Russian-French fashion, theatrical costume, fashion of the 1920s, documentary heritage, N.P. Lamanova

For citation: Kuznetsova, A.A. and Sanin, O.G. (2022), “The documentary heritage of N.P. Lamanova at the A.A. Bakhrushin State Central Theatre Museum”, *History and Archives*, no. 1, pp. 118–140, DOI: 10.28995/2658-6541-2022-1-118-140

Костюм – это богатое историко-культурное наследие, в котором сосредоточена разносторонняя информация: о времени, об обычаях и нравах, традициях и моде. Он тесно связан с экономическими явлениями и общественными изменениями. В рамках так называемой высокой моды костюм является и произведением искусства,

а наиболее известные модельеры – законодателями не только в области создания одежды, но и представления о прекрасном, развития или даже создания целых стилей – наряду с художниками, писателями, музыкантами и философами.

На рубеже XIX–XX вв., когда русское влияние на мировую культуру было особенно сильно, а кутюрье с легкой руки Поля Пуаре постепенно приобретали статус деятелей искусства взамен положения простых ремесленников, на небосводе русской моды засияла новая звезда.

Надежда Петровна Ламанова – модельер, которая не только внесла огромный вклад в развитие отечественного костюма, но и произвела впечатление на самых высоких судей в столице моды Париже, когда положение страны на мировой арене лишь начинало устанавливаться после потрясений революции и Гражданской войны.

Выставка современного декоративного и промышленного искусства в Париже в 1925 г. ознаменовала выход советского государства на мировую арену в культурном смысле и встала в ряд первых крупных мероприятий подобного рода, где страна была представлена. Для СССР одним из важнейших действующих лиц в контексте события была именно Н.П. Ламанова. Моделист дворянского происхождения, успевшая стать в дореволюционный период поставщиком «Ее Императорского двора», имя которой ставят в один ряд с такими законодателями мод, как Кристиан Диор, Коко Шанель или Эльза Скиапарелли.

Надежда Петровна родилась 14 декабря 1862 г. в деревне Щузилово Нижегородской губернии в семье военного. Девочка рано потеряла родителей и воспитывалась в Москве у тети. Она окончила 8 классов гимназии, о чем упоминается в анкете, относящейся приблизительно к 1940 г.¹ Из документа можно узнать о дворянском происхождении Ламановой. После окончания гимназии девушка была вынуждена содержать младших сестер и устроилась работать моделистом в мастерскую мадам Войткевич, два года отучившись в школе кройки г-жи Суворовой.

Там она становится ведущим мастером и уже в 1885 г. в возрасте 23 лет открывает свою собственную мастерскую, которая расположилась в доме Адельгейм на Большой Дмитровке. Говоря об этом периоде жизни Н.П. Ламановой и ее характере, надо отметить, что современники называли ее добрым и чутким человеком, несмотря на жесткость и требовательность в профессиональной деятельности.

¹ Государственный центральный театральный музей им А.А. Бахрушина (ГЦТМ). Ф. 141. Оп.1. Ед. хр. 27. Л. 1.

При своей мастерской Ламанова организовала, помимо школы швейного мастерства, еще и дополнительное общее образование для учениц. Одна из них, Смарина В.В., так отзывалась о своей наставнице: «Обучая нас швейному ремеслу и готовя нас к самостоятельной трудовой жизни, Надежда Петровна организовала школу по общеобразовательным предметам, где мы, девочки, с отрывом от работы могли заниматься 2–3 раза в неделю по несколько часов»². Смарина подчеркивает, что это была единственная такая школа и что сама Ламанова, видя интерес ученицы к знаниям, занималась с ней и была очень добра к потерявшей родителей девушке.

Также известно, что «во время Первой мировой войны она открыла госпиталь в своем имении, – и это было не просто красивым жестом, а проявлением искреннего человеческого сочувствия к горю других» [Стриженова 1972, с. 36].

Говоря о мастерстве Ламановой, нужно отметить статус ее мастерской «поставщика Ее Императорского двора», а также то, что четырнадцать нарядов, на корсажах которых стоит знак «Н.П. Ламанова», хранятся по сей день в Государственном Эрмитаже.

Описывая методы работы Ламановой, многие отмечают, что она потрясающе умела драпировать ткань на модели, практически закалывая на человеке готовое платье. «Глядя на ткань, она уже в ее существе видела форму» [Захаржевская 2007, с. 210]. Эту особенность как характерную черту стиля работы модельера выделяют, говоря о начале ее деятельности еще в ателье Войткевич. При этом известно, что Надежда Петровна сама не шила и не рисовала. В том числе и благодаря этой не совсем обычной для того периода манере работы и сопутствующих ей возможностям при моделировании кутюрье стала знаменита, а «одеваться у Ламановой считалось модным и престижным» [Филатова 2006, с. 217].

С 1901 г. модельер начала работать в костюмерной мастерской МХАТ, где осталась до конца жизни и создала много потрясающих костюмов, которые по праву можно назвать произведениями искусства.

Надежда Петровна активно следила за театральной жизнью и входила в круг московской богемы. Когда-то именно ее супруг Андрей Павлович Каютов, за которого модельер вышла замуж еще в 1886 г. и который выступал на любительской сцене, ввел ее в это общество. А.П. Каютов имел обширные знакомства среди актеров и деятелей театра, и многие из них стали общими друзьями супругов. Говоря о браке Ламановой, можно сделать вывод, что он был счастливым и продолжительным: в личной карточке моделиста, датиро-

---

² Там же. Ед. хр. 57. Л. 1.

ванной 24 мая 1922 г.³, в графе, посвященной членам семьи, упоминается Андрей Каютов и заявлено, что муж проживает вместе с ней.

Стиль Н.П. Ламановой, неизменно индивидуальный и изысканный, в 1900-е гг. отличался особенным обилием декора. Плиссе и рюши, разнообразная вышивка, в том числе тяжелая и обильная, аппликации – все это в большом количестве и в то же время гармонично и элегантно украшает наряды ее мастерской. Пайетки, стеклярус, бисер, жемчуг, бить и канитель создавали затейливые рисунки на ткани платьев и переливались на свету. В каталоге выставки Государственного Эрмитажа мы видим платье, орнаментальный декор которого представлен «в виде гирлянд из мелких цветов, исполненных тамбуром, как бы обвивающих вертикальные полосы, шитые блестками, идущие от плеча до низа, сужающиеся к талии и далее расширяющиеся к подолу юбки».

Однако если в этом платье декор служил дополнительной выразительности и приемом избыточного украшения, показывавшими статус заказчицы и изысканность стиля жизни, так присущей Модерну, то в других случаях эта особенность работ Ламановой имела и иной тон. Нужно отметить, что весь декор изделий Надежды Петровны не смотрится отдельными дополнительными элементами, не выделяется из общей картины, а является неотъемлемой частью наряда, создает с ним единое гармоничное целое.

Начало 1900-х гг. в творчестве Н.П. Ламановой ознаменовалось появлением ярко выраженных мотивов неоклассицизма, введенных П. Пуаре, а также влиянием «Русских сезонов». В ее платьях на чехле часто встречается прием многослойности, так популярный в то время. Полупрозрачные шифон, газ, тюль или кружево накладываются на плотную основу: бархат, шелк. Ткани могли быть контрастными или, наоборот, одного цвета. В первом случае это «обогащало цветовую палитру», во втором – «возникал эффект цветовой приглушенности и глубины» [Филатова 2006, с. 217].

Платья Н. П. Ламановой на чехлах с контрастным подбором цветов тканей отличались также и различной фактурой. Гладкий атлас сочетался с тонким шифоном, а легкие верхние ткани богато украшались вышивкой бисером, пайетками, стеклярусом, жемчугом или кораллами. В подобных контрастных, многослойных нарядах видят «влияние костюмов Л. Бакста и А. Бенуа для Русских сезонов» [Филатова 2006, с. 217] на стиль Н.П. Ламановой.

Нужно отметить, что в период 1900–1914 гг. Н.П. Ламанова активно развивала свое дело и сотрудничала с различными деятелями искусства и моды. Поскольку центр ее деятельности в России

³ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 341. Л. 1.

находился в Москве, где не было столь жестких рамок приличия, как в придворном Петербурге, и представители различных сословий взаимодействовали проще и ближе, дом Ламановой-Каютовой стал местом общения выдающихся творческих личностей разного «уровня». Как отмечает Р.М. Кирсанова, у Надежды Петровны за обедом могли встретиться «брат императора, великий князь Михаил Александрович (1878–1818), актеры, художники, представители московской знати и купечества» [Алехина 2011, с. 74].

Поскольку модельер поддерживала дружеские отношения со многими представителями модной индустрии и искусства, мы можем видеть свидетельства теплоты коллег и товарищей по отношению к модельеру. П. Пуаре вспоминал о ней: «Ламанова была выдающейся портнихой и в то же время стала моей подругой. Она мне открыла очарование Москвы – этих драгоценных ворот в Азию. Она и сейчас мне видится на фоне икон Кремля, куполов собора Василия Блаженного, прекрасной коллекции картин Василия Щукина» [Кирсанова 2017, с. 218]. Воспоминания Пуаре о Москве связаны с его турне по России 1911 г. В то время как Петербург встретил кутюрье достаточно холодно, Москва, во многом благодаря стараниям Надежды Петровны, приняла дружелюбно и с интересом. Остановившись в доме Ламановой, Пуаре прочел там же первую лекцию о современном дамском платье, сопровождавшуюся дефиле шести французенок в его последних нарядах.

Отметим, что отношения между Пуаре и моделисткой носили не только дружеский, но и коммерческий характер. После отъезда парижского кутюрье в доме Ламановой прошла выставка-продажа его костюмов. Также можно было заказать наряд по образцу.

Деловые отношения связывали Н.П. Ламанову и с Парижем в целом: там она закупала ткани и приобретала некоторые модели готовых костюмов от французских знаменитостей для своей мастерской. На протяжении двадцати лет модельер дважды в год уезжала в Париж и проводила там в среднем два месяца, о чем она упоминает в автобиографии, составленной в марте 1922 г., и акцентирует внимание на том, что «работала... с тамошними художниками и специалистами по этой отрасли»⁴.

Октябрьская революция 1917 г. перевернула основы жизни Ламановой. Еще вчера уважаемая дама, состоятельный человек и владелица одной из самых известных, популярных и изысканных мастерских костюма, она в один момент потеряла положение в обществе, имущество и возможность зарабатывать. Мастерская «Модный мастер дамского платья» на Тверской была разгромлена, а закроечные столы даже сожжены в период холодной зимы

---

⁴ Там же. Л. 2.

1919 г. Сама модельер была арестована ЧК в том же году и два с половиной месяца провела в заточении в Бутырской тюрьме «за дворянское происхождение». Освободили Н.П. Ламанову благодаря вмешательству Максима Горького. Кирсанова предполагает, что именно его гражданская жена, актриса Мария Федоровна Андреева «не оставила без поддержки Надежду Ламанову в те годы, когда ее лишили и палатцо, и свободы» [Алехина 2011, с. 71].

Несмотря на потрясения и полное разрушение привычного мира, модельер смогла принять сложившиеся обстоятельства и «перестроиться» на новый лад. Она продолжила свой профессиональный путь, переосмыслила формат работ и добилась в новом мире огромных успехов.

В возрасте пятидесяти восьми лет Ламановой пришлось коренным образом изменить стиль. Принципы военного коммунизма, идеи эгалитаризма, реализованные концепцией всеобщей уравнительности, противоречили привычному модельеру до революции стремлению к элитарности и уникальности. Современность диктовала новые задачи, которым необходимо было соответствовать.

Русский авангард, расцветший в период Первой мировой войны и революции, а также выделившийся из него в отдельное направление конструктивизм наложили отпечаток на большинство предметов быта 1920-х гг. Костюм не стал исключением.

Принципы функциональности и рационального использования материала в первые послереволюционные годы заставили Н.П. Ламанову, как и многих других модельеров того времени, адаптироваться. В ее работах данного периода отчетливо зазвучали «новые аналитические идеи взаимоотношения конструкции, линии и цвета» [Филатова 2006, с. 71].

Здесь важно помнить, что если западные мэтры того времени творили в основном в условиях саморегулирующейся рыночной экономики относительно стабильных государств, то советские модельеры и Ламанова, в частности, создавали костюмы в стране, переживавшей Гражданскую войну, не имея достаточно возможностей для реализации замыслов, но имея четкие границы, в рамках которых эти самые замыслы должны были уместиться.

Дефицит, с одной стороны, и переход к иным стандартам в легкой промышленности, с другой, привели к недостатку ткани в целом и особенно к недостатку качественных и «презентабельных» тканей, которые ранее были нормой для кутюрье.

В этих условиях, согласно новой идеологии, презиралось все подчеркнуто изящное, красивое, шикарное. Стране рабочих и крестьян были чужды кружевные шелковые вещи, лишние детали, дорогие украшения. Костюм должен быть удобен, практичен, прост.

Он приспособлен к работе, не стесняет движений и не подчеркивает индивидуальность. Наоборот, относит хозяина к широкой общности его товарищей. Советская женщина занята трудом и не станет думать «о всяких глупостях», хитроумно привлекать внимание противоположного пола замысловатыми нарядами. Она – скромный и серьезный, ответственный и работающий друг, активная гражданка, а не кокетка. И ее костюм призван отражать это.

Характеризуя российскую моду ранних послереволюционных лет, нужно отметить, что с 1917 по 1923 г. в связи с нехваткой «всего и вся» долго донашивалась старая одежда, состояние которой ранее сочли бы неприемлемым. По этой же причине встречалось сочетание различных, совершенно не складывавшихся в ансамбль предметов гардероба. «Время было трудное, а одежда, немудреная и порой случайная, давала самые необычные соединения костюма» [Захаржевская 2007, с. 206]. В качестве деталей одежды эпохи можем выделить появление высоких женских гетр, связанных с модой на высокие замшевые ботинки с лаковыми носами, и длинных трикотажных жакетов с поясом, большими карманами, которые позже долго донашивались в кругах интеллигенции и служащих.

В наряде женщины-революционерки достаточно характерными чертами были наличие гимнастерки и юбки или галифе, сапог, кепки с выглядывающими из-под нее короткими прямыми волосами. Такой жесткий и достаточно неаккуратный, неженственный образ соответствовал облику женщины, ставившей перед собой задачи, ранее социально ей не свойственные, и служившей серьезной и важной цели. Р.В. Захаржевская писала о рядовой современной революционных событий: «...она прошла рядом с мужчиной через войну, голод и разруху, приняла на свои плечи тяжесть забот молодой страны. Ее переодевание было обусловлено стремлением быть равной и незаметной» [Захаржевская 2007, с. 208].

Однако, помимо вынужденных черт костюма, постепенно в жизнь начали просачиваться и определенные веяния новой официальной моды. Характерным направлением в одежде того времени стал неорусский стиль.

Говоря о конструктивизме с его функциональностью и геометричностью, отметим, что он отвечал задачам государства по формированию «нового человека», его «лаконичные конструкции геометрических форм выразили себя в рациональных формах бытового пролетарского костюма» [Филатова 2006, с. 221].

В контексте этих тенденций Надежда Петровна начинает свою профессиональную жизнь почти с чистого листа. Она работает в Наркомпросе РСФСР. И не просто работает, но создает вокруг себя творческий и мотивированный коллектив. В 1919 г. Ламанова

обращается к народному комиссару просвещения А.В. Луначарскому с просьбой о помощи в организации художественной мастерской для изготовления моделей и в том же году создает художественную мастерскую костюма при художественно-производственном подотделе Наркомпроса⁵. Это начинание позже привело к созданию московского, а затем – общесоюзного Дома моделей.

Также Надежда Петровна собирает кружок одаренных и готовых самоотверженно трудиться людей. В.И. Мухина, Н.П. Макарова, мастер игрушки Н.Д. Бартрам, а также некоторые ученицы Ламановой, – многие из них потом станут ее сподвижниками в подготовке выставки в Париже.

С начала 1919 до середины 1921 г. кутюрье работала инструктором по созданию моделей при подсекции «Игла» (МОНО и Моспрофобра), с 1919 по 1922 г. – в отделе ИЗО Наркомпроса инструктором по художественной промышленности и заведовала с 1919 по 1924 г. мастерской современного костюма, о создании которой мы писали выше.

Переосмысляя задачи модельера и занимаясь теоретической стороной вопроса, Н.П. Ламанова активно участвовала в различных мероприятиях, связанных с ее работой. В 1919 г. она выступала с докладом на Первой всероссийской конференции по художественной промышленности и так говорила об основной линии развития бытового костюма: «...художники должны в области одежды взять инициативу в свои руки, работая над созданием из простых материалов простейших, но красивых форм одежды, подходящих к новому укладу трудовой жизни» [Филатова 2006, с. 220] Также она выступала с докладами на подобной конференции в 1922 г. и в отделе ИЗО Наркомпроса⁶.

В том же году Ламанова, занимаясь разработкой теоретической программы моделирования, выделила основные принципы творчества модельера на современном этапе: «функция: назначение костюма определяет его материал», «материал: ткань модели определяет его форму», «фигура», «форма: конфигурация изделия определяет декор».

К публикациям Ламановой можно отнести вышедшую в 1923 г. работу «Русская мода», авторство которой приписывают Надежде Петровне [Стриженова 1972, с. 40].

Стиль модельера в начале 1920-х гг. характеризуется следующим образом. Силуэт платьев – рубашка, в качестве материалов часто используются подручные. Ткани в основном однотонные. В качестве отделки используются фрагменты узорчатой ткани,

⁵ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 341. Л. 2.

⁶ Там же.

вышивки, полотенца. Интересно расположение декора на ее моделях. Это плечи, грудь и подол, что характерно для народного костюма. Постепенно в основу кроя Надежды Петровны ложится прямоугольник, и она концентрируется на экономичности производства. «Простота расклада выкройки на материале, отсутствие обрезков ткани, дешевизна готовых вещей» [Филатова 2006, с. 221] позволяли массово производить предложенные кутюрье модели.

Также отметим, что с 1920-х гг. Н.П. Ламанова работала в театрах им. Е. Вахтангова, Революции, Красной армии, в МХАТ.

Скажем несколько слов об универсальности таланта Надежды Петровны. Она, с одной стороны, всю жизнь создавала дорогие наряды для «верхушки» современного ей общества: сначала – платья для аристократии, творческой интеллигенции и состоятельной буржуазии, потом – «туалеты для партийной элиты». С другой стороны, уже с 1900-х гг. и до самой смерти ее деятельность была связана с разработкой тех театральных костюмов, которым многие моменты практичности чужды, а доля искусства в оформлении которых, наоборот, особенно велика. И в то же время в 1920-е гг. модельер полностью погружается в совершенно противоположную предшествующим идеалам и задачам пролетарскую моду – простую, но идейно насыщенную, максимально рационализированную по затратам материалов, но при этом такую, что отдельные ее образы смогли привлечь к себе внимание на международных выставках.

Вернемся к триумфу Ламановой на Выставке современного декоративного и промышленного искусства в Париже 1925 г.

После введения в 1921 г. новой экономической политики «ожил» частный сектор экономики. В середине 1920-х гг. вырос спрос на услуги портных, жены членов советского правительства активно заказывали наряды у кутюрье, имевших успех до революции. Работы Н.П. Ламановой считались особенно статусными. Появляется возможность, и она начинает использовать не только хлопчатобумажные и льняные, характерные для послереволюционного периода, но и более дорогие ткани: шелк, шифон, тонкая шерсть. Вытянутые прямые платья с заниженной талией, созвучные европейской моде и идеально адаптированные под конкретную фигуру и тип внешности, очень радовали состоятельных заказчиц модельера.

Также в рамках развития нэпа в 1924 г. Надежда Петровна открыла кустарную мастерскую. Эта мастерская стала «продолжением» закрытой в связи с «отсутствием кредитов» Мастерской современного костюма⁷. Она создавала наряды для российских выставок, выполняла заказы Кустэкспорта – организации, занимавшейся экспортом кустарно-художественных изделий, и других учрежде-

⁷ ГЦТМ. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 1.

ний для международных мероприятий. В данной работе акцент делался на народные мотивы и народное творчество. В основном они отображались в отделке нарядов. В том же духе была выполнена и коллекция костюмов для Парижской выставки 1925 г.

Международная выставка современного декоративного и промышленного искусства проходила в Париже с 28 апреля по 25 октября 1925 г., на ней экспонировались работы, связанные с современным декоративным искусством, архитектурой и дизайном. Именно эта выставка дала название господствующему в 1920-х гг. стилю ар-деко.

На ней были представлены национальными разделами двадцать одна страна: Франция, Великобритания, Австрия, Бельгия, Греция, Дания, Испания, Италия, Китай, Люксембург, Монако, Нидерланды, Польша, Турция, Финляндия, Швейцария, Швеция, Чехословакия, Югославия, Япония и СССР. Для Советской России выставка стала одним из первых крупных международных культурных мероприятий после начала нового витка истории страны. Также это событие сделалось важным актом культурного обмена между СССР и Францией в контексте установления дипломатических отношений между государствами, произошедшего в октябре 1924 г. Важно выделить и значение, которое участие именно в данной выставке оказывало на облик страны в глазах мировой общественности. На контрасте с дореволюционным блеском аристократической и творческой части России новая жесткая пролетарская страна в меньшей степени ассоциировалась с достижениями и вкусом в области декоративного искусства.

При подготовке коллекции моделей для выставки Н.П. Ламанова, продолжая идейно актуальную тенденцию национальных черт в costume, использовала «домотканый холст и рушники – народные полотенца, вышитые и вытканые, которые она и члены ее мастерской собирали среди знакомых и покупали в деревнях» [Захаржевская 2007, с. 209]. Простота кроя, пришедшая в моду в конце 1910-х гг., использовалась Надеждой Петровной по-своему, в духе времени. «Народный костюм, народная рубаха, рязанский шушпан – вот исходные, которые использовались художницей для создания новых моделей». «Прямому покрою и прямой форме платьев как нельзя больше подходили полотнища рушников, а узоры, их обрамлявшие, ложились каймой вышивки подола» [Захаржевская 2007, с. 209]. Таким образом, платья, сшитые из простых полотенец, применяемых как в эстетических целях, так и в контексте нехватки иной ткани, нужным образом интерпретированные и оформленные, стали модным трендом, вызывавшим интерес у парижан и при этом полностью отражавшим индивидуальный стиль модельера.

Говоря о декорировании и мебели, надо отметить, что они также были нестандартными. Все тот же дефицит рождал новые решения: «Не было пуговиц – Бартрам выпиливал и вырезал их из дерева, из орехов, плел из соломы. Не хватало аксессуаров – Мухина от руки расписывала шарфы и делала проекты рисунков для ткани» [Захаржевская 2007, с. 219]. Отметим, что Вера Игнатьевна Мухина особенно активно участвовала в разработке моделей выставки 1925 г.

На самой выставке Ламанова не присутствовала. Вероятно, ей не позволили поехать в Париж, и она не смогла увидеть успех созданных ею работ. Р.М. Кирсанова предполагает, что и Поль Пуаре, заинтересованный судьбой старого друга, обратил внимание на ее отсутствие, ведь «Надежда Ламанова не приехала в 1925 г. в Париж на Всемирную выставку, хотя разработанные ею модели были на ней представлены и заслужили высокой оценки...» [Алехина 2011, с. 78]. Мы можем лишь делать предположения о причинах отсутствия Ламановой и аргументах в пользу такого решения. Дорожили ли ею настолько, что не хотели бы лишиться столь ценного специалиста, реши она не возвращаться, или это было системным подходом ко всем людям ее положения, неизвестно. Мы читаем о том, как модельер «без колебаний приняла революцию» [Стриженова 1972, с. 36], но не осталась бы она в знакомом и комфортном Париже, остается только размышлять.

Необычный и современный дизайн моделей, шокирующе новый, экономически целесообразный и народно-колоритный, действительно вызвал бурю эмоций у европейской публики и заставил обратить на себя внимание. После утомительной интервенции, изоляции, внутренних потрясений СССР вышел на мировую арену и блеснул. Высокий профессионализм и фантазия Н.П. Ламановой и ее команды были оценены по достоинству. Высшая награда – Grand-Prix – была им присуждена по праву. «По логике построения, по эстетическому содержанию и по чувству национального колорита на Парижской выставке не было равных моделей» [Захаржевская 2007, с. 210].

В письме о награждении Н.П. Ламановой Grand-Prix говорится: «Ses costumes ont un double but: utiliser les étoffes les plus simples (fait à la main) et en même temps créer les formes. Non seulement correspondantes aux matériaux, mais les plus faciles à exécuter en masse pour la vie quotidienne»⁸ («Ее костюмы преследуют две цели: использовать самые простые ткани и в то же время создать форму. Не только соответствующую материалу, но и простую в массовом производстве для повседневной жизни»).

⁸ ПЦТМ. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 1.

Жюри парижской выставки оценило эстетическую, национально-колоритную сторону коллекции Ламановой, заключавшуюся в создании новых моделей в неповторимом стиле, а также практическую – легкость производства. Сама модельер получила почетный диплом.

Здесь интересно отметить, что, несмотря на высокую награду и внимание к работам Ламановой со стороны профессионалов, принимавших решение о награждении, мы не видим ее имени в таких известных модных французских изданиях, как «*Fémina*» и «*Très Parisien*» за 1925 г., в то время как специалисты находят заметное влияние ее работ на европейскую моду данного периода. Например, отмечается тенденция на создание ансамбля одежды, так как в образах Надежды Петровны не только костюм, но и другие предметы одевания создавались специально: «К каждой модели подбирались и делались соответствующие стилю и крою аксессуары: обувь, сумка, головной убор, украшения. Это породило тенденцию европейских модельеров к созданию платья в полном комплекте с другими предметами туалета, в том числе с парфюмерией» [Филатова 2006, с. 222].

Успех Ламановой на Выставке современного декоративного и промышленного искусства в Париже не был единичным опытом на международных мероприятиях для советского периода деятельности модельера. Надежда Петровна состояла членом кустарной секции Государственной Академии художественных наук, а с 1925 по 1932 г. сотрудничала с Кустэкспортом.

Еще в 1922 г. она пишет, что ее модели отправлены «в Лондон на выставку; часть отобрана отделом ИЗО с тем, чтобы отправить их на выставку в Германию...»⁹, а в 1929 г. Кустэкспорт направил ей письмо с поручением сделать «срочно 10 эскизов – моделей для выставки в Риге»¹⁰.

Работа Ламановой была отмечена не только в Париже. Модельер получила на выставке художественной промышленности ГАХН в 1923 г. высшую награду, на юбилейной выставке искусства народов СССР в 1927 г. – почетный диплом.

Деятельность модельера была востребованна. В 1922 г. «часть моделей посылалась в Мастерскую ИЗО в Петрограде, а также и в другие мастерские, как образцы...»¹¹. В 1923 г. отдел по делам музеев Наркомпроса обращался к ней «с просьбой принять участие в выставке Театрально-Декорационного искусства»¹².

⁹ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 341. Л. 3.

¹⁰ ГЦТМ. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 1.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 341. Л. 3.

¹² ГЦТМ. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 1.

В 1928 г. Техникум Кустарной Промышленности, «ознакомившись на летней выставке костюма... с... достижениями в области стандартизации костюма и выработки кустарных тканей», просил ее более подробно осветить прогресс в этой области¹³.

А в 1933 г. Государственный оперный театр им. Станиславского обращался с просьбой «прибыть на консультацию по костюму “Севильский Цирюльник” в МХТ»¹⁴.

Отметим, что в 1930-е гг. модельер работала в основном для театральной и хореографической сцены. С 1901 по 1941 г. ее деятельность была связана с созданием костюмов для спектаклей МХАТ. Ею были оформлены такие спектакли, как «Вишневый сад», «Женитьба Фигаро», «Анна Каренина», «Тартюф».

Работоспособность, увлеченность и вдохновенность Н.П. Ламановой на протяжении всей ее жизни отмечали современники.

Сама она писала: «С тех пор, как я стала на ноги и начала самостоятельную работу, меня всего более интересовала та художественная сторона в нашем костюмном деле, которую многие не замечают, но которая сейчас совершенно выявилась. Сделать одежду целесообразной и красивой – значит сделать жизнь вовсе не отдельных привилегированных людей, а жизнь широких слоев населения тоже более удобной и красивой. Об этом я и думала с ранних лет...» [Стриженова 1972, с. 38].

Здесь интересно заметить, что, с одной стороны, она всегда относилась к своему делу как к «искусству для искусства», стараясь сделать работы настолько эстетичными, насколько это возможно, не слепо следовать моде, а создавать произведение, прекрасное само по себе и украшающее обладателя, а не «втискивающее» его в заданный шаблон. Именно Ламанова начала опираться в моделировании на фигуру заказчика: драпировать наряд прямо на нем, скрывая лишнее и подчеркивая нужное, хотя в ее время среди портных было принято предлагать готовый силуэт вне зависимости от деталей. С другой стороны, она сумела не противопоставлять данную позицию, а вписать ее в систему «искусство для быта», которая провозглашалась с приходом новой идеологии. Примером могут служить предложенные Н.П. Ламановой методики с минимальными отходами производства, а также ее опыт создания моделей, которые были адаптированы для домашнего пошива и предлагались в различных журналах 1920-х гг.

Модельер описывала основную линию развития бытового костюма и ее связь с искусством: «Искусство должно проникнуть во все области жизненного обихода, развивая художественный вкус

¹³ Там же. Ед. хр. 18. Л. 1.

¹⁴ Там же. Ед. хр. 21. Л. 1.

и чутье в массах. Одежда является одним из наиболее подходящих проводников» [Филатова 2006, с. 220].

Саму себя Надежда Петровна называет «моделист, инструктор по моделированию, художник-моделист по костюмам»¹⁵, специалистом по «модели костюмов». Она отмечает как свою нацеленность непосредственно на создание моделей костюмов, так и склонность к передаче знаний другим.

«Ламанова не делала из своего искусства тайны, она щедро делилась своими наблюдениями, опытом и мастерством с помощниками и учениками» [Захаржевская 2007, с. 210]. Помимо деятельности, связанной с разработкой методики шитья и линии развития работы модельера как художника в современном обществе, Ламанова преподавала курс «Применение ткани в костюме», а также являлась профессором во ВХУТЕМАС. Разработанные Надеждой Петровной принципы создания одежды до сих пор актуальны, а ее школа дала стране большое количество модельеров, швей и художников по костюму высокого уровня.

Р.М. Кирсанова пишет о моделистке: «Среди тех, кто стоял у истоков создания нового стиля в российской моде XX века, в первую очередь следует назвать Надежду Ламанову, художницу, заявившую о себе еще в конце XIX века. Она была первой в России портнихой, превратившей свое ремесло в искусство и попытавшейся обучить этому искусству других. Будучи прекрасным знатоком традиционного русского костюма, Ламанова сумела создать на его основе остро модную коллекцию. Сшитые из льняных полотенец, которые были украшены подлинными или исполненными по эскизам В. Мухиной вышивками в традиционном стиле и дополнены деревянными пуговицами и бусами, расписанными вручную в мастерской Н. Бартрама, ее костюмы являли собой редкое сочетание изысканной моды и традиционного, легко узнаваемого русского стиля» [Кирсанова 2005, с. 217].

Нужно заметить, что, несмотря на большой вклад Надежды Петровны в развитие модного дела, востребованность ее работ в различных сферах и успех на выставках и иных мероприятиях, отношение к модельеру и ее положение уже не были такими, как до Октябрьской революции. Если раньше она принадлежала к кругу весьма состоятельных людей, имела недвижимое имущество, руководила собственным делом, то после смены режима, как и многие талантливые и ранее не бедствовавшие люди, она уже не могла рассчитывать на такой почет и комфорт. Удостоверение, датированное 7 октября 1922 г., подтверждает, что Н.П. Ламановой «необходима вторая

¹⁵ ГЦТМ. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 27. Л. 1–2.

комната, кроме жилой, для ее специальных научных работ»¹⁶. Того же вопроса касаются и документы от 23 декабря 1922 г.¹⁷ и 23 декабря 1923 г.¹⁸ И это в отношении человека, который большую часть сознательной жизни каждый год посещал Париж, имел помещения мастерской на Тверской улице в Москве и дом рядом. Можно лишь размышлять, легко ли было создавать что-то красивое, вписывать воплощения новой эстетики в свои работы и не разочароваться в призвании.

В 1928 г., после невероятного триумфа в Париже, после успешных отечественных выставок и формирования понимания нового, пролетарского наряда Ламанову лишили избирательных прав как кустаря, имеющего двух наемных работниц. Здесь можно вспомнить о созданной модельером по поручению Наркомпроса Мастерской современного костюма, которая имела статус государственной до того, как в 1924 г. прекратила существование в силу лишения материальной поддержки, что вынудило модельера восстановить ее работу в формате кустарной. Ламанова была восстановлена в избирательных правах в 1930 г.¹⁹

Надежда Петровна умерла в октябре 1941 г. от сердечного приступа. Существуют несколько версий ее смерти. Однако большинство из них сходятся на том, что во время эвакуации Надежду Ламанову «забыли», а известие об этом окончательно подорвало ее и так плохое состояние здоровья.

Автор самой блестящей советской коллекции одежды довоенного времени, которую признали лучшей на Всемирной выставке, человек, всю жизнь посвятивший служению профессии, создавший множество произведений искусства и внесший огромный вклад в развитие культуры, скончался, забытый коллегами, на скамейке в охваченной паникой первых месяцев войны Москве.

После смерти модельера прошло уже более семидесяти лет, а имя Ламановой на слуху у большинства людей, интересующихся историей моды. Неповторимые, элегантные и наполненные своеобразием и красотой костюмы, к которым Надежда Петровна «приложила руку», хранятся в лучших музеях и восхищают тысячи людей, а разработанные ею принципы построения костюма до сих пор используются специалистами.

Отметим, что, помимо развития теории моды и потрясающих костюмов, модельер оставила после себя и документальное наследие.

---

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 341. Л. 4.

¹⁷ Там же. Л. 6.

¹⁸ Там же. Л. 7.

¹⁹ ГЦТМ. Ф. 141. Оп.1. Ед. хр. 45. Л. 1.

Заметный комплекс документов, связанных с жизнью и профессиональной деятельностью Надежды Петровны, отложился в российских архивах. Отдельно нужно отметить Государственный центральный театральный музей имени А.А. Бахрушина (ГЦТМ им. А.А. Бахрушина).

Личный фонд Н.П. Ламановой²⁰ хранится в архивно-рукописном отделе ГЦТМ им. Бахрушина. Авторами настоящей статьи был проанализирован фонд и составлен его обзор.

Фонд номер 141 «Ламанова Н.П.» имеет 1 опись и хронологические рамки 1918–1941 гг. В путеводителе по фондам музея информация о фонде представлена в таком виде: «Ламанова (по мужу Каютова, вариант: Ламанова-Каютова) Надежда Петровна (1862–1941) – художник-костюмер, работала в театре им. Евг. Вахтангова (1924–1929), во МХАТе (с 1932)».

Фонд насчитывает пятьдесят девять единиц хранения.

Внутри фонда дела расположены в хронологическом порядке. Чтобы рассмотреть документы фонда, мы сгруппировали их в виде следующих разделов:

1. Письма к Н.П. Ламановой от частных лиц.
2. Письма органов и учреждений к Н.П. Ламановой.
3. Материалы о биографии Н.П. Ламановой.
4. Отзывы о работе Н.П. Ламановой.

Документы первого раздела («Письма к Н.П. Ламановой от частных лиц») можно разделить на письма личного характера и связанные с профессиональной деятельностью Н.П. Ламановой. Всего в этом разделе насчитывается двенадцать единиц хранения.

К первой группе отнесены письма, представляющие собой часть личной переписки Надежды Петровны. Корреспондентами являются в основном деятели искусства.

В качестве примера приведем письма актрисы Московского Художественного академического театра (МХАТ), супруги А.П. Чехова Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой от 28 июля 1931 г.²¹, 11 мая 1933 г.²² и 8 июня 1936 г.²³ В первом Ольга Леонардовна выражает соболезнования по поводу смерти мужа Надежды Петровны, а во втором и третьем благодарит модельера за костюмы, созданные для актрисы.

---

²⁰ ГЦТМ. Ф. 141. Оп. 1.

²¹ Там же. Ед. хр. 3. Л. 1.

²² Там же. Ед. хр. 4. Л. 1.

²³ Там же. Ед. хр. 5. Л. 1.

Письмо же советского театрального художника Ниссона Абрамовича Шифрина от 11 декабря 1937 г.²⁴ содержит повествование о поездке автора на Дальний Восток, сопровождающееся красочными описаниями красот местной природы и рассказами о работе, а также слова восхищения делом Ламановой.

Ко второй группе первого раздела отнесены письма, адресантами которых являются частные лица, а адресатом – Надежда Петровна, касающиеся рабочих моментов. Они содержат благодарности, предложения о сотрудничестве и различные просьбы, связанные с профессиональной деятельностью модельера.

Одним из ярких примеров таких документов является письмо Василия Васильевича Кандинского – художника, теоретика искусства, в 1918–1919 гг. – члена художественной коллегии Отдела ИЗО Наркомпроса, и в 1919–1921 гг. – председателя Всероссийской закупочной комиссии, от 27 июня 1921 г.²⁵ Василий Васильевич приглашал модельстку к сотрудничеству в рамках деятельности Научно-художественной комиссии при Главном художественном комитете.

К документам второго раздела («Письма органов и учреждений к Н.П. Ламановой») отнесем письма от органов и организаций о Н.П. Ламановой в иные органы. Документы разделены на две группы. Письма раздела касаются работы Надежды Петровны: содержат просьбы поучаствовать в различных мероприятиях, представить свои модели в тех или иных местах, а также связаны с социальными вопросами. К документам этого раздела относятся тринадцать единиц хранения.

В первой группе второго раздела можно выделить письмо Отдела по делам музеев Наркомпроса от 25 апреля 1923 г.²⁶, в котором модельера просят принять участие в выставке Театрально-Декорационного искусства и уточняют контактное лицо – хранителя музея Н.В. Гиляровскую.

В письме Российской академии художественных наук (РАХН, с 1924 г. – Государственная академия художественных наук) от 1925 г.²⁷ содержится приглашение на заседание секции декоративно-прикладных и пространственных искусств.

Редакция юбилейного словаря членов ГАХН 14 мая 1926 г.²⁸ просила Н.П. Ламанову предоставить для создаваемого словаря автобиографию, полагая, что ее отсутствие в нем явилось бы «крупным уроном для издания».

²⁴ Там же. Ед. хр. 11. Л. 1–2.

²⁵ Там же. Ед. хр. 6. Л. 1.

²⁶ Там же. Ед. хр. 20. Л. 1.

²⁷ Там же. Ед. хр. 13. Л. 1.

²⁸ Там же. Ед. хр. 14. Л. 1.

Комитет Отдела СССР Парижской выставки 1925 г. в письме от 21 мая 1926 г.²⁹ сообщал модельеру, что Международное жюри Выставки присудило ей почетный диплом. Отметим, что данный документ является копией.

В письме Кустэкспорта от 27 декабря 1929 г.³⁰ организация поручает Ламановой в скором времени создать 10 эскизов-моделей для выставки в Риге, а Оперный театр им. К.С. Станиславского в письме от 21 апреля 1933 г.³¹ в лице заведующего постановочной частью просит Надежду Петровну прибыть на консультацию по костюмам к спектаклю. В фонде представлена копия документа.

Переходя ко второй группе второго раздела, рассмотрим письма органов или организаций, относящиеся к Ламановой и ее деятельности, в иные органы и организации. Приведем письмо Главного управления научными, научно-художественными и музейными учреждениями от 4 июня 1924 г.³² в Научно-лабораторную художественную мастерскую «Современный костюм», подтверждающее, что Мастерская, работающая под руководством модельера, успешно выполняет данные ей задания.

Также ярким примером является письмо о награждении Н.П. Ламановой Гран При на Всемирной выставке в Париже 1925 г.³³ Это машинописное письмо на французском языке, в котором выделены те решения в области современного костюма, которые использовала модельер при подготовке моделей к выставке.

Письмо, направленное коммерческим директором Кустэкспорта в Центризбирком РСФСР и относящееся примерно к апрелю–маю 1930 г.³⁴, о восстановлении Н.П. Ламановой в избирательных правах также заслуживает особого внимания. В письме упоминаются успех моделей кутюрье на международной арене, а сама она названа исключительным художником и специалистом. Этот документ связан с социальными вопросами.

К документам третьего раздела («Материалы к биографии Н.П. Ламановой») отнесены материалы, позволяющие более точно изучить биографию Ламановой. Среди них документы, содержащие перечни выставок и работ модельера, приказы, договоры, соглашения, удостоверения, выписки из протоколов, справки и другие документы фонда, на основании которых можно проследить некоторые события в жизни и профессиональной деятельности моделистки.

²⁹ ГЦТМ. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 1.

³⁰ Там же. Ед. хр. 19. Л. 1.

³¹ Там же. Ед. хр. 21. Л. 1.

³² Там же. Ед. хр. 24. Л. 1.

³³ Там же. Ед. хр. 12. Л. 1.

³⁴ Там же. Ед. хр. 25. Л. 1.

Их также предлагается рассматривать, объединив в группы. В этот раздел входят двадцать восемь единиц хранения.

К документам первой группы относятся приказы руководителей органов и учреждений, касающиеся Н.П. Ламановой, и ее договоры с различными организациями и органами. Эти документы регламентируют и регулируют отношения между модельером и ее работодателями и позволяют получить представление о том, в каких организациях и в какой период она работала.

Приведем Договор между МХАТ в лице его исполнительного директора В.В. Лужского и Н.П. Ламановой о создании всех мужских и женских костюмов к постановке «Женитьба Фигаро» от октября 1926 г.³⁵ Этот договор свидетельствует об обязательствах кутюрье наблюдать за исполнением всех костюмов и инструктировать закройщиц и мастериц, а также раскрывает информацию о финансовой стороне.

К документам второй группы относятся трудовые соглашения организаций с Н.П. Ламановой, которые также регламентируют отношения модельера с работодателем, содержат сведения о видах работ, деталях и сроках их исполнения, размерах и сроке оплаты.

Здесь можно отметить соглашение Центрального театра Красной армии в лице заведующего постановочной частью Д.И. Гольдман с художником-консультантом Н.П. Ламановой от 10 июня 1937 г.³⁶ Соглашение касается создания женских и мужских костюмов к постановке «Укрощение строптивой». Соглашение также регламентирует сроки выполнения работ, размер и сроки оплаты.

К документам третьей группы третьего раздела относятся удостоверения, выданные Н.П. Ламановой в контексте ее профессиональной деятельности.

Значительная часть удостоверений связана с Мастерской современного костюма. Например, удостоверение, выданное Надежде Петровне Главнаукой 5 декабря 1922 г.³⁷, свидетельствует о том, что она с 1 мая 1919 г. по 1 января 1922 г. работала в Отделе ИЗО Наркомпроса инструктором по художественной промышленности и заведовала Мастерской.

К четвертой группе документов третьего раздела относятся справки, выданные модельеру органами и организациями.

В фонде находятся справки, связанные с работой Ламановой в театрах, участием в выставках.

В пятой группе документов третьего раздела рассматриваются выписки из протоколов заседаний различных органов, связанные

---

³⁵ Там же. Ед. хр. 50. Л. 1.

³⁶ Там же. Ед. хр. 53. Л. 1.

³⁷ Там же. Ед. хр. 37. Л. 1.

с Н.П. Ламановой. Они касаются социальных вопросов и жизни Ламановой, а также ее профессиональной деятельности.

В шестой группе третьего раздела объединены художественные произведения, связанные с моделисткой: посвященное ей стихотворение «Самое свежее воспоминание о том, что случилось вчера»³⁸, написанное в 1927 г., и заметку о ней из газеты «Вахтанговец» 1940 г., содержащую высокую оценку ее вклада в эстетическое развитие участников спектакля «Принцесса Турандот».

В седьмой группе находятся документы автобиографического характера: автобиография, анкеты и др. Приведен перечень работ Н.П. Ламановой с 1918 г.³⁹ (предположительно по 1930 г., точная дата создания документа неизвестна, но этим годом оканчивается список), касающихся деятельности в области оформления театральных костюмов. Документ позволяет составить впечатление о разнообразии опыта модельера в театральной сфере: представлены как работы для хореографической сцены, так и к драматическим спектаклям, операм.

В четвертом разделе («Отзывы о работе Н.П. Ламановой») рассмотрены документы, раскрывающие взгляд современников на профессиональную деятельность модельера, – отзывы о ее работе. В фонде представлены три таких документа.

Первый – отзыв бывшей ученицы моделистки Веры Смариной⁴⁰. Этот машинописный документ содержит информацию о созданной Н.П. Ламановой школе по общеобразовательным предметам и о теплом личном отношении художницы к ученицам.

Второй документ – отзыв действительного члена ГАХН и руководителя кустарной группы, художника Н.Д. Бартрама⁴¹. В отзыве говорится о плодотворной лабораторной работе Н.П. Ламановой в области создания рационально построенного костюма.

Третий документ – отзыв о работе Н.П. Ламановой президента ГАХН П.С. Когана⁴². В отзыве содержится информация о характере труда модельера и отрицается возможность причисления модельера к лицам, работающим на заказчика в корыстных целях.

Подводя итоги, отметим, что данный фонд, с одной стороны, отражает профессиональное развитие Надежды Петровны: из договоров и официальных писем организаций, а также анкет можно узнать, где, когда и кем Ламанова работала, изучить условия ее труда, оплату, с другой – дает возможность оценить ее

³⁸ ГЦТМ. Ф. 141. Оп. 1. Ед. хр. 58. Л. 1.

³⁹ Там же. Ед. хр. 2. Л. 1–2.

⁴⁰ Там же. Ед. хр. 57. Л. 1.

⁴¹ Там же. Ед. хр. 55. Л. 1.

⁴² Там же. Ед. хр. 56. Л. 1.

личностные качества или же узнать о ее происхождении, родственниках.

Изучая документы фонда, можно сделать выводы о взаимоотношениях между модельером и другими известными театральными деятелями и об отношении последних к иным людям или событиям.

Отметим, что все представленные в собрании музея документы, относящиеся к Н.П. Ламановой и ее деятельности, важны для изучения вклада моделистки в развитие женской моды, поскольку на творчество модельера оказывают влияние как личные обстоятельства, так и конкретные условия труда, связанные с устройством на должность, правами, обязанностями, сопровождающими процесс работы.

Документальное наследие, отложившееся в архивно-рукописном отделе Государственного центрального театрального музея имени А.А. Бахрушина, позволяет почерпнуть разностороннюю информацию, связанную с личностью Ламановой и ее влиянием на женскую русскую и европейскую моду.

Литература

- Алехина 2011 – *Алехина С.А. Poiret – король моды*. М.: Гос. историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 2011. 307 с.
- Захаржевская 2007 – *Захаржевская Р.В. История костюма: От античности до современности*. М.: РИПОЛ Классик, 2007. 288 с.
- Кирсанова 2005 – *Кирсанова Р.М. Костюм в русской художественной культуре: XVIII – первой половине XX в.* М., 2005. 383 с.
- Кирсанова 2017 – *Кирсанова Р.М. Легенда русской моды // Вестник культурологии*. 2017. № 3 (82). С. 185–187.
- Стриженова 1972 – *Стриженова Т.К. Из истории советского костюма*. М.: Советский художник, 1972. 110 с.
- Филатова 2006 – *Филатова Н.А. Феномен Надежды Ламановой: искусство и реальность // Вестник русского балета им. А.Я. Вагановой*. 2006. № 16. С. 212–229.

Reference

- Alyokhina, S.A. (2011), *Poiret – korol' mody* [Poiret – the king of fashion], State Historical and Cultural Museum-Reserve “Moscow Kremlin”, Moscow, Russia.
- Filatova, N.A. (2006), “The phenomenon of Nadezhda Lamanova. Art and reality”, *Vestnik russkogo baleta im. A.Ya. Vaganova*, no. 16, pp. 212–229.
- Kirsanova, R.M. (2005), *Kostyum v russkoi khudozhestvennoi kul'ture: XVIII – pervoi polovine XX v.* [Costume in Russian artistic culture of 18th – the first half of the 20th centuries], Moscow, Russia.

- Kirsanova, R.M. (2017), “The legend of Russian fashion”, *Vestnik kulturologii*, vol. 82, no. 3, pp. 185–187.
- Strizhenova, T.K. (1972), *Iz istorii sovetskogo kostyuma* [From the history of the Soviet costume], Soviety hudozhnik, Moscow, Russia.
- Zakharzhevskaya, R.V. (2007), *Istoriya kostyuma: Ot antichnosti do sovremennosti* [The history of the costume. From antiquity to the present], RIPOLL Classic, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Анна А. Кузнецова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; ORCID: 0000-0002-8606-2717; akuznetsova2020@mail.ru

Олег Г. Санин, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; ORCID ID: 0000-0002-4500-7332; osanin@mail.ru

Information about the authors

Anna A. Kuznetsova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia; ORCID ID: 0000-0002-8606-2717; akuznetsova2020@mail.ru

Oleg G. Sanin, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; ORCID ID: 0000-0002-4500-7332; osanin@mail.ru

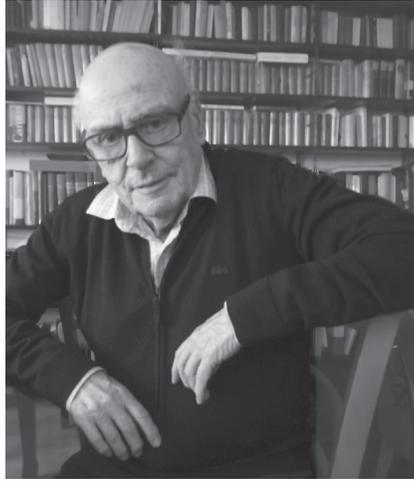
In Memoriam

УДК 930.25

DOI: 10.28995/2658-6541-2022-1-141-144

Памяти Шарля Кечкемети

В 2021 г. не стало Шарля Кечкемети – выдающегося историка и архивоведа, члена редколлегии нашего журнала.

Он был нашим Учителем, Коллегой, Другом.

Шарль Кечкемети родился в 1933 г. В 11 лет он остался без отца, погибшего в Освенциме. Его отец был профессиональным лингвистом, от него Шарль и унаследовал способности к языкам. В 1956 г. Шарль Кечкемети окончил исторический факультет Будапештского университета им. Лоранда Этеша, где получил специальность историка-архивиста. В том же году после известных событий он покинул Венгрию и приехал в Париж, где по рекомендации директора архивов Франции Шарля Бребана стал начальником секретариата Международного совета архивов (МСА).

Служа в Международном совете архивов, Шарль Кечкемети стремился к тому, чтобы архивисты всего мира смогли бы выбрать общую единую стратегию в условиях документного бума 1960-х – начала 1970-х гг.

© Хорхордина Т.И., вступительная статья, 2022

В 1962 г. Кечкемети был избран Генеральным секретарем Международного совета архивов. Занимая этот пост в течение 36 лет, до 1998 г., он снискал уважение и признательность мирового профессионального сообщества архивистов. Он всегда ратовал за то, что международная организация архивистов должна работать только на принципе нейтральности, не отдавая предпочтения ни одной из национальных доктрин.

Им был впервые поставлен вопрос об архивах как неотъемлемых атрибутах государственности.

Шарль Кечкемети был другом нашей страны, живо интересовался процессами, происходившими в российском архивном деле. Так, он инициировал масштабный международный архивный проект, не имевший аналогов в мировой истории архивного дела – компьютеризацию архива Коминтерна, хранящегося в России, в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). Он сумел найти поддержку проекту в лице МСА, ЮНЕСКО и Совета Европы. В.П. Козлов, в то время руководитель Росархива, вспоминает, что Шарль Кечкемети развернул активную работу по поиску денежных средств для реализации проекта. Благодаря ему в 1996 г. между Росархивом и МСА было подписано соглашение «О принципах проекта компьютеризации архива Коминтерна». Он понимал, что доступ к историческим источникам зависит от того, в какой степени они описаны, т. е. от качества системы научно-справочного аппарата архивов, связывающей воедино документы с базой данных. Чтобы облегчить работу исследователей, Ш. Кечкемети поддержал путь массовой оцифровки крупных документальных комплексов.

Реализация проекта в 1996–2004 гг. дала возможность создать современную информационную систему по архиву Коминтерна. В результате мировое научное сообщество получило возможность проводить тематический поиск документов и иметь в своем распоряжении оцифрованные копии более 1 млн страниц документов. Проект, реализованный в Москве, радикальным образом улучшил условия работы исследователей с этим массивом документов, характеризующих мировое коммунистическое движение в межвоенный период.

В год Пекинского международного конгресса архивов, в 1996 г., во время визита в Росархив Шарль Кечкемети признал, что назрела необходимость решения вопроса о координирующем органе архивных служб СНГ, поскольку созданы возможности для оформления региональной организации. После подготовительной работы в структуре МСА в 2000 г. было образовано новое региональное отделение – ЕВРАЗИКА, основу которого составляют архивы государств-участников СНГ и Монголии. И уже через три года в рамках

отделения и непосредственно в архивных службах Венгрии, Германии, Польши по примеру стран СНГ, входящих в региональное отделение ЕВРАЗИКА, также начали решать задачи интеграции архивов бывших компартий в систему государственных архивных служб. А еще через три года при обсуждении общих проблем документального наследия в контексте гуманитарного сотрудничества государств-участников СНГ руководителем Росархива В.П. Козловым были предложены совместные проекты, жизненно необходимые для граждан бывшего СССР: создание базы данных о местах хранения документов по личному составу – трудовых историй, автоматизация центральных фондовых каталогов архивных служб СНГ и их объединения в единую базу данных и т. д.

Одним из достижений Шарля Кечкемети на посту Генерального секретаря МСА стал европейский стандарт о доступе к архивным документам, который был принят после огромной подготовительной и организационной работы в 2000 г. Проект рекомендаций по стандарту европейской политики в отношении доступа к архивам был одобрен и утвержден на Международной научной конференции «Историки и архивисты: сотрудничество в сохранении и познании прошлого в интересах настоящего и будущего», состоявшейся в Москве 27–28 ноября 1997 г. На московской конференции Шарль Кечкемети говорил об архивах как важной и неотъемлемой части культурного наследия, сохраняющего память наций.

Шарль Кечкемети заинтересованно следил и за развитием российской архивоведческой мысли и науки об архивах, близко к сердцу принимая порой несправедливые суждения некоторых западных коллег. Так, в 2000 г. на XIV Международном конгрессе архивов при обсуждении проблем архивоведения как научной дисциплины некоторые докладчики пытались замолчать вклад ученых нашей страны в развитие науки об архивах. Шарль Кечкемети же на этом Конгрессе в ответ высказал свое мнение: «Налицо поразительное напряжение мысли по сравнению с другими странами. Мне кажется, что Россия – страна, где больше всего размышляют над фундаментальными вопросами архивистики». Его слова лишний раз доказывают, что субъективный подход не должен соответствовать ни общей политике МСА, ни практике проведения международных форумов архивистов.

Шарль Кечкемети живо откликался на научные труды российских архивоведов, сожалея при этом, что архивисты западных стран мало занимаются историей архивов и архивного дела. В поздравлении автору настоящих строк с выходом книги по истории архивоведческой мысли он отметил, что это «пионерский труд», который открывает два новых направления исследований: развитие концепции глобального документального пространства теми, кто

ответственен за его сохранение, и, что еще более важно, целостный комплекс биографических сведений, т. е. установление просопографических рамок, необходимых для понимания истории архивов и архивистики России. Он выражал надежду, что книга послужит стимулом для проведения аналогичных исследований в других странах.

Несмотря на то что в последние годы возросло количество архивоведческой литературы во многих странах (особенно в России и Канаде), Шарль Кечкемети отмечал, что не создано еще ни архивной энциклопедии, ни биографического словаря архивистов, ни даже достаточно подробной всеобщей истории архивов. И особо подчеркивал: «По моему впечатлению, на данный момент только Россия в состоянии реализовать подобные проекты». И он оказался провидцем: именно в нашей стране по инициативе Российского общества историков-архивистов вышла в свет в 2020 г. всеобъемлющая электронная архивная энциклопедия.

Подвижническая деятельность Шарля Кечкемети поражает своей многогранностью: наряду с колоссальной организационной работой в МСА, в том числе по созданию архивной отрасли в странах третьего мира и прочего, он был многие годы профессором Сорбонны, публиковал глубокие теоретические труды по архивоведению и истории архивного дела.

Шарль Кечкемети ненавязчиво давал неравнодушные советы и обладал огромным тактом. Он был душевно щедрым и благородным, великодушным человеком. Когда мы обратились к нему с просьбой разрешить нам опубликовать его эссе «Взгляд на историю архивоведения», где он подводил итог международному сотрудничеству архивистов за 100 лет, размышлял об эволюции архивного дела и архивоведения с конца XVI в. и до сегодняшнего времени, в том числе о появившихся электронных архивах, Шарль Кечкемети любезно разрешил опубликовать это глубокое исследование в учебнике кафедры истории и организации архивного дела «Всеобщая история архивов: История и организация архивного дела в странах Европы» (Ч. 1. М.: РГГУ, 2019).

Мы благодарны судьбе за неизменно теплые и интересные встречи и переписку с этим талантливым человеком, выдающимся ученым и организатором науки и мирового сообщества архивистов.

Ниже мы публикуем интервью, взятое у Шарля Кечкемети известным специалистом по истории и современному состоянию архивов Франции В.Б. Томас-Прозоровой в апреле 2019 г. Сердечно благодарим Викторину Борисовну, что она дала это интервью для публикации именно в наш журнал.

Т.И. Хорхордина

«В профессии архивиста нужно всегда идти вперед
вместе со своим временем
и приобретать новые знания...»:
интервью с Шарлем Кечкемети (2019 г.)

Для цитирования: «В профессии архивиста нужно всегда идти вперед вместе со своим временем и приобретать новые знания...»: интервью с Шарлем Кечкемети (2019 г.) / Вступ. ст. Т.И. Хорхординой; зап. интервью и пер. с фр. В.Б. Томас-Прозоровой // История и архивы. 2022. № 1. С. 145–160. DOI: 10.28995/2658-6541-2022-1-145-160

“In the profession of an archivist
one should always move forward keeping up
with the times and acquire new knowledge...”.
Interview with Charles Kecskeméti (2019)

For citation: “ ‘In the profession of an archivist, one should always move forward keeping up with the times and acquire new knowledge...’. Interview with Charles Kecskeméti (2019)”, Khorkhordina, T.I. (foreword); Thomas-Prozorova, V.B. (interviewer and translator), *History and Archives*, no. 1, pp. 145–160, DOI: 10.28995/2658-6541-2022-1-145-160

Публикуемое интервью, длившееся 56 минут, было записано В.Б. Томас-Прозоровой 8 мая 2019 г. дома у Шарля Кечкемети, в г. Антони во Франции. Вопросы, заданные в ходе этого интервью, которое задумывалось как первое в серии, были разработаны П. Пейковым и В. Томас-Прозоровой и заранее предоставлены Шарлю Кечкемети. Группировка вопросов, несколько отличная от исходного вопросника, объясняется пожеланиями Шарля Кечкемети: о профессиональном пути; об архивоведении и архивном деле страны респондента; экспертиза ценности и комплектование; о международном сотрудничестве и МСА; о характере, судьбах и признании архивистов; о современных проблемах и задачах архивоведения и архивном деле; об архивной науке и теории; о современных проблемах и задачах архивоведения.

До перевода на русский язык расшифровка интервью была предоставлена Шарлю Кечкемети, и он внес небольшую, в основном стилистическую, правку в ответы на несколько вопросов, кроме вопросов № 35, 37, 39 и 40 (уточнил название пригорода Оттавы, куда переехал Государственный архив Канады; уточнил, какие именно структуры Евросоюза не сдают свои архивы в его архивную службу; проверил название РЦХИДНИ на французском). Публикатор посчитал возможным указать на разночтение первоначальной расшифровки и окончательной редакции интервьюируемого ученого лишь там, где редактирование касалось не стилистики, а смысла высказывания, в частности оценок.

В.Б. Томас-Прозорова

В.П.: Итак, интервью с Шарлем Кечкемети, записанное 8 мая 2019 г., у него дома. Первые вопросы: Если бы можно было вернуть назад время, выбрали ли Вы снова, зная Ваш профессиональный путь, профессию архивиста?

Ш.К.: Отвечу просто: да.

В.П.: Какой была тема Вашей дипломной работы и почему Вы выбрали такую тему?

Ш.К.: Сюжетом моей дипломной работы на звание магистра была история коммуны, находящейся недалеко от Будапешта. (*Шарль Кечкемети идет в рабочий кабинет и приносит небольшую книгу в мягком переплете.*) Я разобрал архивы этой коммуны и затем составил краткое описание ее истории за XIX век, точнее за период между серединой XVIII и концом XIX в. Эта коммуна называется Тёк, и моя дипломная работа была опубликована муниципалитетом этой деревни около десяти лет назад.

В.П.: Какой была тема Вашей кандидатской диссертации и что определило ее выбор?

Ш.К.: Темой моей кандидатской диссертации был «Венгерский либерализм между 1790 и 1848 гг.». Мне было просто выбрать тему, потому что этот период называют в Венгрии «эра реформ», это было время, когда венгерский либерализм оформился как движение и как партия. И этот период был мне очень интересен. Я исследовал архивы этого периода, в частности о работе венгерского Сейма, поскольку история парламентаризма – это также область, которая меня сильно интересует.

В.П.: Это были архивы во Франции и в Венгрии?

Ш.К.: В Венгрии. Я писал эту диссертацию во Франции, но я ездил на несколько месяцев в Венгрию, чтобы заниматься исследовательской работой.

В.П.: Следующий вопрос: кто были Вашими учителями в профессии и что из их наследия Вы обязательно передали бы следующим поколениям архивистов?

Ш.К.: С венгерской стороны моим учителем был Иван Борща – директор Центра Национального архива. Это был выдающийся человек, очень крупный архивист, и в то же время – замечательный историк. Связь с ним я сохранил даже тогда, когда я уже был во Франции; мы встречались, я ездил несколько раз повидать его в Венгрию. Это был человек, овладевший всем в профессии архивиста, человек, у которого был архивный ум... Как лучше сказать? Всеобъемлющий архивный ум.

Во Франции я многому научился у двух выдающихся архивистов. У Шарля Бребана, который после моего прибытия во Францию сначала нашел мне временную работу в Архиве заморских территорий, затем взял меня на работу архивистом по контракту в Национальный архив. А там на меня возложили работу для Международного совета архивов, сначала для журнала «Архивум», а затем, с 1961–1962 гг., в секретариате международного совета архивов. Другой человек, который меня многому научил и рядом с которым я обучился работе в международных структурах, – Робер-Анри Ботье, работавший тогда в архивной системе Франции, а затем ставший профессором Национальной школы хартий.

В.П.: А были ли Вы чем-либо разочарованы в работе по специальности архивиста, которую Вам пришлось выполнять?

Ш.К.: Это лишь разочарование всех архивистов, видящих скромные ресурсы, инвестируемые в разных странах в архивы.

В.П.: А стало ли что-нибудь, в Вашем случае, напротив, приятным сюрпризом в профессии архивиста?

Ш.К.: Приятных сюрпризов было много. В частности, когда я работал в Африке, таковыми оказались встречи с министрами и главами государств, проявившими интерес к организации архивов в своих странах. И по их просьбе я смог, как точнее сказать... внести вклад в организацию архивов этих стран. В Верхней Вольте, которая сегодня называется Буркина Фасо, правительство возложило на меня подготовку декрета о создании Национального архивного центра.

В.П.: Да, это действительно прекрасный опыт! Можно ненадолго вернуться к образованию? Поскольку Вы получили архивную подготовку, скажите, значительным ли был для Вас разрыв между, с одной стороны, университетским образованием и теорией и архивной практикой, с другой стороны, и как Вы его преодолели?

Ш.К.: У всех архивистов имеется опыт на этот счет. Теоретическая подготовка для вхождения в профессию интеллектуально готовит вас к тому, чтобы обучиться ремеслу, занимаясь им.

В.П.: Да! А тот факт, что Вы прошли обучение в одной стране, а затем работали в другой, не создал для Вас особенных проблем?

Ш.К.: Нет, это проблем не создало. Когда я прибыл во Францию, меня тут же зачислили на Международный технический архивный стаж, который тогда начинался, он длился с января по апрель. Там я действительно оказался в международных кругах, и полученное мной образование соответствовало тому образованию, которые мои коллеги по Стажу получили в своих странах.

В.П.: Ясно. Затем, Вы можете ответить по поводу страны, которую сами выберете, может быть, по поводу Франции... Какой момент или период является самым важным в истории архивов Франции?

Ш.К.: Я считаю, что было несколько важных периодов. Прежде всего, таким был период создания Национальных архивов, т. е. революционный период и период Революции и Империи. Затем важным был период 1840 г., открытия архивов для исследований, первые исследования. Затем, была организация архивов: сначала при Второй империи организация Национального архива, и затем, позже, организация департаментских архивов¹. Таким образом, необходимо изучать историю архивов Франции, в ней всегда есть важные периоды или события, важные положения. И так дело обстоит до наших дней.

В.П.: Есть ли, на Ваш взгляд, период, заслуживающий того, чтобы его лучше изучили или проанализировали относительно того, что знает о нем современная историография?

Ш.К.: Не знаю. Возможно, я не мог бы ответить, поскольку я не знаю достаточно историческую литературу. У меня впечатление, что период между Великой французской революцией и 1840-ми гг., когда много чего произошло, но, как бы сказать, каким именно образом в точности, как мне кажется, мы об этом не знаем. Но здесь я могу ошибаться. Так что историки должны бы больше интересоваться периодом 1820–1830-х гг.

В.П.: А эпоха Шарля Бребана, о которой Вы только что говорили?

Ш.К.: Эпоха Шарля Бребана – это 1949–1958 гг. И я убежден, что этот период должен быть изучен более подробно, потому что тогда много всего произошло, и мне кажется, что имя Шарля Бребана не очень уж известно современному поколению архивистов.

В.П.: Да-да, это жаль. Если говорить о том, что сделано Шарлем Бребаном, то это, конечно же, организация архивов. И, на Ваш взгляд, каковы лучшая организация и подчиненность архивной

---

¹ Скорее всего, Ш. Кечкемети имеет в виду получение Национальным и департаментским архивами корпуса актов, регламентировавших их деятельность.

отрасли: премьер-министру, президенту, министерству культуры, внутренних дел, юстиции или какому-то другому?

Ш.К.: Я хотел бы еще раз вернуться к Шарлю Бребану, потому что это Шарль Бребан создал Международный совет архивов и реально запустил его в работу. Итак, когда я приступил затем к работе в секретариате Совета, я смог работать в нормальных условиях, потому что Международный совет архивов уже был структурирован, что было заслугой Бребана, которому помогали Ги дю Боск, ставший несколько лет спустя директором архивов, и Робер-Анри Ботье. Давайте вернемся к Вашему вопросу, который касался...

В.П.: Организации, лучшей подчиненности архивной отрасли.

Ш.К.: Здесь вопрос...

В.П.: Вопрос большой для многих стран...

Ш.К.: Вопрос... я вспоминаю одну дискуссию с итальянскими архивистами. Итак, это было в шестидесятые годы, я полагаю... или... в конце шестидесятых, да. Итальянские архивисты были очень довольны, когда они перешли в подчинение министерству культуры от МВД, потому что они верили, что это придаст архивам более явный, более точно выраженный научный характер, а я тогда сказал им: мне было «жаль, что с вами это произошло, потому что средств у вас теперь, возможно, будет поменьше»². Когда архивы подчинены министерству культуры, они соперничают с библиотеками и музеями, двумя типами учреждений, известных широкой публике, и, следовательно, они получают менее значительные средства от министерства; архивы в ситуации конкуренции с библиотеками и музеями внутри одного министерства всегда проигрывают.

В.П.: Да, конечно. А что Вы думаете о современной организации архивов во Франции? Ведь у нас больше не Управление архивов, а «служба»...

Ш.К.: Нет... (*Ш. Кечкемети жестом отмахнулся от вопроса о названии архивной службы Франции, полагая его несущественным.*) Во Франции архивы являются частью и находятся под управлением министерства культуры, следовательно, это общая проблема, о которой мы только что говорили, т. е. когда архивы зависят от министерства культуры, их средства скромны по определению, тогда как, если архивы зависят от министерства внутренних дел, эта ситуация дает им тем не менее возможность действовать гораздо более динамично.

---

² В интервью Ш. Кечкемети выразился более категорично, сказав «у вас больше не будет средств», но в расшифровке предпочел менее категоричную формулировку. Интервьюер считает важным указать на это обстоятельство.

В.П.: Да. А для Вас степень вмешательства государства в работу частных фирм, занимающихся архивами, в работу генеалогических и нотариальных архивов должна быть такой, какая она сейчас во Франции, еще большей или гораздо более скромной, как в США?

Ш.К.: Я думаю, что во Франции государство вмешивается во все аспекты общественной жизни, следовательно, оно наделено контрольными полномочиями и при необходимости несет ответственность за ориентацию деятельности различных категорий архивов. Лично меня это не шокирует. Я знаю, что есть страны, где действует лозунг «как можно меньше государства». Но лично я убежден, что, поскольку архивы постоянно подвергаются опасности уничтожения, в ряде случаев и при непредвиденных обстоятельствах, в этих условиях наблюдение за целостностью архивов со стороны государства заслуживает одобрения.

В.П.: Большое спасибо. А у частных архивов, на Ваш взгляд, есть будущее?

Ш.К.: Это не вопрос чьего-либо взгляда. Разумеется, у частных архивов есть будущее, поскольку они существуют. И при том, как развивается ситуация сейчас, т. е. при всеобщей информатизации, возникла совершенно новая проблема: как суметь сохранить эти частные архивы, которые по большей части существуют лишь в электронной форме? На это у меня нет ответа. Я надеюсь, что жизнь найдет ответ по мере того, как мы будем продвигаться вперед.

В.П.: Знаете ли Вы что-нибудь о политике строительства зданий, специально предназначенных для архивов в Вашей стране? И что Вы думаете по этому поводу о Франции?

Ш.К.: Мне кажется, что Франция наиболее передовая страна в сфере строительства архивных зданий, и это страна, в которой много таких здания было построено за последние 50 лет. Однако есть проблема, вызывающая большое беспокойство, – это проблема переноса Национальных архивов из центров городов на периферию. Это произошло не только во Франции, но и в Англии, где Рекорд Офис, их Национальный архив, больше не находится в центре Лондона, эта же проблема в Канаде, где государственный архив больше не находится в столице, а перенесен в Гатино, недалеко от Оттавы, и эта же проблема с Национальным архивом в Вашингтоне. Следовательно, проблема в том, что, поскольку архивы не имеют множества пользователей, правительства считают, что нет смысла сохранять их в центрах городов. Есть ли это политический выбор?³ Не знаю, но такое происходит во многих странах.

---

³ В интервью Ш. Кечкемети спросил, «есть ли в этом политический расчет», но потом усилил формулировку и поставил в окончательной редакции интервью более сильный вопрос о «политическом выборе».

В.П.: Да, в том числе и в России. Может быть, несколько общих вопросов об экспертизе ценности и о комплектовании? Каковы для Вас управленческие и научные принципы, определяющие правильное, как можно более полное формирование государственного архивного фонда? Можно поговорить об этом в отношении Европы...

Ш.К.: Но в архивоведении на самом деле есть лишь один реальный принцип – это принцип уважения к фонду, также называемый принципом происхождения. И вся архивная политика страны определяется тем, как применяют этот принцип.

В.П.: Известно, что в последние годы были некоторые проблемы в распределении источников комплектования между архивными службами. Как, на Ваш взгляд, принимая во внимание финансовый кризис, будет и может развиваться контроль над источниками комплектования?

Ш.К.: Я думаю, здесь нужно привести пример Мексики, где решили оставить даже имеющие самое большое значение архивы министерствам. Это искушение есть во многих странах, оно затрагивает многие правительства. Вместо того чтобы финансировать центральную архивную службу, которая, как им кажется, стоит дорого, оставляют документы министерствам... (*Небольшой дефект записи.*)

В.П.: ...в надежде, что это попадет в архивы...

Ш.К.: Я считаю, что это ненормальная политика, так как проблема здесь – архивное достояние страны. Между тем, когда это наследие в своей совокупности не сохранено под властью государства, когда его сохранность зависит от интереса каждого министерства к своей собственной памяти, и часто это зависит от случая. Следовательно, когда нет центральной архивной службы, архивное достояние находится в опасности.

В.П.: На Ваш взгляд, какая норма или какой юридический инструмент может быть наиболее эффективным для сохранения и расширения списка источников комплектования, чтобы это документальное наследие не ускользнуло от государства?

Ш.К.: А это вопрос закона об архивах, вопрос декрета о применении этого закона. Если законодательство предусматривает передачу архивов, не имеющих больше значения для текущей работы фондообразователя или его архивной службы, то, я полагаю, что сохранность архивов гарантирована.

В.П.: Еще один вопрос о комплектовании. Полагаете ли Вы, что во Франции существует конкуренция между архивами, библиотеками и музеями в сфере приобретения архивных документов?

Ш.К.: Действительно, конкуренция существует⁴. Библиотеки, однако, известны больше, чем архивы, и, следовательно, случается,

---

⁴ В интервью Ш. Кечкемети сказал, что конкуренция между указанными учреждениями, «может быть, слишком сильная», хотя он не считает, что

что семьи и частные лица завещают или дарят свои архивы библиотеке, известному им учреждению, тогда как они не знают об архивах. Таким образом, здесь, возможно, есть проблема: почему тот или иной архивный фонд оказывается в библиотеке, а не в территориально компетентном архиве?

В.П.: Согласна. Считаете ли Вы, что существует самый главный критерий для экспертизы ценности современных документов? И если да, то какой?

Ш.К.: Вначале есть первая проблема: являются ли документы, о которых мы говорим, фондом, существующим в единственном экземпляре, или тот же самый фонд хранится в нескольких учреждениях (в департаменте и, сверх того, в министерстве)? Здесь стоит такая задача: существуют ли архивные фонды в нескольких экземплярах, и если это так, разумеется, нужно сохранить лишь один из этих фондов, и бессмысленно хранить в двух разных местах одну и ту же совокупность архивных документов.

В.П.: Согласна. Является ли для вас интерес журналиста к документам с неистекшим сроком ведомственного хранения критерием для их передачи на постоянное хранение в исторический архив?

Ш.К.: Послушайте, я не знаю, правомерно ли использование термина «журналист», потому что есть не только журналисты, есть и историки современности, которые тоже проявляют интерес. И я убежден, что как только есть интерес либо со стороны журналистов, либо со стороны историков к тому или иному фонду, необходимо это учитывать.

Но до сих пор остается проблема, и это проблема «одного документа». Очень часто историки или журналисты интересуются только тем или другим документом, а не их совокупностью, тогда как для архивов документ не является объектом. Объект для архива – это фонд. Этот интерес к тому или другому индивидуальному документу переводится на язык архивоведения как интерес к тому или иному фонду или их частям.

В.П.: Да, согласна. Полагаете ли Вы, что возможно, и если да, то как снизить субъективность при отборе документов на историческое хранение?

Ш.К.: Послушайте, субъективность – такая вещь, которая может охватывать более-менее широкую культуру, вопрос выбора того, что может и что не может быть уничтожено, – это вопрос культуры. И тем не менее еще одно соображение: как бы то ни было, история архивов дает нам свидетельства того, что определенный отбор совершается автоматически, с течением веков. И, следовательно,

---

в их работе с документами «так уж много различий», но в окончательной редакции текста интервью снял эти фразы.

существуют части фондов, документы, их совокупности, которые терпят ущерб или исчезают с течением времени. Это «исторический» отбор, над которым архивисты не властны.

В.П.: Да-да, это совершенно верно. Блок вопросов о международном сотрудничестве и Международном совете архивов. Итак, Вы долгое время работали в Международном совете архивов... Опираясь на Ваш жизненный опыт, если бы однажды пришлось реформировать работу Международного совета архивов, какие направления или методы работы Вы бы обязательно порекомендовали сохранить? И есть ли что-то, от чего можно было бы отказаться или что-то, возможно, добавить?

Ш.К.: Поскольку я не знаю нынешнюю работу Международного совета архивов, то я не могу прямо ответить на этот вопрос. То, что я могу сказать исходя из моего опыта, это то, что Совет начиная с 1960-х гг. сыграл очень важную роль в работе в двух областях: с одной стороны, это поддержка создания, организации и развития архивов в странах Южного полушария – в Африке, Латинской Америке и Азии. И это было одно из основных направлений деятельности, одна из осей деятельности МСА. Таков один из ответов. Другой ответ состоит в том, что начиная с все тех же шестидесятих годов МСА осуществил крупные проекты. Сначала был первый большой проект «Путеводитель по источникам истории наций», позволивший в конечном итоге опубликовать 60 или более томов. Точнее сказать не могу, потому что я давно перестал вести счет этим томам...

А другим большим проектом были «Архивы Коминтерна». И вот это был типичный международный проект, потому что о чем в нем шла речь? В Испании, в преддверии 500-летия встречи «Старого» и «Нового» света и прибытия испанцев на два американских континента, чтобы отпраздновать это событие, была проведена всеобщая перепись всех хранившихся в Испании архивных документов об испанском присутствии в Америке. Для решения этой задачи было разработано программное обеспечение, которое МСА и российские архивы затем использовали для информатизации архивов Коминтерна, хранившихся в РЦХИДНИ, т. е. это показывает значение и преимущества международного сотрудничества, поскольку мы можем использовать опыт, полученной одной страной, для того чтобы осуществить проект в другой стране.

В.П.: Да, так же произошло с программным обеспечением «Атом», которое использовалось для нескольких проектов. А на самом деле, каково Ваше впечатление от международного архивного сотрудничества? Знаете ли Вы случаи, когда иностранный опыт или связи с зарубежными архивами помогли архивной службе решить очень конкретную, практическую задачу?

Ш.К.: Примеров много... Так, например, в Португалии, где много исторических фондов, не имевших больше управленческой значимости, хранились в министерствах, и недавно они были переданы на хранение в центральные архивохранилища. В этом случае Португалия использовала опыт других стран для организации хранения национального архивного достояния.

В.П.: Согласна, спасибо. Еще вопрос: скажите, как вообще-то должно, по Вашему мнению, развиваться национальное и международное законодательство по вопросам реституции?

Ш.К.: Я опубликовал несколько статей по этому вопросу. Первое, что нужно сделать, – добиться признания корпусом профессиональных архивистов различных стран⁵ того, как нужно управлять фондами, которые, являясь полноценной частью национального достояния одной страны, являются в действительности частью национального достояния другой страны. Таким образом, решение, которое было предложено, – принцип «общего достояния», означающий, что фонды хранятся в одной из стран, но другая страна имеет такие же права доступа к ним, и в случае необходимости оцифровка позволяет сравнительно легко, несмотря на то что это стоит денег, скопировать эти фонды и передать их другой стране в цифровой форме.

В.П.: Вы знаете, что председательство в Совете Европы переходит от страны к стране и что различные структуры Евросоюза готовят документы для архивного хранения в разных структурах с помощью фирм-подрядчиков. Полагаете ли Вы, что имеет смысл создать единую архивную службу Евросоюза?

Ш.К.: Послушайте, проблема в том, что различные европейские учреждения находятся одни в Брюсселе, другие в Люксембурге, третьи еще где-нибудь... Все эти учреждения не согласны с идеей депонировать свои архивы общей европейской архивной службе. Я полагаю, такая служба существует во Флоренции. И очевидно, существуют учреждения Евросоюза, сдающие в нее свои архивы, а также существуют и другие, считающие, что лучше самим хранить свои архивы. Так, я полагаю, обстоит дело с Европейским судом,

---

⁵ В интервью Ш. Кечкемети сказал, что необходимо «добиться признания того, что хранить документы, которые в силу своего происхождения должны быть переданы другой стране, документы, не являющиеся частью национального достояния твоей страны и принадлежащие к национальному достоянию другой страны, ненормально». И даже если в окончательной версии текста эта формулировка была смягчена, мы считаем необходимым привести первоначальный ответ, важный для понимания позиции Ш. Кечкемети по этому вопросу и для дальнейшего развития деонтологических основ нашей профессии.

который, например, не согласен передавать свои архивы во Флоренцию. Я полагаю, нужно, чтобы европейские учреждения договорились между собой, чтобы найти устраивающее всех решение. Полагаю, что со стороны сложно предложить решение, потому что здесь стоит столько задач, что только сами учреждения могут найти лучший путь их решения.

В.П.: Согласна, спасибо. Переходим к вопросам об архивной науке и теории. На Ваш взгляд, является ли архивоведение наукой?

Ш.К.: Задачу... (*улыбается*)... задачу очень часто решали, и среди профессионалов нет согласия по этому вопросу, потому что есть те, кто считает, что архивоведение – это лишь одна из практических методик и оно не имеет характеристик того, что называют «науками», и потом есть другие, для которых оно – наука. Во всяком случае, для меня как бы его ни называли: «наукой» ли или же просто «осмысленной практикой» и «организованным направлением деятельности», неважно, какое имя ему дадут, но архивоведение действительно является интеллектуальным искусством ремесла⁶. Архивоведение, собственно говоря, существует и развивается по мере того, как развивается создание архивов.

В.П.: Думаете ли Вы, что существуют фундаментальные теоретические принципы архивоведения. Если да, то какие и как они будут применяться и развиваться в XXI в.?

Ш.К.: Ответ на первый вопрос: разумеется, существует принцип, определяющий все в архивах, и это принцип уважения к фонду. С информатизацией применение принципа уважения к фонду ужасно усложняется...

В.П.: ...Которые очень недолговечны?

Ш.К.: Да, но не просто очень недолговечны; с информатизацией растет уже не масса бумаги, а масса не существующих на материальном носителе документов⁷. Проблема, судя по тому, что нам говорят австралийцы, в том, что принцип единства фонда не способен более определять архивную политику. Я не знаю, правильна или нет австралийская точка зрения, но я знаю, что такая точка зрения предложена. Как бы то ни было, проблема не в этом, а в сохранении информатизированных архивов, т. е. архивов, не существующих на бумажном носителе. И об этом, как Вы знаете, мы сделали работу

---

⁶ В интервью фраза заканчивалась «искусством ремесла, позволяющим делать эту работу», но при редакции Ш. Кечкемети ее сократил.

⁷ В интервью далее шла фраза «Проблема в том, что, насколько я знаю, принцип единства фонда не применяется», в окончательной версии текста Ш. Кечкемети эту фразу снял.

с нашим другом Лайошем Кёрменди, и Кёрменди пришел к заключению о том, что то, что мы хотим сохранить, нужно переносить на бумагу, поскольку электронные архивы не хранятся больше какого-то определенного времени и технически возможность доступа к ним постоянно ухудшается.

В.П.: Да. Существуют ли для Вас темы архивоведческих исследований, которые недостаточно разработаны на сегодняшний день?

Ш.К.: Я могу дать на этот вопрос лишь отвлеченный ответ: исследования должны постоянно развиваться, постоянно ставить новые вопросы. Нужно, чтобы исследования шли вперед, даже если мы не можем достаточно точно определить сферы и вопросы, требующие исследования, достаточно посмотреть вокруг и найдешь, какие вопросы нужно задавать сейчас, какие вопросы требуют наиболее серьезных исследований. И так наука развивается повсюду. И в этой сфере архивоведение просто походит на другие интеллектуальные дисциплины.

В.П.: Согласна. Несколько вопросов о карьере, судьбах, признании архивистов. Какие черты характера, по-вашему, необходимы для долгой и успешной архивной карьеры и почему?

Ш.К.: Это так же, как во всякой другой профессии: исходного образования недостаточно, ключевым словом в карьере архивиста должно быть постоянное образование, поскольку постоянно происходят изменения в создании документов в источниках комплектования, в организации этих документов у фондообразователя. Все время, все время возникают новые проблемы и на них предлагаются ответы. Итак, в профессии архивиста, как и во всех других профессиях, нужно всегда идти вперед вместе со своим временем и приобретать новые знания. И не отставать от появляющихся новых направлений.

В.П.: Согласна. Что Вы думаете об идее присвоения звания «заслуженный архивист», как, например, в Болгарии, где профессиональный журнал «Архивен Преглед» создал звание «Архивист XX в.», которое было на конкурсной основе присвоено одной нашей коллеге?

Ш.К.: Всегда хорошо, когда наши коллеги получают признание их трудов и заслуг в профессиональном плане. Это доброе дело. И мне кажется, такие звания есть не только в Болгарии, но есть они и в США, а Ассоциация архивистов Франции может дать титул почетного члена лицу, оказавшему ей заметные услуги⁸.

---

⁸ В интервью Ш. Кечкемети добавил, что идея таких наградений «кажется ему симпатичной», но снял эту фразу и фразу о том, что «во Франции, кажется, нет отличий для архивистов» (настолько они малоизвестны в общественном мнении?) в окончательной версии.

В.П.: Спасибо, потому что и вправду наша профессия не очень заметная. Что Вы могли бы порекомендовать, чтобы повысить привлекательность профессии архивиста? Повысить значимость архивных учреждений и документов во мнении населения и в особенности власть предержащих, от которых зависит бюджет?

Ш.К.: Полагаю, что мы находимся в ситуации гораздо более благоприятной, чем раньше, поскольку теперь архивы постоянно цитируют в сетях, просто каждый раз как мы включаем радио, телевизор и встает вопрос социальных сетей и создающихся вокруг них архивов. И сегодняшняя публика гораздо более близко знакома с понятием «архивы», чем публика 30–40-летней давности. Следовательно, я думаю, что в этом плане положение выправится само собой, население многих стран привыкает использовать слово «архивы», зная, что оно обозначает.

В.П.: Это очень хорошее наблюдение. А что Вы можете сказать, хотя, действительно, мы уже касались этого вопроса, о долгосрочном, более ста лет, хранении электронных архивов? Мы знаем, что Вы с господином Керменди опубликовали об этом книгу, а что Вы думаете об этом сегодня, несколько лет спустя после публикации Вашей книги, об официальной стратегии развития цифрового общества и особенно о месте архивов в этой стратегии? Изменилось ли что-то или?..

Ш.К.: Я думаю, сегодня считается, что современные технологии позволяют долговременно хранить архивы в электронной форме. Правда ли это? Будущее покажет. Но я считаю, что до того все же полезно сохранять то, что мы считаем жизненно важным, в материальной форме. В конце концов жизнь решит, как будет развиваться технология и как она будет использоваться, исходя из потребностей учреждений и правительств. Ясность в этот вопрос, на мой взгляд, принесет практика, поскольку вопрос этот не теоретический, а практический: можно ли полагаться на сохранность электронных архивов или же нужно сохранять документы на материальных носителях (бумаге, микрофильме и т. д.)?

В.П.: По сути, оставить электронные документы для текущей работы?

Ш.К.: А чтобы обеспечить непрерывность деятельности учреждений и тем самым сообщества, которому они принадлежат (будь то фирма, или город, или же страна), нужно хранить важные архивы в материальной форме.

В.П.: Другой вопрос: что, по Вашему мнению, нужно сделать, чтобы сохранить культуру работы с документом, с текстом в современном обществе? Это настоящая проблема: дети больше не читают, к архивам обращаются очень редко, чтобы извлечь

информацию, а не чтобы их читать. Действительно ли чтение исчезает и архивы вместе с ним, или?..

Ш.К.: Я полагаю, что это изменится, потому что нынешняя практика воспитания детей с планшетами, с экранами должна со временем исправиться и вернуться к реальному чтению, не к чтению документов на экране, при факторе случайности, который в этом присутствует. Мне кажется, нужно, чтобы дети учились читать по книгам.

В.П.: Следовательно, это прежде всего дело семьи и в меньшей степени, школы?

Ш.К.: Нет, обоих: семьи и школы.

В.П.: Вернемся к перемещенным архивам. В современном мире происходит много вооруженных конфликтов. Как Вы оцениваете перспективы сохранения документального, архивного, исторического наследия в зонах этих конфликтов и перспективы реституции этого наследия?

Ш.К.: Здесь, я полагаю, существует практический опыт у Швейцарии. Швейцария принимает в целях безопасности депозиты от стран, где имеют место военные конфликты, разумеется, при обязательном условии вернуть их, когда наступит мир. Но я думаю, что нужно сделать так, чтобы об этих возможностях Швейцарии узнали, поскольку конфликты происходят то тут, то там, и о тихой швейцарской гавани для архивов должны знать правительства, страны, где происходят угрожающие архивным фондам конфликты.

В.П.: Не знала об этом. Это очень интересно. Вот последний вопрос о режиме использования архивов. Вы, разумеется, знаете существующие в современном законодательстве Франции и Европы ограничения на использование архивов, Вы занимались этой темой. Каковы для Вас в современном мире, учитывая известный нам контекст, перспективы более широкого открытия архивов? То есть это реально или мы уже достигли предела?

Ш.К.: Послушайте, проблема в том, что есть разные традиции. В частности, в России, где есть традиция не открывать архивы. Мы увидели это в начале 1990-х гг.: архивы были открыты довольно широко, а затем произошел возврат к прежней практике. Если хотите, это вопрос отличий в практике разных стран. Но есть один элемент, который следовало бы внедрить повсеместно – это американская практика: если дают доступ к документу или к фонду для одного исследователя, нужно, чтобы выданные ему документы стали доступными для всех, открытыми начиная с этого вот момента. Иначе говоря, факт получения привилегий одним исследователем должен бы исчезнуть из нашей практики.

В.П.: Следовательно, существующий доступ в порядке индивидуального разрешения не должен больше применяться?

Ш.К.: На мой взгляд, это нечто противоречащее представлению, которое мы имеем об архивоведении.

В.П.: Да! Мы фактически подходим к концу. Последний вопрос: есть ли важная для Вас тема, которую мы не обсудили в ходе этого интервью и которую Вы хотели бы в нескольких словах затронуть, сообщить о ней Вашим коллегам?

Ш.К.: Да, кажется, есть такая вещь. Это один из аспектов того, что называется международным сотрудничеством. Это рассмотрение со странами тех проблем, которые у них возникают, и помощь странам в развитии их архивных систем. Что-то вроде того, что делает во Франции Счетная палата, проверяющая работу государственных учреждений. Мне кажется, что для архивов на международном уровне должна существовать система международного аудита, и, разумеется, этим могло бы заняться такое учреждение, как ЮНЕСКО. Так что, возможно, было бы уместным предложить ЮНЕСКО включить в свою программу, которая, насколько я помню, называется «Коммуникация и культура», элемент проверки работы архивных учреждений в странах-членах.

В.П.: По просьбе испытывающих сложности стран?

Ш.К.: Нет, не стран. Может быть, по просьбе неправительственных организаций.

В.П.: Согласна, да. Потому что они более беспристрастны?

Ш.К.: Да, потому что международные неправительственные организации призваны играть определенную роль, дополняющую то, что делают страны. Таким образом странам принадлежит право принимать решения, но неправительственные организации имеют право внести предложение.

В.П.: Согласна.

Ш.К.: По поводу архивной науки: в США библиотекари полагают, что архивоведение является частью науки о библиотеках, а в Европе, насколько я знаю, делают различие между двумя дисциплинами. Но есть огромная разница между науками о библиотеках и об архивах. Она в том, что наука о библиотеках – дисциплина, имеющая огромную литературу, тогда как по истории архивоведения есть несколько статей там и тут, но, во всяком случае, это не дисциплина, в которой создают впечатляюще много нового, и архивистов эта разница не интересует.

В.П.: Они действительно не хотели наверстать упущенное? Во Франции?

Ш.К.: Нигде. Есть очень мало, очень мало публикаций об архивной литературе, об истории архивов. И, насколько я знаю, до сих пор нет архивной энциклопедии, тогда как существует большое

количество библиотечных энциклопедий. Я давно написал статью о необходимости создания архивной энциклопедии, но это не дало результата.

В.П.: Жаль. Я, когда могу, говорю об этом. Спасибо! Огромное спасибо за это интервью, это было действительно очень интересно.

*Запись интервью и перевод
с французского языка В.Б. Томас-Прозоровой*

Информация об авторе

Виктория Б. Томас-Прозорова, кандидат исторических наук, Агентство Tram-Train SNCF, Париж, Франция; Франция, Париж, 185 ул. Берси, д. 185, 75012; SPIN-код: 8982-5867

Information about the author

Victoria B. Thomas-Prozorova, Cand. of Sci. (History), Agence Tram-Train SNCF, Paris, France; 185, rue de Bercy, France, Paris, 75012; SPIN-код: 8982-5867

Оформление обложки
М.Е. Заболотникова

Корректор
Т.Ю. Журавлева

Компьютерная верстка
М.Е. Заболотникова

Подписано в печать 14.03.2022.

Формат 60×90¹/₁₆.

Уч.-изд. л. 9,5. Усл. печ. л. 10,1.

Тираж 1050 экз. Заказ № 1422

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл.,
www.rsuh.ru